

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Handwritten notes in the top right corner, including the number 3281 and some illegible cursive text.

МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

ВЪ БОРЬБѢ СЪ РАСКОЛОМЪ.

25617

А. ЗЫКОВА.

БИБЛИОТЕКА
Лан. Правосл. Дух. Академ.
ОТД. №
инв. № 25617

25617
МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа,
Водвиженка, Крестоводвиж. пер., д. Лиснера.

1898.

3818

по своему положенію вынужденныхъ имѣть дѣло съ расколомъ и искренне преданныхъ интересамъ православія, не обходилось безъ его „мудрыхъ указаній“, „совѣтовъ“ и „глубокомысленныхъ соображеній“¹⁾. Наконецъ, ни одинъ почти и изъ современныхъ Филарету русскихъ іерарховъ въ трудныхъ обстоятельствахъ тяжелой противораскольнической борьбы также не обходился безъ его совѣтовъ, утѣшеній, наставленій и ободреній. Очень часто святитель Филаретъ и самъ предупредитель, или другія недоумѣнія архипастырей, будучи близко знакомъ съ состояніемъ раскола въ той или другой мѣстности, о чемъ свидѣлствуютъ часто встрѣчающіяся въ его письмахъ выраженія: „до свѣдѣнія моего дошло“, „объ этомъ я уже слышалъ“²⁾ и пр. И вся эта обширная дѣятельность московскаго святителя проникнута общими свойствами его необыкновенно яснаго ума, непоколебимо-твердой воли, пламенной ревности къ интересамъ церкви и государства и мудрой осторожности. Поэтому безъ преувеличенія можно сказать, что излагать исторію противораскольнической дѣятельности святителя Филарета — значитъ излагать исторію раскола за время его пятидесятилѣтней дѣятельности.

Предлагаемое изложеніе этой его дѣятельности есть только первый въ семь родѣ опытъ, — трудъ далеко не полный и не исключающій потребности въ новомъ, полнѣйшемъ и всестороннемъ, изложеніи трудовъ и дѣятельности приснопамятнаго архипастыря въ борьбѣ съ расколомъ. Въ ожиданіи такового и то немногое, неполное, что предлагается, послужитъ, надѣемся, на пользу читателямъ.

¹⁾ Собр. мн. и отв. III т., стр. 527, 532; V т., стр. 739.

²⁾ „Что ваши единовѣрцы раскольничаютъ, — пишетъ напр. м. Филаретъ Николаю, еп. Калужскому отъ 23 авг. 1838 г., — это я слышалъ прежде“ (Чт. Общ. люб. дух. просв. 1870 г. II, 19 стр.). „Что у васъ восемь священниковъ ушло въ расколъ, — писалъ онъ Гавріилу, также еп. Калужскому, впоследствии Рязанскому (Городкову), отъ 2 января 1830 г., — я слышалъ уже прежде вашего письма и хотѣлъ писать къ вамъ, что не должно сего оставить безъ вниманія“ (Письмо къ нему 68 г. 15 стр.) и т. д.

I.

Общій взглядъ митрополита Филарета на расколъ и на мѣры противъ него со стороны духовной и свѣтской власти.

1. Отличительной чертой и однимъ изъ главныхъ достоинствъ противораскольнической дѣятельности митрополита Филарета должно признать ея въ высшей степени твердую устойчивость, одинаковый по существу характеръ ея отъ начала и до конца, несмотря на рѣзкія перемѣны въ отношеніяхъ къ расколу верховной власти. Сказанное въ тридцатыхъ годахъ съ твердостью повторяется и защищается имъ, какъ истинное и цѣлесообразное, и въ шестидесятыхъ, хотя его голосъ въ эти года становится уже почти одинокимъ и образуетъ замѣтный диссонансъ съ духомъ времени. Такое свойство противораскольнической дѣятельности святителя Филарета, помимо естественно-необходимой для сего твердости воли, объясняется тѣмъ, что она логически-последовательно вытекала изъ его *общихъ*, твердо сложившихся, подъ влияніемъ тщательнаго изученія и опыта, *взглядовъ* на расколъ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ фактически излагать ее, необходимо имѣть въ виду эти общія воззрѣнія святителя Филарета на расколъ, какъ ея основаніе и исходный пунктъ.

Самый важный, основной и въ то же время общій вопросъ относительно раскола — это, конечно, вопросъ о его сущности и значеніи. Рѣшая этотъ вопросъ, святитель Филаретъ не вдается въ тонкія историческія изысканія о началѣ и причинахъ происхожденія раскола и пр., но, гдѣ нужно, пользуется въ этомъ случаѣ уже готовыми или, точнѣе, общеизвѣстными историческими данными. Методъ разсужденій его болѣе простъ и нагляденъ. Онъ беретъ современный ему расколъ, и черпаетъ доказательства для своихъ воззрѣній въ большинствѣ случаевъ изъ своего времени и даже изъ своей противораскольнической практики, отчего они дышатъ жизненностью и убѣдительностью. Итакъ, что-же такое расколъ по воззрѣніямъ митрополита Филарета и каково его значеніе?

Современный расколъ, по взгляду московскаго святителя, — церковно-государственное явленіе по своему значенію, хотя онъ родился и возросъ на церковной почвѣ. „Въ прежнія времена (писалъ онъ въ 1851 году въ отвѣтъ на вопросъ о значеніи раскола въ Россійскомъ государствѣ), расколъ имѣлъ значеніе преимущественно церковное, и въ глазахъ императрицы Екатерины II раскольники еще могли казаться болѣе смѣшными, или жалкими, нежели опасными. Но въ настоящее время расколъ имѣетъ важное значеніе преимущественно въ гражданскомъ отношеніи“¹⁾. И въ томъ и въ другомъ отношеніи онъ есть „болѣзнь“, „зло“, „язва“, непрестанно болѣе и болѣе распространяющіяся и требующія „неотложнаго и серьезнаго врачеванія“²⁾. Ибо что такое расколъ съ церковной точки зрѣнія? „Отломившаяся, поврежденная отрасль господствующаго вѣроисповѣданія, къ которому всѣ раскольники совершенно принадлежали прежде въ своихъ предкахъ“³⁾; „общество людей, которое, вслѣдствіе давно возникшихъ распрей и усиленно-изысканныхъ сомнѣній о вселенской православной церкви, само себя поставило въ отчужденіе отъ вселенской православной церкви“⁴⁾. Разорвавъ союзъ съ единой святой соборной и апостольской церковію и за это вполне справедливо отторгнутые ею „раскольники вздумали созидать какую-то иную, которой основаніемъ и подпорами служатъ имъ бѣглецы священства и самопоставленные наставники, никѣмъ никогда не посвященные“. Такимъ образомъ нынѣ существующія церкви раскольническія — „самовольныя и самодѣльныя построенія, воздвигнутыя во враждѣ православной церкви, врата адавы, на прельщеніе невѣдущихъ малымъ подобіемъ церкви прикрашенныя“⁵⁾. — При такомъ своемъ характерѣ расколъ, очевидно, великое зло, такъ какъ въ своихъ сѣтяхъ держитъ „тысячи несчастныхъ“, отчуждая ихъ

1) Собр. мнѣн. и отв. 4 т., 297 стр.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же, 2 т., 373 стр.; 3 т., 63 стр.

4) Сочин. м. Филарета 5 т., 289 стр.

5) Тамъ же, 2 т., 410—411 стр.

отъ церкви, „ведущей ко спасенію“¹⁾, о которыхъ каждый истинно вѣрующій долженъ глубоко сожалѣть, всѣми силами способствовать ихъ возвращенію въ покинутое ими лоно церкви и молиться о томъ Богу.

Но еще большее зло раскола заключается, по мнѣнію митрополита Филарета, въ его отношеніяхъ къ православной церкви. Родившись отъ неповиновенія къ ней и отъ вражды съ нею, расколъ ненавидитъ ее до сихъ поръ, хотя и не такъ фанатически, какъ въ первое время своего существованія. Раздѣляясь на многочисленныя секты, всѣ раскольники однако согласно сходятся въ этомъ пунктѣ. Названія православной церкви — «никоновской», «еретической», «антихристовой» — обычныя названія у всѣхъ раскольниковъ. Ближе другихъ сектъ по своимъ взглядамъ и внѣшнему подобію стоитъ къ православной церкви поповщина. Но достаточно прочесть «выдуманный ея послѣдователями обрядъ отреченія отъ православной церкви, какъ будто еретическаго общества, и присоединенія къ ихъ обществу, какъ будто къ истинной церкви», чтобы видѣть, что и поповцы не отличаются отъ безпоповцевъ въ указанномъ отношеніи. Въ этомъ, такъ называемомъ у нихъ проклятіи ересей никоновыхъ, которое въ видѣ присяги долженъ произнести всякій входящій къ нимъ священникъ, проклинаясь «древніе истинныя церковныя обряды, іерархія, правительство и всѣ истинныя сыны православной церкви»²⁾. Главная причина этой ненависти и вражды та, что основное свое свойство — безблагодатное состояніе самочинныя раскольническія церкви переносятъ на православную церковь и стремятся стать на ея мѣсто, въ качествѣ истинной Христовой церкви, — это ихъ дерзкая завѣтная мечта. Отсюда постоянныя жалобы раскольниковъ на мнимыя притѣсненія со стороны православной церкви, «которыя могутъ прекратиться тогда лишь, когда они будутъ торжествовать»³⁾.

1) Собр. мнѣн. и отв. 4 т., 299 стр.

2) Тамъ же, дополн. т. 235—236 стр.

3) Тамъ же, 446 стр.

Отсюда ихъ усиленная, вполнѣ незаконная пропаганда среди православныхъ, безъ которой расколъ, можетъ быть, уже давно прекратилъ бы свое существованіе. Такимъ образомъ по самому существу своему православіе и расколъ такъ противоположны другъ другу, что существованіе и ростъ одного могутъ совершаться только на счетъ и въ ущербъ другому. Въ этомъ отношеніи «расколъ, — говоритъ митр. Филаретъ, — не можетъ идти въ сравненіе съ терпимыми въ Россіи исповѣданіями: они не касаются кореннаго русскаго православнаго населенія. Напротивъ того, раскольники по духу своего прозелитизма никогда не разграничатся съ православными. Оттого существуетъ значительное число (до 600 тысячъ) колеблющихся между православіемъ и расколомъ»¹⁾.

Такой исключительный, враждебный по отношенію къ православной церкви характеръ раскола, а равно и весь его вредъ для православія ясно обнаруживаются, по взгляду митр. Филарета, въ способахъ его распространенія. Расколъ, по его мнѣнію, болѣе и болѣе распространяется не силою какихъ-либо своихъ внутреннихъ достоинствъ (которыхъ у него нѣтъ), но потому отчасти, что очень благоприятна почва для его развитія въ средѣ малообразованнаго православнаго люда, а главное потому, что для многихъ или очень заманчиво-выгодны его сѣти, или непосильна борьба съ нимъ.

«Расколъ не имѣетъ ума и чувства, чтобы жить ими», и въ раскольникахъ вообще «мало имѣетъ силы религіозное убѣжденіе, поелику сила разсужденія мало въ немъ раскрыта и образована». «Дикое растеніе самочиннаго невѣдѣнія» по своему происхожденію — расколъ и въ настоящее время держится и питается невѣдѣніемъ. «При собственномъ невѣжествѣ, раскольники пользуются невѣдѣніемъ православныхъ для совращенія ихъ въ расколъ», такъ какъ «для безграмотнаго крестьянина довольно двухъ словъ: старая вѣра, чтобы совратить его съ церковнаго пути. Опроверженіе сихъ словъ по необходимости не такъ просто, а потому не такъ легко производить впечатлѣ-

¹⁾ Собр. мнѣн. и отз. дополн. т., стр. 463, 465.

ніе»¹⁾. Этимъ объясняется, что расколъ преимущественно и крѣпко держится между крестьянами, мѣщанами и особенно ихъ женами, и многіе изъ нихъ держатся его совершенно «искренно»²⁾. Но, конечно, не все раскольники настолько невѣжественны, чтобы не видѣть всей лжи и пагубности раскола и истинны православія. Напротивъ многіе, весьма многіе и идутъ въ расколъ и остаются въ расколѣ, отлично сознавая его темныя стороны, такъ что объ ихъ искренности не можетъ быть и рѣчи; напр. «между купцами, и въ особенности молодыми, весьма немногіе вѣруютъ въ расколъ». Причина ихъ косвенія та, что для такихъ расколъ имѣетъ особаго рода заманчивыя стороны и выгоды, а также и карательныя средства для удержанія. «Деньги, деньгами купленное покровительство, мірскія выгоды, господство богатыхъ раскольниковъ, вольность и ненаказанность преступленій»³⁾ — вотъ, помимо невѣжества, другія, еще болѣе сильныя и надежныя «подпоры» раскола, замѣнившія фанатизмъ, которымъ онъ первоначально жилъ и который съ теченіемъ времени значительно ослабѣлъ⁴⁾. «Раскольниковъ, пишетъ святитель Филаретъ въ другомъ мѣстѣ, держитъ въ удаленіи отъ церкви не заблужденіе ума, а упрямство воли, а также корыстныя связи, зависимость отъ сильныхъ единомышленниковъ, слишкомъ распространенная увѣренность въ ихъ неприкосновенности, надежда на силу денегъ и на нѣкоторыхъ огласившихся покровителями ихъ»⁵⁾. Эти подпоры раскола настолько сильны и дѣйствительны, что противъ нихъ «знаніе и ревность духовенства ведутъ бесплодную борьбу», равно какъ и все мѣропріятія правительста почти совсѣмъ парализуются ими.

Самый упорный, ожесточенный, вредный элементъ въ расколѣ составляютъ «вожаки», «старшины» или «коноводы»,

¹⁾ Собр. мнѣн. и отз. т. 5, стр. 579, 741; т. 4, стр. 21. Чт. въ Общ. люб. дух. просв.—Псм. Ф. къ Игн. Ворон.—1871 г. № 4, 44 стр.

²⁾ Собр. мнѣн. и отз. 4 т., 298 стр.

³⁾ Душ. Чт. 1882 г., 2 т., 233 стр. Псм. Ф. къ Инок. Камчатск.

⁴⁾ Собр. мнѣн. и отз. 5 т., 579 стр.

⁵⁾ Тамъ же, 4 т., 146 стр.

а также расколуучители. Самой главной изъ подпоръ его служатъ общественныя заведенія раскольниковъ съ громадными капиталами и недвижимоствами, первое мѣсто среди которыхъ по своему богатству и огромному вліянію почти на всю Россію безспорно занимаютъ два московскихъ официально благотворительныхъ заведенія, а по просторѣчю Кладбища — Рогожское и Преображенское.

Сами менѣе всего заботятся объ истинѣ, вожаки раскола упорно косиѣютъ въ немъ «единственно по земнымъ нечистымъ побужденіямъ», — потому только, что онъ выгоденъ для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ: ему обязаны и имъ держатся ихъ вліяніе, почетъ, уваженіе, богатство и пр.; словомъ, — «расколъ есть ихъ промыселъ, доставляющій имъ большія выгоды и почетъ»¹⁾. Въ то же время для нихъ есть и еще «прелесть» въ расколѣ, какой они не могутъ ждать отъ православной церкви, какъ чуждой ея, — это «независимое и республиканское самоуправство въ церковныхъ дѣлахъ»²⁾. Ихъ попы и отцы, большею частію не сильные разумѣніемъ и добродѣтелию, — всегда непрекословные исполнители ихъ воли, такъ какъ притомъ находятся отъ нихъ въ полной денежной зависимости и избираются ими. Поэтому властные расколоводители имѣютъ возможность всякому церковному закону «нужды ради, дѣлать примѣненіе», т.-е. сдѣлать, напр., свадьбу ранѣе узаконеннаго числа лѣтъ, или въ запрещенной степени родства и пр. Это «республиканское самоуправство раскольниковъ въ церковныхъ дѣлахъ, — говоритъ митрополитъ Филаретъ, — главная прелесть раскола», которой раскольники дорожатъ (что ясно видно изъ многократныхъ усиленныхъ домогательствъ екатеринбургскихъ и московскихъ раскольниковъ-поповцевъ имѣть независимыхъ отъ церковной власти священниковъ), а православные сильно соблазняются, потому что положеніе первыхъ въ этомъ отношеніи много выгоднѣе положенія послѣднихъ, которымъ указанна воль-

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв. 4 т., 299 стр.

²⁾ Тамъ же, 3 т., 22 стр.

ности почти недоступны и не проходятъ безнаказанно¹⁾). «Православный священникъ не согласится вѣнчать бракъ при несовершеннолѣтіи, или въ близкомъ родствѣ, или оставленную мужемъ безъ законнаго развода; не согласится хоронить умершаго въ царскій день, или усопшаго скоропостижно безъ изслѣдованія и пр. Для раскольническихъ же лжесвященниковъ не существуютъ сіи затрудненія»³⁾. Велѣдствіе такихъ большихъ выгодъ вожаки раскола не только сами упорно держатся его, но и ревностно, всѣми зависящими отъ нихъ средствами пропагандируютъ его, жестоко метая отступникамъ отъ него и поставляютъ всевозможныя препятствія ревностнымъ противораскольническимъ миссіонерамъ. Болѣе часто практикуемый ими способъ пропаганды раскола и обычныя ихъ средства для укрѣпленія его состоятъ въ томъ, что начальствующіе раскольники, напр., управляющіе и старосты, тѣснятъ подчиненныхъ, богатые — бѣдныхъ, хозяева-фабриканты — своихъ рабочихъ, если эти послѣдніе принадлежатъ къ православной церкви, или изъявляютъ желаніе оставить расколъ³⁾. «Раскольники-фабриканты, — говоритъ митр. Филаретъ, — обыкновенно притѣсняютъ православныхъ, которые у нихъ работаютъ; или притѣсненіемъ за православіе, а съ другой стороны обѣщаніемъ выгодъ въ расколѣ совращаютъ въ расколъ»⁴⁾. «Напр., православный мануфактуристъ работникамъ равно платитъ по исправности и достоинству работы; мануфактуристъ-раскольникъ раскольникамъ даетъ высшую въ сравненіи съ православными плату и сверхъ того подарки». А не рѣдки и такіе случаи, когда фабриканты-раскольники принимаютъ православныхъ въ работники лишь подъ условіемъ перехода въ расколъ, и въ случаѣ вторичнаго обращенія ихъ въ православіе лишаютъ мѣста. Такъ «недавно»⁵⁾

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв. 3 т., 22 стр.; дополн. т., 234 стр.

²⁾ Тамъ же, 5 т. 156 стр.

³⁾ Душ. чт. 1872 г. 2 т., 122 стр.; 1 т., 482 стр.; 1890 г. 2 т., 471—472 стр.

⁴⁾ Собр. мнѣн. и отв. 5 т., 924—925 стр.

⁵⁾ Записка о положеніи раскола, въ которой содержится этотъ рассказъ, относится къ 1867 году.

въ одной мѣстности Серпуховскаго уѣзда нѣсколько православныхъ совратились въ расколъ. Посланъ былъ изъ Москвы священникъ для вразумленія ихъ. Нѣсколько дней бесѣдовалъ онъ съ ними порознь: нѣкоторые убѣждались возвратиться въ церковь. Но когда онъ наконецъ предложилъ имъ открыто исполнить сіе: они отказались, говоря, что чрезъ сіе лишатся пропитанія, ибо живутъ работою на фабрикѣ у хозяина-раскольника¹⁾. Тамъ же, гдѣ указанный способъ мало примѣнимъ, или оказывается недѣйствительнымъ, расколоводители, въ видахъ усиленія раскола и для противодѣйствія успѣхамъ православія, пускаютъ въ ходъ «запрещенія и проклятія», а гдѣ нужно и прямо грубое насиліе. Въ шестидесятыхъ годахъ, рассказываетъ митрополитъ Филаретъ, многіе изъ благоразумныхъ раскольниковъ-поповцевъ, при видѣ распрей и соблазновъ во всей ихъ лжеіерархіи, изъявили наклонность присоединиться къ православной церкви; но начинать никто не рѣшался по опасенію мщенія отъ раскольниковъ, «чего были опыты весьма прискорбныя»²⁾. «Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, нѣкоторые обыватели,— говоритъ онъ также,— на приглашеніе ихъ духовенствомъ къ Единовѣрію отвѣчаютъ: если царь велитъ всѣ пойдемъ; и безъ сего мы пойдемъ въ церковь, если вся деревня пойдетъ; а порознь идти опасаемся оскорбленій и мщенія отъ остающихся въ расколѣ, сильныхъ членовъ богатствомъ и властію. Сей отвѣтъ можно почитать искреннимъ. Опасеніе сіе есть слѣдствіе горькихъ опытовъ»³⁾.

Такихъ «прискорбныхъ, горькихъ опытовъ» насилія и мщенія со стороны расколоводителей въ противораскольнической практикѣ митрополита Филарета дѣйствительно было не мало и не только надъ простолюдинами⁴⁾, но нерѣдко и надъ право-

¹⁾ Собр. мѣн. и отв. 5 т., 924—925 стр.; срви. Бр. Сл. 1872 г. 2 т., 129—136 стр.

²⁾ Собр. мѣн. и отв. 5 т., 924 стр.

³⁾ Тамъ же, 5 т., 599 стр.

⁴⁾ См. напр., Душен. Чт. 1888 г. 3 т., 128 стр. и 1890 г. 2 т., 471—472 стр.

славными священниками, которые своею плодотворною дѣятельностію становились расколоводителямъ поперекъ дороги, и даже надъ православными церквами, въ центрахъ раскола служившими оплотомъ православія. Возмутительный опытъ насилія перваго рода — надъ православнымъ священникомъ — митрополитъ Филаретъ приводитъ въ письмѣ къ преосвященному Иннокентію архіепископу Камчатскому отъ 25-го ноября 1857 года. «Въ одинъ приходъ, зараженный расколомъ, писалъ онъ, вмѣсто недѣйствительнаго я опредѣлилъ усерднаго и дѣятельнаго священника, впрочемъ кроткаго и осторожнаго: чрезъ немногіе мѣсяцы уже и въ то село, изъ котораго онъ переведенъ, пришелъ слухъ, что его сожгутъ, и чрезъ недолгое время домъ его сожженъ, и виновнаго не открыто»²⁾. О другомъ опытѣ мщенія расколоводителей — надъ православною церковію — митрополитъ Филаретъ рассказываетъ въ письмѣ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу А. П. Толстому отъ 20 апрѣля 1857 года: «Одинъ сельскій священникъ, открылъ скопище раскольниковъ, и нѣкоторые изъ нихъ были арестованы. Въ началѣ прошедшей Страстной недѣли онъ явился ко мнѣ съ донесеніемъ, что его приходская деревянная церковь сгорѣла безъ остатка и безъ возможности что-либо спасти; когда я ему говорилъ, что это наводитъ на него подозрѣніе въ небрежности, и что онъ можетъ подвергнуться наказанію, онъ отвѣчалъ: «понесу если угодно Богу». Но когда я настоялъ, чтобы онъ сказалъ, не имѣетъ ли какой догадки о причинѣ пожара, онъ отвѣчалъ: «имѣю, но не могу показать ее въ дѣлѣ: имѣю подозрѣніе на раскольниковъ, за нѣсколько передъ пожаромъ дней освобожденныхъ изъ подъ ареста, но доказать не могу; и если они сожгли церковь, кольми паче сожгутъ мой домъ, если объявлю на нихъ подозрѣніе». «Таковы, заключалъ свой рассказъ митр. Филаретъ, — наши отношенія къ расколу. А между тѣмъ расколоводители покрываютъ себя и своихъ

²⁾ Душен. Чт. 1882 г. 2 т., 233 стр.

Какъ центры раскола, Рогожское и Преображенское Кладбища, въ лицѣ своихъ старшинъ и настоятелей, имѣють вліяніе на всѣ почти отрасли поповщины и безпоповщины на пространствѣ едва не цѣлой Россіи, руководятъ повсюду распространеніемъ раскола, употребляя при этомъ преимущественно тѣ же средства, какія обычно практикуются отдѣльными вожаками, т. е. деньги, а гдѣ нужно и насиліе, только въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ, — поддерживаютъ его связями, назначаютъ по своему усмотрѣнію въ иногороднія общины лжепоповъ и духовныхъ отцовъ, разрѣшаютъ недоумѣнные церковные вопросы, часто служатъ мѣстомъ для многочисленныхъ соборовъ и пр. Въ свою очередь и иногороднія раскольническія общины ничего не предпринимаютъ безъ своихъ митрополій, обращаются къ нимъ за совѣтами, разрѣшеніемъ споровъ, и своими пожертвованіями увеличиваютъ и безъ того большія богатства ихъ¹⁾. Въ доказательство того, насколько сильно и далеко простирается вліяніе Рогожскаго Кладбища, митр. Филаретъ приводилъ выписку изъ письма къ нему преосвящ. Иннокентія Камчатскаго отъ 17 ноября 1855 года: «Я старался короче знакомиться съ раскольниками, живущими по рѣкѣ Маѣ, — писалъ къ нему преосвящ. Иннокентій. Многіе изъ нихъ соглашались со мною въ ихъ заблужденіи. Мнѣ кажется, что если бы не ихъ окаянные учителя, которые у нихъ пользуются почетомъ и доходами, то всѣ прочіе обратились бы скоро, и даже безусловно. Одно считаю достойнымъ вниманія, а именно: они всѣ считаютъ себя подчиненными московскимъ рогожскимъ отцамъ, какъ они ихъ называютъ»²⁾. О подобныхъ же отношеніяхъ къ иногороднимъ общинамъ Преображенскаго Кладбища митр. Филаретъ представляетъ свидѣтельство въ найденной здѣсь въ 1844 году «подлинной отъ старшинъ сего Кладбища, за подписями и печатью, грамотѣ, данной наставнику, опредѣленному ими въ иной городъ иной губерніи», а именно нѣ-

коему Аванасію Антонову на управленіе раскольниками въ Саратовѣ, въ которой (грамотѣ) между прочимъ сказано, что *ихъ страна подлежитъ здѣшнему московскому вѣдомству*³⁾. Такимъ образомъ, «сей актъ, — говоритъ онъ, — обличаетъ организуемое преображенскими раскольниками управленіе, простирающее власть свою не только далѣе Москвы, но и далѣе предѣловъ губерніи».

Указанныя подпоры раскола и способы его пропаганды дѣлають его, по мнѣнію митрополита Филарета, именно болѣзнію, трудно поддающеюся духовному врачеванію, и еще болѣе усиливають вредъ и зло, причиняемые имъ православною церковью. Они не только затрудняютъ, но и обращаютъ почти въ ничто дѣйствованіе православнаго духовенства на раскольниковъ, правда, не вездѣ удовлетворительное, однако въ общемъ довольно значительное, которое при другихъ условіяхъ несомнѣнно достигало бы гораздо болѣешихъ результатовъ, чѣмъ каковы они есть. При этомъ «особенную недостаточность вразумляющему дѣйствію духовенства» естественно обнаруживаютъ московскіе раскольники, вслѣдствіе того «особеннаго вида самостоятельности, который съ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія умѣлъ придать себѣ московскій расколъ, и продолжаетъ сохранять дониндѣ»⁴⁾. Что вина коснѣнія въ расколѣ московскихъ раскольниковъ не всецѣло лежитъ на московскомъ духовенствѣ, въ доказательство этого м. Филаретъ приводилъ слѣдующіе опыты. «Одинъ изъ московскихъ священнослужителей»⁵⁾, — бывъ посланъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Вятскую епархію, возвратилъ церкви многія сотни людей, которые отпали было въ язычество. Другой⁶⁾ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ успѣлъ обратить въ двухъ приходахъ Московской епархіи около 200 душъ живодствующихъ, безъ всякаго при томъ содѣйствія граждан-

1) Собр. мѣн. и отв. 4 т., 328. стр.
2) Тамъ же, 82 стр.

1) Собр. мѣн. и отв. 3 т., 513 стр.
2) Тамъ же, дополн. т., 225—227 стр.
3) Протоіерей Москов. Богоявл., въ Елоховѣ, ц. А. Покровскій.
4) Протоіерей г. Подольска В. Березкинъ.

скаго начальства. Тѣ же лица въ соприкосновеніи съ московскими раскольниками не оказали подобнаго сильнаго дѣйствія, послѣдній даже въ своемъ приходѣ. Есть также извѣстія, что единовѣрческій священник¹⁾, по предписанію Св. Синода посланный въ прошедшемъ (1847) году изъ Московской епархіи въ Херсонскую, нѣсколько сотъ раскольниковъ рѣшительно расположилъ къ Единовѣрью и основалъ у нихъ церковь; потомъ зыбковскихъ, послѣ состязаній, продолжавшихся нѣсколько дней, преклонилъ къ подобной рѣшимости; но въ Московской епархіи, служа долгое время при единовѣрческой церкви, въ приходѣ которой, кромѣ единовѣрцевъ, живутъ около 1000 душъ раскольниковъ, онъ не достигалъ сколько-нибудь подобнаго успѣха²⁾. Эти три случая — «знаменательные признаки того, что причины неуспѣха часто лежатъ» и должно искать «въ миссіонера».

Вслѣдъ за московскими раскольниками, по тѣсной связи съ ними, упорствуютъ и сельскіе; а также иногородніе «сельскіе раскольники неоднократно на вразумленіе отзывались такъ: посмотримъ, что будетъ съ Рогожскаго Кладбища: если тамошніе, то и мы пойдемъ въ церковь»³⁾. Равнымъ образомъ, «когда преосвященные, при обзорѣніи епархій, посѣщая селенія раскольническія, своими архипастырскими бесѣдами успѣваютъ иногда, при помощи Божіей, привести раскольниковъ въ доброе расположеніе, и при этомъ благоприятномъ случаѣ предлагаютъ имъ присоединиться къ православной церкви, то, обыкновенно, получаютъ въ отвѣтъ: мы въ этомъ не властны; пусть повѣстятъ намъ изъ Москвы»⁴⁾, Духовенство, по взгляду митрополита Филарета, могло бы съ успѣхомъ дѣйствовать на низшіе слои раскола, т. е. на тѣхъ, которые пребываютъ въ немъ по невѣдѣнію, а не сознательному матеріальному расчету; но этому всеми силами препятствуютъ высшіе слои, т. е. прежде всего московскіе

¹⁾ Александръ Арсеньевъ.

²⁾ Собр. мѣн. и отв. 5 т., 599 стр.; дополн. т., 224 стр.

³⁾ Душ. Чт. 1881 г. 3 т., 511 стр.

⁴⁾ Собр. мѣн. и отв. 4 т., 299—300 стр.

раскольники, затѣмъ мѣстные вожаки и расколоучители: чрезъ разставляемые ими сѣти пробиваются при помощи духовенства лишь весьма немногіе, сильные волею и духомъ, остальные же волей-неволей погибаютъ въ отчужденіи отъ церкви¹⁾.

Таково зло раскола для православной церкви, по суду митрополита Филарета. Будучи зломъ по самому существу своему, какъ самочинное и безблагодатное общество, расколъ представляетъ изъ себя еще большее зло по своимъ отношеніямъ къ церкви: ненавидитъ ее, всевозможными средствами отрываетъ ея чадъ и въ то же время избѣгаетъ ея свѣта, препятствуя ей разгонять окружающій его самого мракъ.

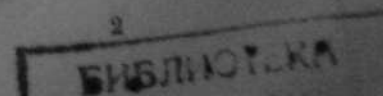
Наконецъ, весь указанный вредъ раскола для православной церкви становится еще болѣе серьезнымъ и опаснымъ въ виду его твердой устойчивости, съ успѣхомъ противодействующей направленнымъ къ ослабленію его мѣропріятіямъ не только духовнымъ, но и гражданскимъ.

Оказываемое православной церкви содѣйствіе въ борьбѣ съ расколомъ со стороны гражданскаго правительства, необходимое и законное, при насильственныхъ и незаконныхъ способахъ пропаганды раскола, имѣло бы, по мнѣнію митр. Филарета, несравненно болѣе дѣйствительнаго успѣха въ ослабленіи зла, еслибы все мѣропріятія правительства, прилагались къ дѣлу съ умѣнемъ, должной точностью и настойчивостью; но этого, по его словамъ, далеко не замѣчается, опять вслѣдствіе хитрости, изворотливости и «золотой политики раскольниковъ-политиковъ», а также, къ сожалѣнію, вслѣдствіе страннаго покровительства расколу и особенно корысти нѣкоторыхъ начальствующихъ православныхъ, которая для многихъ изъ нихъ «любезнѣе закона и порядка»²⁾. 12 января 1867 года, — въ годъ своей кончины, — высказывая, какъ бы послѣднее слово своего долговремен-

¹⁾ Собр. мѣн. и отв. 4 т. 299 стр.

²⁾ Душ. Чт. 1868 г. 1 т. 203—204 стр., Цем. Іак. Нижегород.

Дѣятельность м. Филарета въ борьбѣ съ расколомъ.

наго опыта, святитель писалъ: сильнымъ средствомъ для укрѣпленія раскола и для совращеній въ расколъ «служить расколоводителямъ распространенное убѣжденіе, что они пользуются покровительствомъ властей», на что «они могутъ пользоваться покровительствомъ властей»¹⁾. При посредствѣ безкопартной благосклонности нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ и «незаконнаго покровительства продажныхъ чиновниковъ», «цѣнящихъ раскольническія деньги дороже православія»²⁾, раскольники прежде всего «умѣютъ проникать въ дѣла начальства и, пользуясь такимъ искусствомъ вывѣдывать, благовременно употребляютъ свои мѣры противъ мѣръ начальства»³⁾. Это искусство вывѣдывать развито у раскольниковъ, — говорятъ онъ, — до такой степени, что «все, что дѣлается относящееся до нихъ въ высшихъ начальствахъ самое секретное, они обыкновенно знаютъ прежде всѣхъ»⁴⁾. Поэтому многія наилучшія мѣры правительства, направленные къ ограниченію ихъ своеволій, не только не приносятъ ожидаемой пользы, но даже причиняютъ вредъ, какъ показываетъ приведенный митрополитомъ Филаретомъ случай, происшедшій 17 ноября 1828 года: «Нижегородской губерніи, въ селѣ Городцѣ, увѣщаніемъ къ Единовѣрью достигнуто было до большинства голосовъ, желающихъ обратитъ раскольническую часовню въ единовѣрческую церковь, и о семъ состоялось рѣшительное повелѣніе. Какъ упалъ бы духъ у остальныхъ раскольниковъ (воскликаетъ м. Филаретъ), еслибы сіе искусно было исполнено! И все искусство состояло въ томъ, чтобы не распространять о семъ предварительнаго слуха между окрестными раскольниками. Тогда большинство желающихъ Единовѣрія городецкихъ обывателей приняло бы рѣшеніе сіе съ радостію, а меньшинство не имѣло бы духа возвысить голосъ противъ сего. Но небез-

¹⁾ Собр. мѣн. и отз. 5 т., 925 стр.

²⁾ Псм. м. Фил. Антонію. 3 т., 70 стр.

³⁾ Чт. общ. люб. 1870 г. 11 т., 28 стр. — псм. Ник. Калужск.; Собр. мн. и отз. 4 т. 229 стр.

⁴⁾ Псм. м. Филарета Антонію 4 т., 264 стр.

корыстный покровитель раскола, исправникъ Массарій, предварительно разгласилъ между раскольниками многихъ селеній, что будетъ, и въ который день онъ придетъ потребовать ключей отъ часовни. И когда онъ пришелъ, нѣсколько тысячъ раскольниковъ стояли около часовни. Онъ, ничего не дѣлая, донесъ о томъ начальству, и дѣло кончилось тѣмъ, что часовня оставлена въ рукахъ раскольниковъ, и слѣдственно расколъ не ослабленъ, а усиленъ, потому что одержалъ побѣду надъ распоряженіемъ правительства»¹⁾. Извѣстныя секретныя правила 1822 года о бѣглыхъ полахъ не принесли ожидаемой пользы, даже принесли вредъ, по мнѣнію митрополита Филарета, опять главнымъ образомъ вслѣдствіе нарушенія секрета. Благодаря той же способности раскольниковъ разузнавать все относящееся до нихъ чрезъ своихъ покровителей, эти правила, — говоритъ митр. Филаретъ, — получили болѣе громкую извѣстность, нежели многіе не секретные законы. Раскольники почли оныя закономъ въ ихъ пользу, и укрѣпились, и сдѣлались смѣлѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и домогательствахъ. Прежде они довольны были, если могли съ глубокою сокровенностію употреблять бѣглаго священника, и въ случаѣ задержанія его, скромно сѣтовали, не могли прекословить тому, что поймать бѣглаго есть дѣло законное. Со времени правилъ 1822 года, имѣть бѣглаго священника они стали признавать для себя правомъ и притѣсненіемъ почитать взятіе его за оскорбленіе православной церкви, или за другое доказанное нарушеніе законовъ, кромѣ побѣга»²⁾.

Далѣе, въ надеждѣ на послабленія и заступничество своихъ и безкорыстныхъ и корыстолюбивыхъ покровителей, раскольники, по замѣчанію митрополита Филарета, нерѣдко съ дерзостію и безнаказанностію не хотятъ и знать распоряженій правительства, направленныхъ къ огражденію православной церкви. Въ подтвержденіе этого онъ указываетъ на многочисленныя донесенія о томъ мѣстныхъ духовныхъ

¹⁾ Собр. мѣн. и отз. 3 т., 511—512 стр. срви. 2 т. 265—268 стр.

²⁾ Тамъ же, дополи. т., 231 стр.

и гражданскихъ начальствъ. Все это, прибавляетъ онъ, поселяетъ въ раскольникахъ «убѣжденіе въ безсиліи и слабости правительства, и въ ихъ могущество — посредствомъ происковъ и денегъ дѣлать тщетными предпринимаемыя противъ нихъ мѣры»¹⁾, а также способствуетъ утвержденію въ простомъ народѣ распускаемыхъ расколоводителями весьма вредныхъ слуховъ о тайномъ покровительствѣ расколу со стороны высшихъ властей, — въ темной средѣ раскола, ходятъ такіе даже слухи, что-де «есть у насъ въ Питерѣ большой министръ, который и царю воли не даетъ, и здѣшнимъ судьямъ не потакаетъ, и держится за насъ покамѣстъ тайно, а придетъ время, онъ и объявится», что вообще «въ средѣ высшихъ сановниковъ государственныхъ есть тайные послѣдователи раскола — «Никодимы», которые утѣляютъ антихриста и христіанъ безпечальны творять»²⁾. Наконецъ, своими происками, клеветами и связями раскольники нерѣдко также причиняютъ всевозможныя затрудненія защитникамъ православія, обуздывающимъ ихъ своеволіе точнымъ исполненіемъ правительственныхъ мѣропріятій, и даже добиваются ихъ удаленія, отчего бываетъ нерѣдко, что и готовые обнаружить добрыя плоды ихъ полезной дѣятельности пропадаютъ, а въ раскольникахъ поселяется увѣренность «что всякая, принимаемая правительствомъ, относящаяся къ нимъ, мѣра никакъ не можетъ продолжаться въ одинаковомъ духѣ до результатовъ, съ видами которыхъ предпринимается»³⁾. «И въ Саратовѣ думаютъ, — писалъ митрополитъ Филаретъ епископу Калужскому Николаю отъ 29 апрѣля 1837 года, — что тамошніе раскольники возрадуются переимѣннѣ губернатора. Уже не разъ и не въ одномъ мѣстѣ случалось, что раскольники, примѣчая прекращеніе благопріятства ихъ своеволію, изъявляли наклонность къ общенію съ церковію, но какъ скоро домогательствомъ сильнѣйшихъ, или случайно, открывается что-либо, что подаетъ имъ надежду удержаться въ прежнемъ

¹⁾ Собр. мѣст. и отв. 4 т., 300 стр.

²⁾ Тамъ же, 301 стр.

³⁾ Тамъ же, 327 стр.

своеволіи, сильнѣйшіе и ожесточенные заглушаютъ голосъ благоразумныхъ, и закосившіе продолжается. Теперь въ Волгскѣ, гдѣ расколъ очень силенъ, оказывается много склонныхъ къ Единовѣрью; но вѣроятно упорнѣйшіе обопрутца на надежду выиграть что-нибудь при новомъ губернаторѣ»¹⁾.

Особенно же сильно возмущался митрополитъ Филаретъ (о чемъ можно судить по его многочисленнымъ жалобамъ и донесеніямъ) слишкомъ откровенною продажною московскихъ чиновниковъ, преимущественно мелкихъ, безремонтностію московскихъ раскольниковъ, которые, по его мнѣнію, и здѣсь, какъ вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, по своему искусству — находятъ покровителей, разузнавать и обходить правительственныя мѣропріятія и вредить защитникамъ православія, занимаютъ первое мѣсто, служа вреднымъ примѣромъ для прочихъ. «Поздравляю съ успѣхомъ Единовѣрія въ Боровскѣ; а намъ стыдно предъ вами (жаловался онъ преосвящ. Николаю епископу Калужскому). Но что дѣлать? Золотая политика рогожская и преображенская умѣетъ сохранить себя непобѣжденною отъ мудрой политики правительства, чрезъ мелкихъ людей достигая не малыхъ цѣлей»... «Боровскіе раскольники ссылаются на рогожскихъ (писалъ онъ тому же преосвященному нѣсколько позже), а вы посему можете жаловаться на нашу недѣятельность. Что прикажете дѣлать? Политика московскихъ раскольниковъ золотая. Недавно на нихъ обращено вниманіе чрезъ человѣка, достаточно пользующагося высокимъ довѣріемъ. И противъ сего прокрались съ клеветою, и министръ внутреннихъ дѣлъ думаетъ, что ихъ нужно покровительствовать»²⁾. Самый справедливый и необходимый для огражденія православія законъ, воспреещающій оказательство раскола, московскіе раскольники, по его словамъ, не хотятъ и знать, а равно и московское гражданское начальство въ виду самыхъ очевидныхъ случаевъ нарушенія его также «имѣетъ счастье не знать» происходящаго. «За-

¹⁾ Чт. Общ. люб. 1870 г. 11 т., 14 стр.

²⁾ Чт. Общ. люб. 1870 г. 11 т., 27 и 30 стр.

конъ запрещаетъ оказательство раскола, — писалъ онъ московскому секретному комитету отъ 29 марта 1848 года, — и на семъ основаніи не допускаетъ, чтобы раскольническія часовни имѣли главы, кресты и колокола. Но Рогожское и Преображенское Кладбища не допускаютъ сего закона въ свои ограды, и показываютъ столицѣ на своихъ моленныхъ высокія главы и кресты, и даютъ слышать звукъ своихъ колоколовъ, которые на Рогожскомъ такъ велики, что иногда преждевременнымъ благовѣстомъ производятъ замѣшательство въ благовѣствіи при православныхъ московскихъ церквахъ»¹⁾. «Предъ лицомъ закона, предъ лицомъ православной Москвы, (писалъ онъ въ 1863 году), на Рогожскомъ Кладбищѣ стоятъ огромныя раскольническія часовни съ высокими куполами, главами и крестами. Въ Москвѣ и въ селеніяхъ московкой епархіи извѣстно множество лжесвященниковъ, которые ставятъ въ домахъ шелковую палатку съ престоломъ, и исполняютъ чинъ литургіи, въ иныхъ мѣстахъ скрытно, а въ иныхъ такъ, что съ улицы можно слышать пѣніе, и можно православнымъ видѣть служеніе. Въ февралѣ сего 1863 года въ Москвѣ присутствовали: Бѣлокриницкій лжемитрополитъ Кириллъ, Владимірскій лжеархіепископъ Антоній, его мѣстоблюститель Онуфрій, и еще четыре лжеепископа, которыхъ имена неизвѣстны... Итакъ въ Московской епархіи раскольническихъ лжеархіереевъ болѣе, нежели православныхъ архіереевъ; и лжеархіереи раскольническіе составляютъ соборъ, на чтѣ православнымъ архіереямъ не предоставлено права»²⁾.

Явные случаи покровительства расколу со стороны московскаго гражданскаго начальства, приводимые митрополитомъ Филаретомъ, еще болѣе многочисленны и возмутительны. Вотъ въкоторыя болѣе примѣчательныя изъ нихъ. «Еще бывшему генераль-губернатору я сказалъ однажды (писалъ онъ намѣстнику Антонію), что изъ Буковины присланъ раскольническій архимандритъ и живетъ тамъ-то. Онъ сказалъ, что справится, и потомъ сказалъ, что домъ пустой и что въ

немъ кто-то былъ двѣ недѣли назадъ. Нынѣшнему (гр. За-кревскому) сказалъ, что раскольническій архіерей будетъ служить въ такомъ-то домѣ, въ такой-то день и часъ. Ничего не оказалось, — по всей вѣроятности потому, что довѣренное лицо начальника, было гораздо болѣе довѣреннымъ лицомъ раскольниковъ. Что дѣлать? — Господу помолимся о заблуждающихъ и о покровительствующихъ заблуждающимъ»¹⁾. Въ другой разъ «взять былъ крестьянинъ въ священническомъ облаченіи, объявилъ себя священникомъ, и у него найдена священническая на его имя грамота, подписанная архіепископомъ Антоніемъ (цеховымъ Андреемъ Шутовымъ), съ приложеніемъ архіерейской печати. Судъ оправдалъ сего крестьянина и не коснулся лжеархіепископа, сказавъ, что не было оказательства раскола...» Наконецъ, «Бѣлокриницкій раскольническій лжемитрополитъ Кириллъ пріѣзжалъ въ Москву; здѣсь лжесвященнодѣйствовалъ, собиралъ соборы; всѣ это знали. Если все сіе не находили незаконнымъ, по крайней мѣрѣ могли бы обратить вниманіе на то, что онъ пришелъ съ ложнымъ паспортомъ. На сіе не обращено вниманія. Но когда онъ возвратился въ Австрію, тамъ его предали суду за то, что онъ дѣйствовалъ въ Россіи противъ православія, и, вѣроятно, только звонкія оправданія помогли ему избавиться отъ пожизненнаго ареста. Русскіе раскольники это знаютъ, и удивительно ли, если они заключаютъ, что русскій расколъ въ Австріи преслѣдуется, а въ Россіи покровительствуется»²⁾.

¹⁾ Псм. къ Ант. 3 т. 167 стр.; Мн и отз. 4 т. 512—514 стр. 5 т. 669—670 стр.

²⁾ Собр. мнѣн. и отз. 5 т., 925 стр. Псм. м. Филарета Антонію 4 т., 244 стр., 3 т., 133; Псм. Выс. Особ. 2 т., 169 стр. и т. д. Любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ небрежно высшія гражданскія власти относились къ весьма важнымъ донесеніямъ митрополита Филарета относительно раскольниковъ, и какъ эти донесенія съ необыкновенной быстротой чрезъ низшія полицейскія власти становились извѣстны самимъ раскольникамъ, можно видѣть въ *Братскомъ Словѣ* (1876 г. 2 кн., 137 стр.), въ статьѣ по поводу *конфиденціально* письма митрополита Филарета къ оберъ-прокурору Св. Синода, графу Д. А. Толстому отъ 22 сентября 1865 года (Собр. мнѣн. и отз.

¹⁾ Собр. мнѣн. и отз. дополн. т., 227 стр.

²⁾ Тамъ же, 5 т., 492—493 стр.

Укрѣпленіе и распространеніе раскола, выше изложенными способами дѣйствованія со стороны его членовъ и его покровителей, «возбуждая заботливыя помышленія во всякомъ преданномъ православію», должны возбуждать, по суду митрополита Филарета, таковыя же помышленія и въ каждомъ вѣрно-подданномъ, такъ какъ параллельно съ укрѣпленіемъ и развитіемъ зла, причиняемаго имъ православною церквію, увеличивается и вредъ отъ него для государства.

Вредное *государственное* значеніе раскола, по мнѣнію московскаго архипастыря, уже неизбѣжно вытекаетъ и ясно обнаруживается изъ его враждебнаго отношенія къ православною церквію. «Во всѣ времена, у всѣхъ народовъ господствующая

5 т., 757—758 стр.). Въ этомъ письмѣ, м. Филаретъ просилъ оберъ-прокурора принять соотвѣтствующія мѣры противъ пріѣхавшихъ въ Москву (съ фальшивыми паспортами) инока Алимпія и лжеархимандрита Евфросина, по весьма важному „церковно-іерархическому“ дѣлу — для совѣщанія съ московскими духовными властями о избраніи новаго намѣстника Бѣлокриницкой митрополіи, въ виду судебного преслѣдованія лжемитрополита Кирилла со стороны австрійскаго правительства за поѣздку въ Россію, въ каковую должность и предназначенъ былъ пріѣхавшій Евфросинъ. „Долгомъ служенія миру и благу святныя церкви, заключалъ свое письмо митр. Филаретъ, побуждаюсь довести вышеписанное до свѣдѣнія вашего сіятельства, для принятія мѣръ, чтобы умирающая Бѣлокриницкая лжемитрополія не возродилась въ большей силѣ“. — Какъ же отнеслась къ этому важному обстоятельству гражданская власть? Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, которому передано было письмо для зависящихъ распоряженій, препроводилъ его въ копіи, также для зависящихъ распоряженій, къ московскому полицейскому начальству; а исправлявшій тогда должность оберъ-полицеймейстера, Сечинскій, разослалъ копію съ письма ко всѣмъ частнымъ приставамъ съ *конфиденціальнымъ* же циркулярнымъ предписаніемъ, чтобы „ихъ высокоблагородія приняли самыя дѣятельныя мѣры къ разыскавію и арестованію“ Алимпія (и Евфросина). Послѣ этого въ наискорѣйшемъ времени точныя копіи со всѣхъ этихъ *конфиденціальныя* документовъ уже имѣлись въ раскольническомъ „Духовномъ Совѣтѣ“, гдѣ ихъ читали, посмѣиваясь, Автопій и прочія власти, отъ которыхъ и послѣдовало Алимпію (и Евфросину) приказаніе — держать себя на нѣкоторое время поосторожнѣе — не слишкомъ безпечно расказывать по московскимъ улицамъ“.

государственная религія, — говорить онъ, — была, есть и будетъ скрѣпленіемъ, связью, цементомъ, такъ сказать, стихій народности: языка, закона, правовъ, правъ, обычаевъ. Гдѣ нарушалось единство религіи, тамъ стихіи народности разлагались, дробились, исчезали. Съ ними упали правительства, разъединялись народы». Благочестивое правительство Россіи господствующимъ вѣроисповѣданіемъ и однимъ изъ твердѣйшихъ основаній государственнаго единства и силы признаетъ православную вѣру. «Слѣдовательно, заключаетъ митр. Филаретъ, что угрожаетъ вредомъ единству вѣры, то угрожаетъ вредомъ государству»¹⁾). Расколъ же своимъ усиленнымъ прозелитизмомъ непрестанно и явно дѣйствуетъ во вредъ единству церковному, разрушая церковное единомысліе и единодушіе, и такимъ образомъ вмѣстѣ неизбѣжно дѣйствуетъ и во вредъ единству государственному, съ разрушеніемъ церковнаго единомыслія и единодушія послѣдовательно влеча за собой разстройство и разрушеніе единства народнаго духа въ отношеніяхъ — гражданскомъ и патріотическомъ, что особенно опасно въ Россіи, въ которой центромъ народнаго духа издревле есть вѣра, а также нравственномъ²⁾). — Политическія возрѣнія и нравственное ученіе раскольниковъ вполне подтверждаютъ такой выводъ относительно разъединяющаго и деморализующаго вліянія раскола и не оставляютъ сомнѣнія въ великой опасности его для государства.

По своимъ политическимъ возрѣніямъ раскольники не только «не имѣютъ къ правительству добраго расположенія и сердечной вѣрности», но являются такими же непримиримыми противниками его, какъ и православною церкви, потому что всю свою ненависть къ церкви они цѣликомъ переносятъ и на правительство за оказываемое имъ покровительство церкви и согласіе съ ней. Яснымъ доказательствомъ сего служитъ то, что всѣ свои нечестивыя названія, прилагаемыя къ первой, они переносятъ и на послѣднее. Вслѣдствіе этого всѣ

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв. 4 т., 330—331; 556; 89 стр.

²⁾ Собр. мнѣн. и отв. 5 т., 742, 744; дополн. т., 466 стр.

раскольники, безъ различія сектъ, согласно сходятся въ томъ пунктѣ, что «не признаютъ государя помазанникомъ Божиимъ и не почитаютъ никакой власти законною, которой бы должно было повиноваться по совѣсти, и потому-то отъ нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій они разными недозволенными средствами уклоняются, а другія исполняются, по ихъ выраженію, только для явности, *страха ради иудейска*»¹⁾.

Въ политическомъ отношеніи, какъ и въ церковномъ, «большую частію смотрятъ на раскольниковъ съ той же точкой зрѣнія, какъ на иновѣрцевъ; но это, — говоритъ митр. Филаретъ, — большое заблужденіе. Иновѣрцы, различаясь съ нами въ догматахъ, ничего не имѣютъ противъ правительства и слѣдуютъ правилу: *Божія Богови, кесарева кесареви*; а раскольники выражаютъ это такъ: *Божія Богови, а бѣсова бѣсови*». Вообще, вслѣдствіе взгляда на правительство, какъ еретическое и антихристово, въ раскольникахъ есть явное «стремленіе къ тому, чтобы образоваться въ сомкнутую отдѣльность отъ общаго государственнаго устройства (*status in statu*)», вреднѣе котораго, конечно, ничего не можетъ быть въ гражданскомъ отношеніи²⁾. При этомъ въ противовѣсѣ существующему монархическому гражданскому началу, какъ и іерархическому церковному, расколъ развиваетъ противоположное ему демократическое начало, какъ видно изъ того, что раскольники «дѣйствуютъ частію такъ называемыми попечителями, самовольно избранными, частію также самовольными совѣщательными собраніями, частію въ особенныхъ случаяхъ даже народными скопищами». Такъ въ поповщинѣ обыкновенно нѣсколько самовольно выбранныхъ, или самозванныхъ попечителей, или старшинъ управляютъ священниками, доходами и дѣлами раскольническаго общества, смотря по надобности, дѣлаютъ съ него денежный сборъ, и, вопреки закону, скопомъ иногда составляютъ прошенія къ правительству отъ многихъ тысячъ душъ, какъ то дѣлали неоднократно

¹⁾ Тамъ же, 4 т., 281, 297—298 стр.

²⁾ Собр. мнѣн. и отв. 4 т., 10 стр.

екатеринбургскіе раскольники. Такую же обязанность представителей цѣлыхъ тысячъ раскольниковъ, разбѣянныхъ едва не по всей Россіи, часто берутъ на себя и вожаки безпоповщинскіе, особенно завѣдующіе Преображенскимъ Кладбищемъ. Это демократическое направленіе раскола, конечно, не безвредно для государства съ политикой монархической¹⁾.

Впрочемъ, не всѣ раскольническія секты одинаково вредны, по суду митрополита Филарета, въ разсматриваемомъ отношеніи: безпоповщинскія, особенно не молящіяся за царя, по его мнѣнію, много вреднѣе поповщинскихъ. «Правило нѣкоторыхъ расколовъ не молиться за царя, — говоритъ онъ, — слѣдствіе и выраженіе раскольнической теоріи, что нынѣшнее государственное правительство есть антихристово. Кто не хочетъ, посему, молиться за царя, тотъ не желаетъ ему добра, и не можетъ твердо быть вѣренъ ему, хотя бы и общался на словахъ. Посему расколъ не молящихся за царя въ высшей степени вреденъ для государства»²⁾. Въ свою очередь изъ безпоповщинскихъ сектъ первое мѣсто по своей силѣ и степени вреднаго вліянія занимаютъ еедосѣвцы, главнымъ образомъ, конечно, московскіе; по степени же ожесточенія и антагонизма къ правительству рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ «дочь безпоповщинской секты — секта странниковъ». Составляя самую богатую и многочисленную секту, еедосѣвцы болѣе твердо, дерзко и открыто держатся вредныхъ политическихъ воззрѣній безпоповщины, чѣмъ другія секты. Такъ, на ряду съ другими, заявляя свое нерасположеніе къ правительству немоленіемъ за царя, еедосѣвцы при этомъ «не просто слѣдуютъ старымъ погрѣшительнымъ мнѣніямъ, но и вновь составляютъ зловредныя правила, и распространяютъ ихъ даже съ видомъ формальности, за подписаніемъ своихъ начальниковъ», какъ о томъ свидѣлствуютъ записка и двѣ рукописныя книги, открытыя на Преображенскомъ

¹⁾ Тамъ же 3 т., 254, 294 стр.

²⁾ Собр. мн. и отв. 5 т., 555—556 стр.; срви. *ibid.* 603 стр.; 3 т., 91—92 стр.

Бладбищѣ въ 1844 году. Въ запискѣ, или такъ называемыхъ *Отеческихъ записаніяхъ*, которыя въ подлинникѣ подписаны старшими попечителями Преображенскаго богадѣльнаго дома, Алексѣемъ Никифоровымъ и др., прямо заявляется, что съ 1666 года *установленная Богомъ царская власть упразднилась*; въ первой изъ рукописныхъ книгъ — въ *Объявленіи о согласіи Монастырскихъ или Мануиловыхъ* — моленіе за царя и названіе его благочестивѣйшимъ провозглашается *нечестіемъ*: *по вѣрѣ убо благочестивой, говорится въ ней, и царь благочестивый, по нечестивой же вѣрѣ и царь нечестивый нарицается...* И далѣе: *убо въ семъ монастырѣ ти нечестивствуютъ, иже въ молительной формѣ нечестивую благовѣрныиъ и благочестивымъ и прочими титулами во благочестіи пребывающихъ приличными нарицаютъ*; наконецъ, въ *Показаніи о единомъ общемъ христіанскомъ пути* — второй рукописной книгѣ, написанной въ 1842 году, — ученіе, что за нынѣшнюю царскую власть молить Бога должно, называется *богомерзкимъ преданіемъ*. — «Никто, конечно, не докажетъ, — замѣчаетъ митр. Филаретъ, приведя эти выдержки, — что сіе ученіе не вредно для государства; напротивъ не трудно усмотрѣть, что сіи правила ведутъ къ мятежу»¹⁾, что фактически и подтверждаетъ «вреднѣйшая» секта «странниковъ». Ибо она, по своимъ политическимъ, равно и религіознымъ воззрѣніямъ, вполне примыкаетъ къ безпоповщинѣ; отличается же отъ нея лишь тѣмъ, что «злое наслѣдіе своей матери умножаетъ до крайности, и нагло провозглашаетъ и приводитъ въ дѣйствіе правила, которыя та старается прикрывать». Поэтому она не довольствуется скрытымъ признаніемъ приведеннаго безпоповщинскаго взгляда на правительство, а пропагандируетъ явное неповиновеніе ему, какъ антихристову. Уже основатель ея Евѳимій, бывшій первоначально послѣдователемъ Филипповскаго согласія, въ своихъ сочиненіяхъ упрекалъ филипповцевъ, еодосѣвцевъ и прочихъ, что хотя въ душѣ они не признаютъ зем-

¹⁾ Собр. мѣн. и отв. 3 т., 107—109 стр. 4 т., 40—41 стр.

ной власти, почитая ее антихристовою, но ей повинуются и тѣмъ обманываютъ Бога. Отсюда, по ученію страннической секты, «непозволительно ни записываться въ ревизію, ни платить подати, ни принимать должности съ присягою, ни вступать въ военную службу, ни даже нанимать за себя въ рекруты другихъ». Все это ясно видно изъ личныхъ показаній сектаторовъ, данныхъ на слѣдствіи, произведенномъ графомъ Стенбокомъ, «слѣдственно при такихъ обстоятельствахъ, — замѣчаетъ митр. Филаретъ, — когда они не только не имѣли причины преувеличивать, но имѣли сильныя побужденія скрывать, или умягчать свои мнѣнія, ведущія къ строгости правосудія». «Наставникъ странниковъ Мокей говоритъ, что онъ, согласно правиламъ ихъ ученія, отказался отъ повиновенія земной власти. Странница Аноллинарія говоритъ, что странники, выключая себя изъ подвластныхъ царю, то-есть, по ихъ мнѣнію, антихристу, въ записяхъ не должны состоять, гражданскіе законы для нихъ не существуютъ, и они не признаютъ никакой власти. Странникъ Меѳодій говоритъ: отъ лѣтъ Никона патріарха царей за благочестивые не признаю, а за богоотступники, сопротивники, антихристы, гражданская власть также антихристовы слуги. Странница Васса говоритъ: странники принимаютъ въ согласъ всѣхъ бѣглыхъ и бродягъ, и, на основаніи главнаго догмата ученія, тѣ, которые имѣютъ вольноотпускную, или паспортъ, обязаны напередъ таковые истребить... Странница Ирина Никифорова говоритъ: властей не признаютъ, потому и податей не платятъ. Въ сочиненіи наставника Никиты, подъ заглавіемъ «Малый образъ ересамъ», между прочимъ писано: Ересь 3-я. Описію (то-есть записью въ ревизію) себе заключили неизбѣжнымъ быти отъ области міродержца, и тако отрекліся свободы евангельскаго содержанія. Ересь 7. Дань даяти всякой власти возмудрствоваль. Ересь 21. Въ начальство поступають съ присягою. Ересь 22. Въ нечестіи воинскаго ига вси причастници, аще и не собою, нанимають, все едино, еще и горше, еже вмѣсто себя другаго въ нечестіе послать». «Такимъ образомъ ученіе страннической

секты не только противно учению православной церкви, но и отвергаетъ верховную власть, и законы, и исполненіе всѣхъ общественныхъ обязанностей, и слѣдственно живущіе по сему ученію рѣшительно отказываются отъ того, чтобы принести какую-нибудь пользу государству, а имѣютъ на правленіе причинять оному лишь вредъ и разстройство»¹⁾.

Что же касается раскольниковъ поповщинской секты, то они, хотя и не въ такихъ рѣзкихъ чертахъ представляютъ себѣ правительство, какъ раскольники-безпоповцы, но «одинаково нечестиво и зловредно». Они признаютъ (какъ видно изъ отчета министерства внутреннихъ дѣлъ по Нижегородской губерніи), что «русское правительство со временъ царя Алексія Михайловича стало безблагодатнымъ, и будто антихристъ царствуетъ въ Россіи духовно, присутствуя невидимо въ церкви православной, и поклоняющіеся ему государь императоръ и правительственные лица правятъ народомъ по тайнымъ и безсознательнымъ для нихъ самимъ внушеніямъ діавола». Затѣмъ, о неискренномъ, всегда готовомъ превратиться во враждебное, расположеніи къ правительству раскольниковъ-поповцевъ приводятся и фактическія свидѣтельства. «Въ нашествіе французовъ на Москву, когда вѣрные россияне удалялись изъ нея, жертвуя своимъ имуществомъ, раскольники рогожскіе вошли въ благопріятныя отношенія съ французами. Сіе доказывается тѣмъ, что сіи раскольники получили тогда отъ французовъ оставленную въ Москвѣ однимъ изъ русскихъ полковъ походную церковь, которую въ 1823 году поставили было у себя въ часовнѣ, о чемъ тогда производилось дѣло по Высочайшему повелѣнію». И въ ближайшемъ времени, — «въ 1855 году, по восшествіи на престолъ Государя Императора Александра Николаевича, рогожскіе же раскольники два дня не шли къ присягѣ; и потомъ уже митрополитомъ²⁾, по приглашеніи къ нему старшихъ изъ нихъ, уговорены присягать, и присягнули при православномъ

священникѣ». «Искреннее вѣрнопопдавическое усердіе, — писалъ митрополитъ по этому случаю, — не позволило бы имъ упрямствоваться, и побудило бы ихъ въ первый же день принять присягу при православномъ священникѣ, на что согласились они двумя днями позже»¹⁾.

Всему сказанному относительно непріязненнаго расположенія раскольниковъ къ правительству нисколько не противорѣчатъ, по мнѣнію митрополита Филарета, начавшіяся часто практиковаться со времени царствованія Александра II-го разнообразныя выраженія ими своихъ вѣрнопопдавическихъ чувствъ посредствомъ депутацій, торжественныхъ молебствій и проч., потому что всѣ эти депутаціи и молебствія нисколько не свидѣтельствуютъ объ искренности чувствъ и не доказываютъ политическаго единомыслія и единодушія раскольниковъ съ православными, а имѣютъ въ основаніи только личные ихъ интересы, стремленіе получить большія существующихъ льготы и послабленія. «Раскольники, — говоритъ онъ, — каждое свое дѣйствіе, которымъ выражаютъ свое усердіе къ Государю Императору и къ отечеству, обыкновенно стараются непримѣтно направить къ своимъ раскольническимъ цѣлямъ»²⁾. Ясное доказательство этого онъ указываетъ въ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто 10 апрѣля 1866 года. Въ этотъ день московскіе единовѣрцы совершили благодарственное молебствіе объ избавленіи Государя Императора отъ угрожавшей ему опасности. Раскольники же, хотя также имѣли возможность совершить молебствіе среди часовни при закрытомъ алтарѣ, какъ ежедневно совершали богослуженія, кромѣ литургіи, — однако не сдѣлали этого, «желая употребить сей случай къ подкрѣпленію своего домогательства открыть алтари», о чемъ и ходатайствовали предъ генераль-губернаторомъ и оберъ-полицеймейстеромъ. «Если они движимы усердіемъ къ царю, — писалъ по сему случаю митр. Филаретъ оберъ-прокурору Св. Синода графу Д. А. Толстому, — то почему же не совершаютъ благо-

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв. доп. т., 379—383 стр.

²⁾ Т. е. самимъ митрополитомъ Филаретомъ.

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв. 4 т., 303 стр.; 278—279 стр.

²⁾ Собр. мнѣн. и отв. 5 т., 938 стр.

дарственного молебствія? Но они останавливаютъ дѣло вѣрно-подданническаго усердія, чтобы обратить сей случай въ средство для достиженія своей раскольниковской цѣли»¹⁾.

Являясь прямыми противниками государства по своимъ политическимъ воззрѣніямъ, раскольники, по суду митрополита Филарета, причиняютъ государству значительный вредъ и своимъ нравственнымъ, или точнѣе — безнравственнымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ученіемъ. Низшій сравнительно съ православными общій уровень нравственныхъ воззрѣній и дѣйствій раскольниковъ уже неизбежно вытекаетъ изъ ихъ смѣшанныхъ съ заблужденіями религіозныхъ воззрѣній. «Секта не бываетъ воли чиста, — говоритъ м. Филаретъ. Истина религіозная и нравственная суть лучи одного свѣта: гдѣ первая смѣшена съ заблужденіемъ, тамъ не чиста и послѣдняя»²⁾. Этимъ объясняетъ онъ, что всѣ раскольники, безъ различія сектъ, считаютъ позволительными для себя и нисколько не безнравственными всякаго рода средства для распространенія и утвержденія своего ученія, а также для противодействія направленнымъ противъ нихъ мѣропріятіямъ церковнымъ и гражданскимъ, — какъ то: подкупъ, лукавство, насиліе и т. п., «думая извинить сія средства своимъ не довольно свободнымъ положеніемъ». Но особенно вреднымъ для государства является ученіе нѣкоторыхъ беспоповщинскихъ сектъ объ обязательномъ безбрачій, происшедшее также отъ искаженія истиннаго христіанскаго ученія о бракѣ. Правила въ родѣ такихъ, что теперь *христіане брамуцїеся суть зміно инъдище сатанино и бѣсовъ ею прескверное дворїще, что ѿ нынѣшнее послѣднее и горько-плачелное время и въ царствїе антихрїстова о умноженїи рода челоувеческаго Богъ не промашляетъ, а печется сатана, и къ зачатїю младенца душа дается отъ діавола* и т. п., — неизбежно ведутъ къ разрушенію семейныхъ основъ, къ дѣтоубійству и разврату въ самыхъ разнообразныхъ его формахъ, и такимъ образомъ въ

¹⁾ Тамъ же, стр., 873—875; срав. также стр. 938—940; Псм. Выс. Особ. 2 ч. 233—234 и прилож. къ Указ. ми. и отз. 49 стр.

²⁾ Собр. мѣн. и отз. 3 т., 258; 251 стр.

самомъ корнѣ производить разстройство государственной жизни, которой «начало и первый узелъ есть союзъ семейный»¹⁾. Въ подтвержденіе этого митрополитъ указываетъ на мрачную картину безнравственной жизни раскольниковскихъ дѣвственниковъ Преображенскаго Кладбища, найденную имъ въ отчетѣ г. Игнатьева²⁾, «свидѣтельство котораго (говорить онъ въ донесеніи Св. Синоду отъ 12 мая 1858 года) важно, какъ свидѣтельство наблюдателя непосредственнаго, внимательнаго и безпристрастнаго», — важно особенно потому, что «нерѣдко замѣчается предубѣжденіе противъ свѣдѣній о семь, представляемыхъ духовенствомъ, какъ бы происходящихъ отъ односторонняго взгляда, или отъ не довольно вѣрнаго дознанія». «Вникая въ нравственное положеніе беспоповщинскихъ раскольниковъ, — говорится въ этомъ отчетѣ, — въ ихъ сокровенный домашній бытъ и усвоенныя ими сектаторскія понятія, каждый при полныхъ дознаніяхъ изумительно бываетъ пораженъ выраженіемъ невѣжества, разврата и суевѣрства... Старухи-наставницы, по опасенію, чтобы потребность брака не послужила молодымъ людямъ обою пола поводомъ къ переходу изъ раскола въ церковь, намѣренно вовлекаютъ ихъ въ любодѣяніе, за которымъ слѣдуетъ дѣтоубійство, извиняемое лжеумствованіями наставниковъ, и, при нетвердости законныхъ союзовъ, разстройство нравственности на всю жизнь. Въ беспоповщинскихъ сектахъ отъ времени забыты и разрушены всѣ религіозныя вѣрованія; и все движется и основано на однихъ интересахъ и безнравственности»³⁾. «О дѣлахъ же Странниковъ», писалъ митр. Филаретъ, «срамно есть и глаголати».

Вообще, по суду митрополита Филарета, расколъ вреденъ, не различіемъ отъ церкви въ нѣкоторыхъ обрядахъ и не своей привязанностью къ старопечатнымъ книгамъ съ нѣкоторыми неисправными въ нихъ выраженіями, ибо то и другое «не про-

¹⁾ Тамъ же, 107—108 стр.; 5 т., 555 стр.

²⁾ Игнатьевъ, Алексѣй Дмитріевичъ; влослѣдствїи саратовскій губернаторъ; ум. 1875 г. 4 мар.

³⁾ Собр. мѣн. и отз. 4 т., 327—329 стр.

тивно существу вѣры»; но «то, что наиболее осудительно и вредно въ расколѣ, — есть отчужденіе» его послѣдователей «отъ церкви и мятежное противъ нея расположеніе, въ которомъ скрывается такое же расположеніе и противъ правительства», а также замѣчаемое въ нихъ «упорство и малодоступность слову истины»¹⁾.

2. Если расколъ есть дѣйствительно зло, язва, болѣзнь, непрестанно болѣе и болѣе распространяющіяся и требующія «неотложнаго и серьезнаго врачеванія», то въ чемъ должно состоять и какъ должно совершаться это врачеваніе?

Митрополитъ Филаретъ различаетъ двойкій способъ дѣйствования на расколъ: «врачебный» въ собственномъ смыслѣ и «охранительный»²⁾. Насколько расколъ есть заблужденіе ума, уклоненіе отъ истины, — онъ, естественно, требуетъ духовнаго врачеванія, противодѣйствія духовными средствами, такъ какъ всякое заблужденіе ума можетъ быть прекращено только «вразумленіемъ», «убѣжденіемъ въ истинѣ»³⁾. Такое противодѣйствіе расколу духовными средствами есть дѣло православнаго духовенства, «и на немъ лежитъ великая за сіе отвѣтственность предъ Богомъ». Но насколько расколъ обнаруживаетъ стремленіе проявлять себя вовнѣ, завлекать въ свои сѣти другихъ, онъ подлежитъ внѣшнему воздѣйствію правительства, ограниченію «существующими въ законахъ государства мѣрами», такъ какъ государственной православной власти естественно заботиться объ охраненіи православной церкви. И «православная російская церковь, — прибавляетъ онъ, — съ упованіемъ взирая на своего державнаго

1) Тамъ же, 159 стр.

2) Собр. мѣн. и отв. 4 т., 514 стр.

3) Очень характерна въ этомъ отношеніи слѣдующая резолюція митрополита Филарета отъ 13 авг. 1829 года, положенная на опредѣленіи консисторіи: «Опредѣленіе Консисторіи призвается необдуманнѣмъ. Ибо относиться къ свѣтскому начальству (генералъ-губернатору) съ неопредѣленнымъ требованіемъ прекращенія раскола, было бы странно: ибо расколъ прекращенъ быть можетъ только убѣжденіемъ въ истинѣ, а сіе относится къ обязанностямъ не свѣтскаго начальства... Дух. Чт. 1890 г. 1 кн. 123 стр.; Чт. въ общ. истр. и древ. 1876 г. 3 т., 2 стр.

защитника, должна молить Бога, чтобы образовались и воздѣйствовали государственныя соображенія, которыя соотвѣтствовали бы его благочестивой ревности».

Сообразно съ указанной задачей своей противораскольнической дѣятельности и сообразно съ духомъ служителей православной церкви, духовенство въ своемъ дѣйствованіи на раскольниковъ должно довольствоваться исключительно духовными мѣрами, взирая въ этомъ случаѣ, какъ на образецъ для себя, на примѣръ Апостоловъ. «Существенный долгъ служителей церкви, — говоритъ митр. Филаретъ, — есть дѣйствовать на заблуждающихъ словомъ убѣжденія, а употребленіе въ отношеніи къ нимъ власти и суда принадлежитъ правительству и подчиненнымъ гражданскимъ начальствамъ»¹⁾. «Что же дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ служителямъ церкви? — писалъ онъ къ преосвященному Алексію, жаловавшемуся на послабленія раскольникахъ со стороны гражданского начальства. — Вспомнить, и въ дѣло употребить воспоминаніе, что Апостолы и древніе отцы устроили и распространяли церковь и разрушали взгроможденіе ересей не силою внѣшнихъ законовъ языческаго міра, но силою крѣпкой вѣры, любви и самопожертвованія. Да усилитъ духовенство свою ревность дѣйствовать на совращенныхъ своимъ примѣромъ и молитвою»²⁾. Правда, пастыри церкви могутъ и должны прибѣгать къ помощи гражданской власти, но только «противъ совратителей и оказательства раскола»; даже и въ такомъ случаѣ они должны обращаться къ ней только по «особой нуждѣ», «осмотрительно и умѣренно», ибо вообще «принудительныя мѣры болѣе отталкиваютъ», особенно при частомъ и открытомъ употребленіи ихъ, дружелюбныя же отношенія, напротивъ, «лучше привлекутъ раскольника»³⁾.

Первое, самое естественное и, принадлежащемъ употребленію и ревности, самое дѣйствительное средство для ослаб-

1) Собр. мѣн. и отв. 2 т., 409 стр.

2) См. м. Филарета къ еп. Алексію 269 стр.

3) Тамъ же 269 стр.; Чт. Общ. люб. 1877 г. 1 кн., 9 стр.; Дух. Чт. 1889 г. 3 т., 251 стр.

ленія раскола со стороны духовенства митр. Филаретъ видѣлъ въ наученіи и вразумленіи раскольниковъ посредствомъ личныхъ собесѣдованій съ ними. «Вразумленіе въ истинномъ ученіи вѣры со стороны православнаго духовенства, — говоритъ онъ, — безъ сомнѣнія, есть самое свойственное орудіе для обращенія заблуждающихъ всякаго рода». Но сему, на первый взглядъ простому и общему средству обращенія противостоятъ, какъ извѣстно, не менѣе общее препятствіе, которое совсѣмъ уничтожаетъ его, — это хитрый приемъ расколоводителей — избѣгать всякихъ сношеній съ православнымъ духовенствомъ и то же внушать подчиненнымъ имъ и совращеннымъ ими въ расколъ. Въ виду этого митр. Филаретъ настоятельно совѣтуетъ, чтобы пастыри церкви сами старались изыскивать возможные случаи для сношенія съ раскольниками. «Въ нынѣшнее время (писалъ онъ въ 1835 году) нѣтъ причины опасаться, что архіерей не захочетъ бесѣдовать съ раскольникомъ, или обратитъ къ нему неумѣстно укорительныя слова; но можетъ случиться, что пастырь не довольно ищетъ овецъ убѣгающихъ. Посему нужно Св. Синоду продолжать наблюденіе и напоминанія, по усмотрѣнію, чтобы епархіальные архіереи тщательно пользовались всѣми возможными случаями вступать въ сношенія съ уклонившимися отъ церкви и посѣвать между ними понятія и чувствованія, которыя бы сблизжали ихъ съ церковію»¹⁾. Въ свою очередь епархіальные архіереи тоже должны дѣлать по отношенію къ подвѣдомому имъ духовенству. Для успѣшнаго достиженія цѣли вразумленія, прежде всякихъ сношеній съ раскольниками, пастыри церкви должны имѣть извѣстную подготовку, запастись необходимыми свѣдѣніями, ибо для собесѣдованій съ ними «нужно довольно готовности разрѣшать разные вопросы и возраженія съ указаніемъ на свидѣтельства, отъ которыхъ и они (раскольники) не могутъ отказаться. Не дать отвѣта и отложить до справки — значитъ, по ихъ мнѣнію, показать слабымъ свое дѣло»²⁾. Эта подготовка пастырей церкви къ противорасколь-

¹⁾ Собр. мѣн. и отв. 2 т., 364 стр.

²⁾ Пис. м. Филарета къ Автонію. 4 т., 326—327 стр.

нической дѣятельности должна происходить еще въ духовныхъ школахъ — академіяхъ и семинаріяхъ, для чего въ программу ихъ должны входить «уроки о расколахъ, возникшихъ въ Россійской церкви, и средствахъ къ вразумленію впадающихъ въ оныя», а потомъ и на мѣстѣ пастырскаго служенія, для чего при церквахъ съ раскольническимъ населеніемъ полезно и даже необходимо имѣть по крайней мѣрѣ тѣ изъ противораскольническихъ сочиненій, которыя рекомендуются, какъ таковыя, Святѣйшимъ Синодомъ¹⁾.

Обращаясь къ содержанію и характеру собесѣдованій съ раскольниками, митр. Филаретъ положительное раскрытіе «со всею свободою и силою» достоинствъ православной церкви совѣтуетъ предпочитать спорамъ и обличенію заблуждающихъ, и во всякомъ случаѣ ими одними не ограничиваться, потому что одно обличеніе легко рождастъ укоризну, а укоризна — вражду: «укорять, значитъ раздражать; а раздражать, значитъ уменьшать способность къ принятію истины». Во избѣжаніе этого, «обращеніе съ разномыслящими и самое обличеніе заблужденій должно быть столь миролюбиво, сколь можно сіе дѣлать безъ оскорбленія истины и безъ соблазна православнымъ»; посему «терпимость, спокойствіе, кротость, снисхожденіе, осторожность такъ же нужны въ обличеніи, какъ и ревность»²⁾. Кромѣ вреда для цѣли вразумленія и обращенія, въ жестокомъ, исполненномъ укоризнѣ, обличеніи митрополитъ Филаретъ видѣлъ приемъ, недостойный истиннаго христіанскаго пастыря и, насколько было въ его силахъ, старался предупредить и искоренить употребленіе такого приема въ подвѣдомомъ ему духовенствѣ, какъ о томъ свидѣтельствуеъ

¹⁾ Самъ м. Филаретъ книгами полезными для сей цѣли „по основательности, и по вразумительности, и по кроткому духу“ признавалъ „Увѣщаніе“ митр. Платона и „Отвѣты“ преосвящ. Никифора (къ 100-лѣтнему юбилею м. Фил. Кривицкаго. Тверь. 1884 г. 8 стр.) „Бесѣды же къ глаголемому старообрядцу“ самого м. Филарета призналъ таковыми Св. Синодъ. (Собр. постан. по ч. раскола, 1860 г. 273—274 стр. Опред. отъ 1835 г.

²⁾ Собр. мн. и отв. 2 т., 442—443 стр.; исм. м. Филарета къ Гаврилу 29 стр.

прекрасное, полное христіанской кротости, наставленіе, данное имъ извѣстному іеромонаху (впослѣдствіи игумену) Парфеному въ письмѣ отъ 3 января 1858 года. «Вспомнилъ я нѣкоторыя суровыя выраженія, — писалъ святитель, — которыя вы, рассказывая о собесѣдованіяхъ вашихъ въ Петербургѣ, употребляли о уклонившихся отъ православной церкви и непокоряющихся ей. И какъ вы предполагали вскорѣ посѣтить мѣста, наполненныя такими людьми: то и пришла мнѣ заботливая мысль о томъ, какъ вы будете говорить съ ними. Примите въ разсужденіе, что суровыя слова раздражаютъ людей, а раздраженіе препятствуетъ принимать назиданіе, и что, напротивъ, кроткія слова и суровыхъ людей умягчаютъ. Рабу Господню, по Апостолу, подобаешь кротку быти, учительну, незлобиву. Знаю, что вы съ любовью христіанской употребляете трудъ и попеченіе о обращеніи заблуждающихъ, справедливо съ симъ соединяя и ревность; но да не будетъ ревность жестока, и слово ревности да умягчается и услаждается словомъ любви. Знаете сіе и сами; но и знаемое напомянуть мнѣ убо нелѣнно, вамъ же твердо»¹⁾. Затѣмъ, митр. Филаретъ находилъ необходимымъ, чтобы при своей христіанской кротости собесѣдованія съ раскольниками были строго приспособлены къ уровню развитія вразумляемыхъ, т. е. отличались удобопонятностью, простотой, безъ чего нельзя ожидать отъ нихъ никакаго успѣха. «Если увѣщатели, — писалъ онъ на донесеніе двухъ священниковъ о неуспѣшномъ увѣщаніи ими раскольника, — говорили съ раскольникомъ (крестьяниномъ) ученымъ языкомъ, какъ пишутъ, *оба основныя истинама въры*: то не удивительно, что рѣчи ихъ удалялись, какъ горохъ въ стѣну»²⁾.

Другое дѣйствительное средство противъ раскола, въ виду почти сплошнаго невѣжества раскольниковъ, митр. Филаретъ видѣлъ въ заведеніи возможно бѣльшаго количества училищъ — мужскихъ и женскихъ, и именно въ духѣ вышесказаннаго.

нихъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности. Вотъ его разсужденія по этому предмету, сдѣланныя еще въ 1835 года: «Поелику расколъ наиболѣе основанъ на невѣжествѣ, то *училища* должны быть средствами противъ раскола. Но сіи средства должны быть осмотрительно приспособлены къ цѣли. Если училища простаго народа будутъ въ рукахъ людей, получившихъ свѣтское направленіе ума, можетъ случиться то (что замѣчается въ Англіи)¹⁾, что распространеніе грамотности не улучшитъ нравственности, но повредитъ ей посредствомъ неосновательныхъ вышесказанныхъ и вреднаго чтенія. Обученіе чтенію, начаткамъ Катихизиса и Священной Исторіи, подъ руководствомъ духовенства, простѣйшимъ и къ національному быту и обычаю примѣненнымъ способомъ, есть наиболѣе безопасное средство распространенія здравыхъ понятій въ простомъ народѣ». Такъ какъ средство это, по его мнѣнію, довольно трудно «сдѣлать употребительнымъ въ отношеніи къ раскольникамъ, которые, конечно, захотятъ лучше раскольнику же вѣрить своихъ дѣтей, нежели православному священнику», и такъ какъ «училища въ рукахъ раскольниковъ, были бы рассадниками раскола, а не православія»: то митр. Филаретъ находилъ необходимымъ, для болѣе широкаго распространенія народныхъ училищъ подъ руководствомъ духовенства и для возможно бѣльшаго ограниченія раскольническихъ школъ, а) «чтобы духовенству предоставлена была свобода въ обученіи дѣтей, подъ наблюденіемъ епархіальнаго начальства, безъ притязаній со стороны дирекціи министерства просвѣщенія; б) чтобы, напротивъ, учителямъ раскольническимъ поставлена была преграда силою новѣйшихъ узаконеній министерства просвѣщенія». Важнейшею формою устройства училищъ онъ не совѣтовалъ стѣснять ихъ распространенія; напротивъ, считалъ необходимымъ, чтобы признаны были одинаково позволительными какъ школы съ живущими въ нихъ учениками, такъ равно

¹⁾ См. журналъ минист. нар. просв. 1835 г., ноябрь, стр. 3. — Обозрѣніе иноязычныхъ въ Россіи газетъ и журналовъ. Педагогія. Прилож. м. Филарета.

¹⁾ Пис. Выс. Особ. 1 т., 205—206 стр.

²⁾ Дум. Чт. 1881 г. 1 т., 269 стр.

и съ приходящими. «Завести обученіе дѣтей, приходящихъ къ учителю, несравненно удобнѣе, нежели устроить училища, въ которыхъ бы дѣти не только обучались, но и жили. По-тому первое надлежитъ принять мѣрою болѣе общею, а послѣднія учреждать, гдѣ есть достаточныя средства и надежда вѣрнаго надзора». «Обучене дѣтей и женскаго пола» подъ руководствомъ способныхъ на то женъ священниковъ, или діаконовъ¹⁾ онъ также признавалъ полезнымъ и цѣлесообразнымъ, какъ противораскольническое средство, въ виду того, что женщины, «невѣжественныя еще болѣе мужчинъ, и по той же мѣрѣ упорныя въ привязанности къ наслѣдственному и привычному», часто, какъ показываетъ опытъ, «удерживаютъ мужей въ расколѣ и даже привлекаютъ въ оный»²⁾. Относительно самаго характера обученія раскольническихъ дѣтей въ школахъ митр. Филаретъ требовалъ, что бы онъ былъ такой же, какъ и характеръ собесѣдованій, т.-е. обученіе при христіанской кротости и возможной снисходительности должно быть чуждо всякаго раздраженія и укоризнъ противъ заблужденій раскольниковъ. Учащій долженъ употреблять преимущественно вниманіе на то, чтобы, не смущая дѣтей и не раздражая родителей ихъ укоризнами противъ раскола, внушать имъ уваженіе къ православной церкви и ея ученію. При этомъ особенно осторожно, «съ разсужденіемъ и съ разсмотрѣніемъ обстоятельствъ» учитель долженъ приводить дѣтей отъ неправильныхъ мнѣній къ принятымъ церковію, напр., отъ двуперстаго сложенія къ церковному крестному знаменію. «Вразумись въ ученія, отрокъ исправится легко и прочно, — говоритъ м. Филаретъ; а если вдругъ потребовать отъ него перемѣны, можетъ случиться, что родители-раскольники исторгнутъ изъ училища и лишатъ его случая узнать истину»³⁾. употребле-ніе при обученіи раскольническихъ дѣтей старопечатныхъ

1) Совмѣстное обученіе дѣтей обоего пола, а равно обученіе дѣвочекъ подъ руководствомъ учителя въ то время (т.-е. въ 30-хъ гг.) но многими причинами признавалось неудобнымъ.

2) Собр. мнѣн. и отв. 2 т., 365—366 стр.

3) См. м. Филарета къ Апполонію.

книгъ м. Филаретъ находилъ позволительнымъ безъ всякаго прекословія, если того пожелаютъ родители, такъ какъ отказъ въ этомъ со стороны учащаго естественно поведетъ къ отказу и со стороны раскольниковъ отпустить въ школу своихъ дѣтей.

Наконецъ, для противодѣйствія сильному распространенію раскола на счетъ православія, вслѣдствіе невѣжества православныхъ, часто большаго, чѣмъ у раскольниковъ, и въ виду обязанности пастырей заботиться не только о обращеніи заблуждающихся, но еще болѣе — объ охраненіи ввѣренныхъ имъ пасомыхъ отъ всякаго рода пропаганды, ведущей къ отчужденію отъ церкви, митрополитъ Филаретъ считалъ необходимымъ, чтобы духовенство, насколько возможно, прилагало стараніе и къ ихъ (православныхъ) просвѣщенію и вразумленію, что, естественно, должно повести къ болѣе устойчивости ихъ религіозно-правственныхъ возрѣній. Наиболѣе удобнымъ средствомъ для сего, по его мнѣнію, кромѣ личныхъ частныхъ собесѣдованій и училищъ, можетъ быть обязательное произношеніе катихизическихъ поученій по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, «въ которыхъ бы катихизическія истины по порядку излагаемы были съ главнѣйшими ихъ доводами и потребными объясненіями, со всевозможнымъ примѣненіемъ мыслей, чувствованій и языка къ степени разумѣнія и къ состоянію слушателей»¹⁾.

Таковы, по взгляду митрополита Филарета, способы для ослабленія раскола, которыя должно употреблять духовенство, сообразно съ духомъ пастырей церкви и съ характеромъ самаго раскола²⁾. — При этомъ, сознавая трудность надлежащаго осуществленія указанныхъ средствъ духовенствомъ, съ одной стороны вслѣдствіе значительной малочисленности его сравнительно съ количествомъ пасомыхъ, а мѣстами также и срав-

1) Собр. мнѣн. и отв. 2 т., 22—24 стр.

2) Кромѣ указанныхъ способовъ, важнымъ средствомъ для обращенія раскольниковъ м. Филаретъ признавалъ также возможно большее распространеніе между ними извѣстнаго рода противораскольническихъ сочиненій, — но объ этомъ будетъ подробно говорено въ другомъ мѣстѣ.

нительно съ количествомъ сильно размножившихся послѣ царствованія императора Николая раскольниковъ и отцовъ, съ другой — вслѣдствіе обремененія духовенствъ другими немалосложными обязанностями, для облегченія такого затрудненія м. Филаретъ признавала цѣлесообразнымъ въ мѣстностяхъ особенно сильно зараженныхъ расколомъ (каковы, напр., Пермская и Олонеккая губерніи) а) учрежденіе особыхъ противораскольниковскихъ миссіонеровъ, б) умноженіе причтовъ и в) открытіе вновь монастырей. «Для предосторожности поданы, кому нужно, мысли, что причты не уменьшать надобно, а частію умножать, частію размѣщать съ удобствомъ для народа», — писалъ онъ преосвященному Аркадію архіепископу Пермскому, опасавшемуся сокращенія причтовъ на заводахъ съ раскольниковскимъ населеніемъ¹⁾. Монастыри же, по его словамъ, «имѣютъ большое значеніе для ослабленія раскола исполненіемъ древняго чина богослуженія», и «очень показываетъ, говоритъ онъ, что въ селеніяхъ, близкихъ къ монастырямъ, почти не бываетъ раскольниковъ».

Забываясь о сообразности противораскольниковскихъ духовныхъ средствъ съ характеромъ пастырскаго служенія и самаго раскола и о возможномъ облегченіи ихъ примѣненія, митр. Филаретъ не придавалъ, однако, этимъ мѣропріятіямъ, самимъ по себѣ, какъ бы цѣлесообразны и удобны къ исполненію они ни были, рѣшающаго значенія въ дѣлѣ успѣшнаго ослабленія раскола, при всей даже предполагаемой ревности духовенства. Необходимы, по его мнѣнію, еще нѣкоторыя условія для успѣшнаго ихъ дѣйствованія. Первое по своей важности такое условіе, какъ истинный, глубоко вѣрующій христіанинъ, онъ, разумѣется, видѣлъ въ «благословеніи Божіемъ»²⁾, и поэтому внушалъ подавдомымъ ему пастырямъ не смѣликомъ полагаться на свои силы, но прежде всего смиренно просить помощи Божіей въ своей противораскольниковской дѣя-

тельности. «Призовите Дмитріе-Селунскаго протоіерея и скажите ему мои мысли по его репорту о раскольникѣ, — писалъ онъ, напр., своему викарному епископу Иннокентію. Крестьянка совершена въ расколъ неволею; ничего не знаетъ, какъ сама говорить; и однакожь не хочетъ оставись расколъ. Какъ изъяснить сіе? Упорствомъ ея? Пусть такъ. Но не надобно ли къ изъясненію сего присовокупить еще причину — что въ насъ, служителяхъ истинной вѣры, мало духовной силы, а можетъ быть и духовнаго разума?... Итакъ просилъ бы я о. протоіерея Дмитріевскаго не вдругъ увѣрять, что раскольника не внимаешь увѣщанію *надлежащему*, но прибѣгнуть еще разъ со смиренною молитвою къ Богу, да наставитъ преподавать заблуждающей и невѣрующей надлежащее наставленіе... Смиримся съ нашей школьной ученостью, которая не имѣетъ и столько силы, сколько невѣжество: можетъ быть, умилосердится Богъ, смиреннымъ дающій благодать»³⁾. Другое необходимое условіе для успѣха противораскольниковской дѣятельности, какое указываетъ митрополитъ Филаретъ, это — личная безупречная жизнь пастырей церкви, вполнѣ сообразная съ ихъ званіемъ. Являясь лучшимъ фактическимъ доказательствомъ истины проповѣдуемаго ученія, христіанская жизнь пастыря, — говоритъ онъ, — въ то же время и сама по себѣ можетъ быть для многихъ средствомъ вразумленія и обращенія, такъ какъ «дверь слова отверзается временно, добрая же жизнь служителя слова проповѣдуетъ истину дневно и ночью»⁴⁾. Напротивъ, жизнь пастыря не чуждая пороковъ и вообще не свойственная званію, не только теряетъ свое просвѣтительное значеніе для заблуждающихъ, но лишаетъ всякой силы и проповѣдуемое имъ ученіе, какъ бы истинно оно ни было. Имѣя, затѣмъ, въ виду вышній характеръ благочестія раскольниковъ и ихъ преувеличенныя представленія о грѣховности нѣкоторыхъ человѣческихъ слабостей, какъ наприм. нюханья и куренья табаку, святитель Фила-

¹⁾ Иск. Выс. Особ. 1. 26 стр.

²⁾ Собр. мѣн. в отъ. допозн. т. 229 стр.

³⁾ Приб. къ твор. св. отецъ 37 ч. 330—331 стр.

⁴⁾ Собр. мѣн. в отъ. 2 т. 444 стр.

реть совѣтуетъ пастырямъ церкви воздерживаться отъ нихъ во избѣжаніе, чтобы сіи малости не повели къ важнымъ послѣдствіямъ¹⁾. Затѣмъ, третье необходимое условіе успѣшнаго воздѣйствія духовенства на раскольниковъ, это — въ самихъ раскольникахъ «искреннее, безпристрастное желаніе познать истину Божию», со стороны хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ: ибо «по слову Христову, только тотъ, кто искренно желаетъ творить волю Божию, уразумѣть о ученіи, кое отъ Бога есть»²⁾. Но такъ какъ иногда и этого желанія недостаточно бываетъ для множества несчастныхъ, пребывающихъ въ расколѣ или по недостатку свѣта, или по недостатку твердости воли, то для освобожденія ихъ отъ крѣпкихъ раскольническихъ сѣтей, то-есть отъ расколоводителей и расколуучителей, необходимо еще условіе — *содѣйствіе церкви со стороны гражданскаго правительства*: «для таковыхъ несчастныхъ, — говоритъ м. Филаретъ, — мѣры, употребляемыя правительствомъ къ обузданію самоволія раскольниковъ, были бы истиннымъ благодѣяніемъ, потому что безъ этихъ мѣръ они не могутъ вынугаться изъ сѣтей раскола»³⁾.

Говоря о необходимости и пользѣ содѣйствія церкви въ борьбѣ съ расколомъ со стороны гражданскаго правительства, митрополитъ Филаретъ далеко былъ отъ мысли о преслѣдованіи раскольниковъ за релігіозныя убѣжденія. Подобныя отношенія къ разномыслиющимъ, по его мнѣнію, не должны и не могутъ имѣть мѣста въ христіанскомъ государствѣ, ибо «христіанское человѣколюбіе не позволитъ отнимать свободы ни у кого безъ нужды» и «самъ небесный земледѣлатель оставляетъ плевелы до близкаго времени жатвы»⁴⁾. Отсюда терпимость, свойственная христіанской кротости, должна быть свойственна и христіанскому государству. Но хотя христіанской кротости и свойственно оказывать терпимость разно-

¹⁾ Душ. Чт. 1872 г. 2 ч. 235 стр.; Чт. Общ. люб. 1870 г. 10 ч. 27 стр.

²⁾ Собр. мѣт. и отз. дополн. т. 4 229—230 стр.

³⁾ Тамъ же, 269 стр.

⁴⁾ Пис. м. Филарета Іосифу Оренбургскому (впосл. Воронеж.) Чт. Общ. люб. 1871 г. № 9, 41 стр.; Собр. мѣт. и отз. 2 т., 70 стр.

мыслиющимъ, — говоритъ онъ, — однако «осторожность должна опредѣлить мѣру терпимости». Ибо «добро можетъ оказывать терпимость злу, но зло не окажетъ терпимости добру: слѣдственно, оказывать чрезмѣрную терпимость злу, значить подавать ему орудіе противъ добра». Такимъ образомъ, если въ христіанскомъ государствѣ не должны быть терпимы «мучительства и гоненія, какъ противныя духу Христовой церкви», то также не должна имѣть мѣста и «избыточная терпимость», или, что тоже, полная безграничная свобода въ дѣлахъ вѣры и совѣсти, какъ неизбежно ведущая къ умноженію зла¹⁾. Какъ же послѣ сего, спрашиваетъ м. Филаретъ, «должно поступать правительству съ раскольниками»? И отвѣчаетъ: «*Отечески*. Что это значитъ? *Отецъ* земные для исправленія дѣтей употребляютъ не одни кроткія увѣщанія, но и другія мѣры. *Отецъ* небесный, при всей безконечной благодати своей, обращаетъ на путь истины заблудшихъ большею частію строгими мѣрами, и грѣшники перѣдко начинаютъ исправляться сначала по страху гнѣва и наказанія Божія, а не по усердію и любви къ добродѣтели... Правительство, отечески некущееся о благѣ вѣрившихъ ему, должно поступать съ народомъ, по своей необразованности не умѣющимъ отличать истины отъ заблужденія, полезнаго отъ вреднаго, какъ съ малыми дѣтьми, которыя рѣдко научаются чему-либо полезному и доброму безъ понужденія, а послѣ вспоминаютъ о томъ съ благодарностью»²⁾. Съ такой отеческой точки зрѣнія, или съ точки зрѣнія терпимости, умѣряемой осторожностью, «для раскольниковъ, собственно въ ихъ пользу, нуженъ одинъ законъ, что они не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ и приватное моленіе по ихъ обряду, каковой законъ въ Россіи и существуетъ»³⁾. «Доколѣ расколъ не выходитъ изъ сихъ предѣловъ, дотолѣ возможное и должное на него дѣйствіе есть духовно-нравственное, назидательнымъ словомъ и примѣромъ отъ духовенства, примѣ-

¹⁾ Собр. мѣт. и отз. 5 т., 594 стр.

²⁾ Тамъ же, 4 т., 300 стр.

³⁾ Тамъ же, 605 стр.; 3 т., 293 стр.

ромъ и увѣщаніемъ отъ имѣющихъ власть, а также недопущеніе раскольниковъ до власти надъ православными, предпочтеніе православныхъ раскольникамъ въ общественныхъ отношеніяхъ, осторожность противъ усилія раскольниковъ являться предъ властями въ видѣ особаго сословія, и вступленіе съ ними въ пріязненные отношенія преимущественно предъ православными». «Но коль скоро допущено оказательство раскола, совращеніе раскольниками православныхъ, нарушеніе ими существующихъ законовъ и правилъ, необходимо болѣе сильное дѣйствованіе на расколъ со стороны гражданскаго правительства, ибо какъ оставленіе такихъ случаевъ безъ вниманія даетъ расколу большую смѣлость и силу, такъ, напротивъ, уничтоженіе открывшагося оказательства раскола, вѣрное открытіе и обличеніе совратителя и отнятіе у него средствъ совращенія, неослабное дѣйствіе правосудія на раскольниковъ, нарушившихъ существующіе законы и правила, — должны ослабить смѣлость и охоту къ подобнымъ дѣйствіямъ, приводить въ упадокъ духъ расколоводителей и самый расколъ. Чѣмъ своевременнѣе и неослабнѣе дѣйствіе власти въ таковыхъ случаяхъ, тѣмъ его послѣдствія благонадежнѣе¹⁾».

При такомъ своемъ общемъ направленіи, мѣропріятія правительства для успѣшнаго достиженія ослабленія раскола прежде всего и главнымъ образомъ должны быть тверды, постоянны. Разъ принявши извѣстныя мѣры, правительство «должно слѣдовать имъ неуклонно и неослабно». Причинъ сего очевидна: «отступать назадъ въ распоряженіяхъ власти значило бы не довольно поддерживать достоинство закона и давать пищу надеждамъ своеволія²⁾». Словомъ, — никакихъ уступокъ въ признанныхъ цѣлесообразными мѣропріятіяхъ быть не должно. Опытъ показываетъ, что «мѣры преліятія и не выдержанныя нерѣдко бывають вреднѣе, не-

¹⁾ Собр. мѣр. и отв. 3 т., 529 стр. Прилож. къ Указ. м. и отв. 49 стр. 3 т., 529 стр.
²⁾ Тамъ же 4 т., 300 стр. дополн. т. 223 стр.

жели когда бы оныхъ совѣтъ не было предпринято», ибо естественно возбуждаютъ упорство и самонадѣянность въ тѣхъ, противъ кого онѣ направлялись¹⁾. — Не менѣе важенъ для успѣха и самый способъ приведенія въ исполненіе предпринимаемыхъ мѣръ. Точное исполненіе и «точное храненіе секрета, гдѣ иногда онъ нуженъ» — необходимы. Наконецъ «тщательное избраніе и образованіе способныхъ орудій и бдительное наблюденіе за вѣрностію ихъ дѣйствованія» — есть также необходимое условіе успѣха гражданскихъ мѣропріятій²⁾.

Численность раскольниковъ, по мнѣнію митрополита Филарета, не должна смущать правительство въ его заботахъ объ ограниченіи ихъ самоволія. «Это, — говорятъ онъ, — орудіе, которымъ расколъ искусно пользуется, чтобы возвысить свое значеніе и предъ правительствомъ и предъ тѣми, которыхъ онъ привлечъ къ себѣ желаетъ. Трудно опредѣлить число его; но, безъ сомнѣнія, онъ много преувеличиваетъ, когда возводитъ число свое до 11,000,000. душъ. Это значило бы, что православныхъ только въ четыре раза съ половиною болѣе, нежели раскольниковъ. Московская епархія есть одна изъ тѣхъ, въ которыхъ расколъ многолюденъ. Духовенство не таитъ раскольниковъ и объ отпадшихъ отъ православія по мѣстномъ увѣщаніи доноситъ. Но въ московской епархіи православныхъ въ осмнадцать разъ болѣе, нежели раскольниковъ³⁾».

Таковъ, по взгляду митрополита Филарета, долженъ быть нормальный, чуждый крайностей и вредной терпимости и несвойственной христіанству жестокости, характеръ отношеній правительства къ раскольникамъ. Правда, «раскольники, стремясь къ неограниченной свободѣ дѣйствованія, — говорятъ онъ, — стараются всякое ограниченіе ихъ дѣйствій представить въ видѣ притѣсненія и гоненія; и терпимость, не осте-

¹⁾ См. Выс. Особ. 2 ч. 245; Чт. Общ. люб. 1870 г. 11 ч. 33; 1877 г. 2 ч. 164; Душ. Чт. 1877 г. 3 ч. 530 стр.

²⁾ Собр. мѣр. и отв. 3 т., 182—183 стр.

³⁾ Тамъ же, 5 т., 608 стр.

регаемая сирanedливостью, можетъ склониться на сей образъ возрѣвiя». Но если смотрѣть «со стороны сирanedливости, то возбуждающее жалобы дѣйствозчiе правительства на раскольниковъ» является «очень далекимъ отъ того, что въ древнiя времена называли гоненiемъ». Если при царѣ Алексѣ Михайловичѣ строго поступлено съ раскольниками, запершимися въ Соловецкомъ монастырѣ, и при царяхъ Иоаннѣ и Петрѣ съ раскольниками, неистовствовавшими въ кремлѣ и въ самомъ дворцѣ: это было укрощенiе мятежа, а не гоненiе. Если своевольно и противозаконно построенную раскольническую часовню не позволяется починивать, а только позволяется терѣть до разрушенiя силою времени: это эн гоненiе, а снисхожденiе въ томъ, что незаконное не разрушено тотчасъ. Если запечатываютъ часовню за то, что она вопреки существующему запрещенiю перестроена: это не гоненiе, а неизбѣжное охраненiе закона, чтобы онъ не былъ презираемъ. Если раскольническаго священника берутъ къ суду за то, что совратилъ православнаго: это не гоненiе, а защищенiе господствующей церкви отъ едѣланнаго на нее нападенiя, и даже снисхожденiе въ томъ, что бѣглаго не преслѣдовали за побѣгъ, а прибѣгли къ правосудiю надъ нимъ только послѣ новаго преступленiя... Можно здѣсь указать на взятiе у раскольниковъ нѣкоторыхъ монастырей и обращенiе ихъ въ единовѣрческiе»: но и это не гоненiе, — «закрытiе устроенныхъ тайно скитовъ и другихъ сектаторскихъ мѣстъ и сборищъ есть простая потребность всякаго благоустроеннаго государства, въ коемъ подобное самовольство не дозволяется и людямъ господствующей вѣры». Напр., «если бы кто изъ православныхъ самовольно построилъ монастырь и безъ законнаго дозволенiя постригъ въ немъ монаховъ, не уничтожила ли бы сiе законная власть, какъ скоро узнала бы»? «Неужели» такимъ образомъ «только своеволие православныхъ должно прекращать, а своеволие раскольниковъ надлежитъ оставлять неприкосновеннымъ? Вообще, развѣ можно почитать мученiемъ и гоненiемъ всякое должное взысканiе? Если бы не было воспрещенiя совращать

православныхъ въ расколъ, или соблазнить ихъ оказательствомъ раскола, если бы ослушники сего не преслѣдовались закономъ: то какъ же бы иначе правительство охранило вѣру и вѣрныхъ ей? А если уклонившiеся отъ законнаго порядка и содѣйствующие уклоненiю другихъ ограничиваются закономъ въ правахъ, злоупотребляемыхъ ими для усѣха секты, на прельщенiе слабыхъ мiрскими выгодами, тутъ видно одно законное слѣдствiе общественнаго благоустройства. Иначе не будетъ предѣловъ своеволю и прельщенiю». «Безъ таковыхъ законовъ, конечно неприятныхъ расколу, не было бы и покровительства православию и ни малѣйшаго гражданскаго обузданiя преступленiй противъ вѣры», ибо «православiе и расколъ» по самому существу своему «такъ противоположны другъ другу, что покровительство и защита православиа естественно должны стѣснять расколъ; снисхожденiе же къ расколу естественно должно собою стѣснять православную церковь». Поэтому, «если указанная система неудобна для раскола, то развѣ лучше та, которая будетъ неудобна для православiя?». Уже одно то обстоятельство, что «православный народъ составляетъ несравненное большинство русскаго народа и, безъ сомнѣнiя, вѣрнѣйшую опору правительства» сравнительно съ раскольниками, составляющими «язву и церкви и государства», — одно это не позволяетъ хотя сколько-нибудь задумываться относительно выбора: ясно, что правительство не можетъ и не должно дѣйствовать къ ослабленiю православной церкви, «съ которою тѣсно соединено», и къ усиленiю раскола, «съ которымъ ему неестественно соединиться, и который всегда будетъ работать къ его же ослабленiю».

Вообще, жалобы раскольниковъ на мнимыя притѣсненiя и гоненiя не должны смущать правительство въ его дѣйствованiя къ ослабленiю раскола. «Раскольники, — говоритъ м. Филаретъ, — перестанутъ жаловаться тогда лишь, когда будутъ торжествовать. Но когда они перестанутъ жаловаться, тогда наступитъ охлажденiе православнаго народа къ правительству, покровительствующему расколу, дающему льготу

отъ которой произошла англиканская. Но какъ она поступаетъ съ ними?.. Только недавно римско-католики допущены въ парламентъ. Только недавно римско-католической Мейнуптской семинаріи назначено правительствомъ денежное пособие, и противъ сего еще не перестаютъ спорить въ парламентѣ ревнующіе объ охраненіи господствующаго англиканскаго вѣроисповѣданія. Мало того, «до сихъ поръ¹⁾ они (католики) (какъ и всѣ вообще диссиденты) платятъ церковную подать въ пользу господствующей въ государствѣ англиканской церкви. Любители свободы вѣрованія неоднократно предлагали въ парламентѣ отмѣнить сію подать. Но охранители церкви не допускали сей отмѣны, вида въ церковной подати связь единства между церковью и государствомъ... Съ симъ иностраннымъ примѣромъ не бесполезно сравнить, замѣчаетъ м. Филаретъ, мнѣніе въ Россіи тѣхъ, которые до сихъ поръ въ пользу раскола, въ предосужденіе правительству, съ горечью напоминаютъ давно уничтоженную двойную съ раскольниковъ подать, какъ будто гоненіе, простирающееся и на вышнихъ раскольниковъ», между тѣмъ какъ дѣло идетъ не о томъ, «чтобы раскольники платили налогъ въ пользу православной церкви, а только о томъ, чтобы они не расхищали духовнаго ея достоинства»²⁾. Кромѣ Англии митр. Филаретъ указываетъ и другія европейскія государства, въ которыхъ существуютъ предѣлы вѣротерпимости. «Въ самой Франціи, — говоритъ онъ, — допускаются только признанія вѣроисповѣданія, а для признанія требуется положительная извѣстность, въ чемъ именно состоитъ ученіе сего исповѣданія и что оно не угрожаетъ общественному порядку. Въ Швейцаріи же, землѣ протестантской, никто, кромѣ протестантовъ, не имѣетъ и права на общественныя должности. А чтобы допускать свободное существованіе обществъ, подобныхъ вашему расколу, скрывающихъ отъ правительства свои тайныя дѣйствія, требующихъ терпимости, когда сами

¹⁾ Рассматриваемая Записка м. Филарета помѣчена 4 сент. 1865 г.
²⁾ Собр. мнѣн. в отз. 4 т., 330—331; 5 т., 742—743 стр.

не имѣютъ никакой терпимости, постоянно потрясающихъ въ народѣ понятіе о законности верховныхъ властей, — этого нельзя найти ни въ одной европейской землѣ». Отсюда очевидно, что православное правительство Россіи, въ видахъ охраненія единства господствующаго вѣроисповѣданія воспринимая закономъ лишь отпаденіе отъ православія и на этомъ основаніи принимая рядъ стѣснительныхъ мѣропріятій противъ раскольниковъ, «какъ отпадшихъ и отпадающихъ отъ православной церкви», — никоимъ образомъ не можетъ быть обвиняемо въ исключительной по сравненію съ западными государствами нетерпимости. Равнымъ образомъ очевидно, что если правительство допускаетъ при этомъ свободу иностранныхъ вѣроисповѣданій и не включаетъ въ ихъ число расколь, то чрезъ сіе оно не нарушаетъ закона справедливости и не противорѣчитъ себѣ, ибо дѣлаетъ такъ по причинѣ только что указанной «великой разности» въ происхожденіи и характерѣ между первыми и послѣднимъ. Римско-католики, протестанты и др. не принадлежатъ по своему происхожденію къ отпадшимъ и отпадающимъ отъ православной церкви, какъ раскольники, но «пришли подъ російскую державу съ своими вѣроисповѣданіями», слѣдовательно, «законнымъ путемъ, отъ чего, по справедливости, и предоставляется имъ свобода ихъ вѣроисповѣданій». Напротивъ, «если-бы государство осужденнымъ закономъ его дало одинакія права съ виновными предъ закономъ, то оно стало-бы въ противорѣчіе съ собственнымъ закономъ и съ справедливостью вообще». Затѣмъ, при независимомъ отъ православной церкви происхожденіи, иностранныя исповѣданія чужды и нетерпимости по отношенію къ ней, а также вредныхъ политическихъ воззрѣній, — вслѣдствіе чего опять справедливо признаются закономъ. Въ случаѣ-же, впрочемъ, стремленія проявлять что-либо подобное, законъ преслѣдуетъ ихъ за таковыя преступленія наравнѣ съ раскольниками.

Итакъ, «да не смущаетъ насъ мысль, — заключаетъ святитель Филаретъ, — будто примѣръ Европы обязываетъ насъ, во имя вѣротерпимости, не предпринимать ничего противъ

раскольниковъ. И въ европейскихъ государствахъ вѣротерпимость имѣеть предѣлы, притомъ же такіе, что скорѣе мы должны были-бы подражать наприм. болѣе строгому, чѣмъ наше, правилу свободной Англіи относительно твердой охраны господствующаго вѣроисповѣданія¹⁾.

б) Одинаково несправедливымъ признавалъ митр. Филаретъ и другое утвержденіе защитниковъ раскола, что «будто-бы наигдѣ стѣсненіе сектъ не останавливало ихъ успѣха, а напротивъ того будто-бы содѣйствовало ихъ распространенію, и что по сей самой причинѣ должно бы отмѣнить существующія о раскольникахъ постановленія, какъ стѣснительныя для нихъ». Подобное явленіе, по его мнѣнію, если и имѣло гдѣ мѣсто, то лишь тамъ, «гдѣ мѣры были не тверды, гдѣ онѣ подвергались измѣненіямъ; а гдѣ онѣ были тверды, тамъ успѣхъ сектъ останавливался и даже уничтожался». Въ подтвержденіе этого митр. Филаретъ приводитъ примѣры изъ исторіи. «Первая замѣчательнѣйшая въ средней Европѣ секта гусситовъ, — говоритъ онъ, — сначала было принявшая огромные размѣры, потомъ энергическими мѣрами правительства подавлена такъ, что Богемія, гдѣ она возникла, совершенно обратилась въ римско-католическую страну. Черезъ сто лѣтъ возникшее протестанство имѣло успѣхи только тамъ, гдѣ сами государи явнымъ образомъ приняли его сторону. Но во Франціи, гдѣ сего не было, и гдѣ правительство, наконецъ, сильнѣйшимъ образомъ противодействовало протестанству, оно, послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, такъ ограничено, что уже не могло болѣе распространяться. Тѣ же слѣдствія были въ Бельгіи, гдѣ правительство употребило все усилія противъ распространенія протестанства, а въ Испанію и Италію по сей самой причинѣ оно даже не могло и проникнуть, хотя и никакъ нельзя оправдывать ужасовъ безчеловѣчной инквизиціи. Въ Англіи протестанство окончательно утвердилось жестокими мѣрами покровительницы его, королевы Елисаветы. Съ тѣхъ поръ и до нашего времени латинское испо-

вѣданіе не имѣло тамъ никакихъ успѣховъ; но какъ только правительство уравнило послѣдователей оного въ правахъ съ прочими гражданами, число приверженцевъ папы болѣе нежели удвоилось, и теперь постоянно и быстро умножается. Въ Пруссіи лѣтъ за 12-ть предъ симъ (т. е. до 1858 г.) появились было неокатолическія общества, но объ нихъ почти уже не слышно съ тѣхъ поръ, какъ правительство положило преграду ихъ незаконному распространенію¹⁾. — «И наша православная церковь уже сама горькимъ опытомъ убѣдилась, — прибавляетъ м. Филаретъ, — что стѣсненія не распространяютъ, а подавляютъ если не навсегда, то на долгое время истинное ученіе вѣры. Такъ было въ западномъ край Россіи, гдѣ гоненіе православія создало унию и могло бы въ конецъ подчинить весь народъ Риму, еслибы Промислу не угодно было возвратить тотъ край въ вѣдра православной Россіи; такъ и теперь въ австрійскихъ владѣніяхъ православіе, стѣсняемое тамошнимъ правительствомъ, постепенно оскудѣваетъ». Наконецъ, тоже самое какъ нельзя болѣе подтверждаетъ и исторія раскола. «Что касается нашего раскола, — говоритъ м. Филаретъ, — всемъ извѣстно, что число послѣдователей его сначала, несмотря на возникшія отъ нихъ самыя дерзкія смуты, было весьма малозначительно, за исключеніемъ тѣхъ, которые отпадали въ расколъ вслѣдствіе введенныхъ императоромъ Петромъ I-мъ европейскихъ обычаевъ; но только со времени императора Петра III стали особеннымъ образомъ возрастать успѣхи раскола, но мѣрѣ, какъ возрастало свисхожденіе правительства, и наконецъ достигли неожиданныхъ размѣровъ къ концу царствованія императора Александра I-го, когда появились и увѣршились извѣстныя центры раскола — Преображенское и Рогожское Кладбища.» Послѣ сего, въ царствованіе императора Николая, «расколъ усиливался только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ со стороны мѣстныхъ властей оказывалась ему потачка; ослабѣвалъ же тамъ, гдѣ обращено было строгое вниманіе на его оказательства,

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв. 4 т. 469—470 стр. 5 т. 494 стр.

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв. дополн. т. 463—464 стр.

на совращенія и на другія злоупотребленія¹⁾. Такъ, когда въ концѣ этого царствованія обращено было строгое вниманіе правительства на своеволю раскольниковъ Рогожскаго и Преображенскаго Кладбищъ, — въ обоихъ центрахъ явились единовѣрческія церкви и приходы, отъ чего они замѣтно пошатнулись въ своемъ значеніи²⁾. Словомъ, — «твердость, оказанная правительствомъ противъ раскола, съ 1827 года приобрѣла церкви около 200,000 единовѣрцевъ». Если посредствомъ мѣръ, употребленныхъ правительствомъ за указанное время, «приобрѣтено православію не столько, сколько было бы желательно, — замѣчаетъ м. Филаретъ, — то отсюда нельзя извлекать возраженія противъ сихъ мѣръ. Человѣкъ имѣетъ свободу заблуждаться, не уступая не только благоразумію человѣческому, но и премудрости Божіей, не только власти человѣческой, ограниченной, но и Божію всемогущему правленію, которое по сему только меньшую часть рода человѣческаго приобрѣло христіанству, и еще меньшую изъ сей части — христіанству православному³⁾. По смерти императора Николая, при возобновившемся сильномъ покровительствѣ расколу, онъ сталъ снова замѣтно усиливаться.

Приведенная исторія распространенія раскола, фактически опровергаетъ мнѣніе защитниковъ его о безполезности и даже вредѣ всякихъ стѣнительныхъ мѣропріятій, въ то же время даетъ вѣрный ключъ къ разрѣшенію и того, многимъ изъ нихъ кажущагося «непонятнымъ и неблаговиднымъ», общаго явленія, что «мѣры правительства противъ раскола, въ теченіе 200 лѣтъ, не имѣютъ успѣха», или, точнѣе, имѣютъ недостаточный успѣхъ. Ясно, что главная причина сего лежитъ въ непрочности этихъ мѣръ, но не въ нихъ самихъ. Уступки, которыми раскольники пользовались съ Петра III-го до 1827 года, не только увеличили число послѣдователей раскола, но и сообразили ихъ противустоять и дальнѣйшимъ мѣрамъ правитель-

ства». При этомъ, конечно, на недостатокъ успѣха мѣръ имѣло также не малое вліяніе ихъ неточное и неправильное исполненіе лицами, подобными исправнику Массарію, московскимъ полицейскимъ властямъ, и т. д. «Итакъ, снисхожденіе къ расколу, — говоритъ м. Филаретъ, — содѣйствовало и содѣйствуетъ его усиленію гораздо болѣе, нежели стѣпненіе⁴⁾. При своей несомнѣнности, такое явленіе и волюнтарно при вышеуказанныхъ способахъ распространенія раскола и огромномъ количествѣ постоянно колеблющихся между православіемъ и расколомъ. Всѣ эти колеблющіеся, при строгомъ наблюденіи правительства, «еще ходятъ къ православному богослуженію, не исключаютъ себя изъ церкви, боатся отвѣтственности и предъ закономъ, къ нимъ еще имѣетъ доступъ духовенство, ихъ тайное уклоненіе отъ православія еще не имѣетъ наглости»; но при малѣйшемъ послабленіи всѣ они естественно дѣлаются быстрою и невозвратимою добычею раскола, а явное ихъ отпаденіе указываетъ путь другимъ⁵⁾.

Распространеніе христіанской вѣры среди жесточайшихъ гоненій представляетъ, по взгляду м. Филарета, исключительное явленіе; выставлять его въ доказательство вредности стѣнительныхъ мѣръ противъ всякаго рода религиозныхъ ученій, и въ частности противъ нашего раскола, неумѣстно и не совсѣмъ справедливо. Неумѣстно потому, что распространеніе истинной саятой Христовой вѣры посреди жесточайшихъ гоненій «было неопровержимымъ знаменіемъ божественности ученія Спасителя, и примѣнять столь чудесное ея распространеніе къ невѣжественнымъ сектамъ значить унижать дѣйствіе всеишней благодати⁶⁾. Не совсѣмъ справедливо потому, что распространеніе христіанства, очевидно, совершалось всетаки «не посредствомъ гоненій, а вопреки гоненіямъ, вслѣдствіе присущей ему божественной силы». Притомъ «и

¹⁾ Собр. мѣр. и отв. допозн. т. 464—465 стр.

²⁾ Тамъ же, 5 т., 698 стр.

³⁾ Тамъ же, допозн. т., 232 и 234 стр.

⁴⁾ Собр. мѣр. и отв. 5 т., 597—598; допозн. т. 465 стр.

⁵⁾ Тамъ же, допозн. т., 465—466 стр.

⁶⁾ Собр. мѣр. и отв. допозн. т., 464 стр.

здѣсь Промисль иногда избиралъ орудіями своими даже иѣ-
 которыхъ изъ языческихъ императоровъ, которые миролюбивымъ расположеніемъ къ христіанству немало способствовали его успѣхамъ. Напротивъ того, гонители, хотя и не могли истребить вѣру Христову, но нерѣдко и весьма значительно останавливали ея распространеніе». Съ принятіемъ же христіанства римскими императорами, т. е. со времени царствованія Константина Великаго, распространеніе его сдѣлалось гораздо болѣе быстрымъ и повсемѣстнымъ, благодаря тому, что «всѣ силы власти, направленной дотогѣ противъ церкви, обратились къ защитѣ внутренняго и внѣшняго ея благоденствія. Христіанскіе императоры содѣйствовали оному искорененіемъ остатковъ идолопоклонства и изложеніемъ еретиковъ». Но и здѣсь, когда случалось, «что ереси находили покровителей въ самыхъ царяхъ, тогда онѣ разрастались такъ, что, напр., при вступленіи на Константинопольскую кафедру св. Григорія Богослова, во всемъ Цареградѣ оставалась уже только одна часовня православная, а послѣ, при содѣйствіи православныхъ императоровъ уже еретики удержали за собою только одну часовню. Вообще — содѣйствіе царей рѣшеніямъ соборовъ прекращало ереси, и наоборотъ, покровительство ересямъ угнетало христіанство. Императоры, покровительствовавшіе иконоборцамъ, возмутили всю церковь, и только тогда въ ней водворился опять всеобщій миръ, а ересь иконоборческая подавлена, когда сами цари и царицы усильно стали тому содѣйствовать. Позднѣе, латинское владычество въ Цареградѣ и вообще на Востокѣ развѣ не повредило православію? И магометанское иго развѣ способствовало его распространенію? Наконецъ и во всѣхъ европейскихъ державахъ, равно какъ и въ нашемъ отечествѣ, распространенію христіанства особеннымъ образомъ способствовало покровительство государей». Слѣдовательно, настоящее положеніе (1860 г.), заключаетъ м. Филаретъ, «когда противники церкви безпрестанно улезаютъ слабыми въ ереси и расколы, не есть ли прямое слѣдствіе усильнаго ослабленія расколу отъ мѣстныхъ низшихъ властей, при равнодушіи и

недостаткѣ покровительства вѣрѣ нерѣдко и со стороны высшихъ? Неужели же отечество наше добровольно станеть въ то положеніе, въ которое Востокъ поставленъ несчастными обстоятельствами невольны?»¹⁾

в) Въ отвѣтъ на возраженіе защитниковъ раскола, что христіанскимъ правительствамъ не свойственны никакія стѣсненія и ограниченія въ дѣлѣ вѣры, какъ противорѣчащія духу Христовой вѣры, митр. Филаретъ дѣлаетъ и приводитъ обстоятельную историческую справку, какъ рѣшалъ этотъ вопросъ и чѣмъ мотивировала рѣшеніе его въ положительномъ смыслѣ древняя христіанская церковь въ лицѣ христіанскихъ императоровъ, св. отцовъ и соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ. Въ виду современнаго значенія этой справки, ясно характеризующей отношеніе и самого митрополита Филарета къ рѣшенію вопроса, мы здѣсь приведемъ ее.

«Въ высшей степени поучительно ознакомиться ближе съ законами, изданными противъ язычниковъ и еретиковъ Константиномъ Великимъ и его преемниками: Θεодосіемъ, Юстиніаномъ и другими *благодѣтельными императорами*, — говоритъ митр. Филаретъ. Когда христіанство восторжествовало, языческіе жрецы весьма естественно не могли уже оставаться при своихъ прежнихъ преимуществахъ, но сверхъ того у всѣхъ язычниковъ отнять доступъ къ высшимъ почетнымъ и придворнымъ должностямъ, какъ таковымъ, которые увеличивали бы ихъ вліяніе на народъ, — повелѣно было сокрушать идоловъ, капища разрушать, или превращать въ христіанскіе храмы, или заирать, воспрещая входить въ оныя подъ опасеніемъ тяжкой вѣни, жертвоприношенія и вообще обряды языческіе были строжайше запрещены, и возобновителямъ языческаго богослуженія угрожалъ наказаніе. Строгость этихъ мѣръ была вызвана яснымъ сознаніемъ, что безъ нея невозможно было бы избавить вѣрныхъ отъ постоянного соблазна. Потому Блаженный Августинъ, упоминая о законахъ, имѣвшихъ цѣлю искоренить языческіе обряды, говоритъ: «конечно,

¹⁾ Собр. мѣт. и отг. 4 т., 462—463; допозв. т. 464 стр.

между нами нѣтъ никого, кто бы не одобрялъ этихъ законовъ».

И въ отношеніи къ еретикамъ императоры помнили, что «мать должна миловать свои чада и защищать ихъ, и что вой была бы немилостива и жестока, если бы, охраняя волю, погубляла овецъ. Въ выборѣ же средствъ для охраненія вѣрныхъ отъ ересей благочестивые императоры соображались съ обстоятельствами, употребляли благоразумныя, подтверждали вѣры къ убѣжденію заблудшихъ, а въ случаѣ сопротивленія и буйства, простирали строгость не на всѣхъ, а только на главныхъ злоучителей, и вообще не предпринимали того, что не привнесло бы пользы, а только бы больше ожесточило противниковъ. Смертной казни подвергались еретики въ томъ только случаѣ, когда они доходили до ожесточеннаго сопротивленія властямъ, или до преступленій противъ самой природы. Вообще же, благочестивые императоры помнили изреченіе святыхъ отцовъ, что еретика должно не убивать, а исправлять. Главнѣе законы, изданные императорами для охраненія православія и обузданія еретиковъ, заключались въ слѣдующемъ:

«Сборища еретическія были строжайше запрещены, и нарушавшіе это запрещеніе подвергались изгнанію, или пенѣ. Запрещено было еретикамъ строить церкви, а тѣ дома, въ которыхъ они собирались, были конфискуемы. Запрещено было еретикамъ посвящать кого-либо въ епископы, священники и дьяконы. Съ особенною строгостью поступалось было съ тѣми, кто совращалъ другихъ. Лжесвященники подвергались тяжелой пенѣ, азмачію, или есмкѣ. Особенными законами охранялись тѣ христіане, у которыхъ между родственниками были еретики. Еретики не имѣли права ни передавать другимъ свои имѣнія по завѣщанію, ни принимать завѣщанное. Преподобныя сестры (напр. манхен) и въ нѣкоторыхъ случаяхъ жестоко всѣ вообще еретики подвергались изгнанію, или пенѣ. Только одинъ императоръ подѣ предлогомъ, что вѣра не терпитъ принужденія, отиѣнилъ всѣ законы противъ еретиковъ, возвратилъ посланнымъ и сравнилъ въ правахъ

съ православными: то былъ Юліанъ — Отступникъ. За исключеніемъ его, всѣ императоры сознавали необходимость законовъ, охраняющихъ православіе и православныхъ. Понимая же, что законы должны быть не только издаваемы, но также и исполняемы, и видя вредъ и опасность отъ беззаконнаго и своекорыстнаго снисхожденія нѣкоторыхъ правителей къ еретикамъ, императоры опредѣлили также пеню и лишеніе должности для правителей и судей за отступленіе ихъ отъ сихъ законовъ; сами же въ своемъ лицѣ жалали примѣръ ревности по православію. Законами запрещено было еретикамъ обращаться къ нимъ лично и утруждать ихъ прошеніями. Вместе съ тѣмъ императоры охраняли чистоту общественныхъ нравовъ, воспрещая зрѣлища въ праздничные дни и т. п., сознавая впрочемъ, что содѣйствіе правительства есть хотя и необходимое, существенное, но не единственное условіе утвержденія вѣры.

«Тогда какъ государи старались разными законами приводить отторгшихся къ единенію съ церковію, пастыри церкви не переставали увѣщавать и поучать заблудшихся.

«Если бы еретики (говоритъ Блаженный Августинъ въ письмѣ къ Викентію) были только устрашаемы (государственными законами), но при томъ не были бы и поучаемы, то это могло бы казаться несправедливостію и насиліемъ. А если бы они только были поучаемы, но съ тѣмъ вместе не были устрашаемы законами, то изъ нихъ ожесточенные закостылости привычки слабо побуждались бы вступать на путь спасенія. Но къ полезному страху присоединяется спасительное наставленіе, ахъ что не только свѣтъ истины изгоняетъ мракъ заблужденія, но также и оковы дурной привычки разрываются оковами страха. Я самъ прежде былъ того мнѣнія, что не должно употреблять никакихъ внѣшнихъ побужденій къ единенію съ церковію и что надобно дѣйствовать только словомъ, сражаться одними разсужденіями, побуждать доказательствами, чтобы не имѣть намъ ложныхъ православныхъ въ тѣхъ самыхъ людяхъ, которые прежде были открытыми еретиками. Но это мнѣніе мое было оспорено не словами, а фактами.

вало бы порицать ихъ за нерадѣніе. Ибо и Апостоль Павель не о своей жизни заботился, но о церкви Божіей, когда, узнавъ о составленномъ противъ него заговорѣ, прибѣгнувъ къ помощи тысячника». Опираясь на всѣ сіи доводы, Блаженный Августинъ говоритъ: «укрощать и исправлять еретиковъ посредствомъ установленныхъ отъ Бога властей мнѣ кажется не бесполезнымъ; и такъ какъ Апостоль говоритъ: нѣсть власть, аще не отъ Бога, то, безъ сомнѣнія, когда цари оказываютъ церкви помощь, помощь сія намъ о имени Господа, сотворившаго небо и землю». — Кромѣ Августина, — прибавляетъ митр. Филаретъ, можно бы привести еще свидѣтельство св. Иоанна Златоустаго, совѣтовавшаго разорать сборища еретиковъ, и свидѣтельства многихъ другихъ св. отцевъ.

«Обратимся къ *правиламъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ*. Святыми отцами карагенскаго собора (правила котораго утверждены VI и VII вселенскими соборами) заблаго-разсуждено просить царей объ искорененіи остатковъ идолопоклонства, объ истребленіи идоловъ, разрушеніи капищъ, воспрещеніи языческихъ пиршествъ, и вообще обо всемъ, что усмотрать полезнымъ противъ еретиковъ и еллиновъ и противъ суетвѣрій ихъ (прав. 69, 71, 95, 120); также признано приличнымъ просить начальниковъ областей о вспоможеніи общей матери, католической церкви, противъ еретиковъ (прав. 78). Того же карагенскаго собора 59 правиломъ и VI вселенскаго 23 правиломъ, антиохійскаго 5 и 11, константинопольскаго 9 правиломъ постановлено: «нарушающихъ церковное устройство удалить и неволю изъ царствующаго града; производящихъ въ церкви возмущеніи и крамоли и не хотящихъ покоряться кроткому увѣщанію церковныхъ пастырей обращать, какъ мятежниковъ, къ порядку свѣтскою властію». Сто четвертымъ правиломъ карагенскаго собора было постановлено просить благочестивыхъ царей, Аркадія и Гонорія, чтобы возстановленъ былъ законъ Феодосія Великаго о изысканіи по 10 фунтовъ золота съ еретиковъ, руководящихся и рукополагаемыхъ, а также и о запрещеніи еретикамъ передавать, или получать что-либо по за-

вѣщанію. «Царскому человеколюбію (сказано при этомъ) предлежитъ нещадно, чтобы католическая церковь, родившая ихъ Христу и крѣпостию вѣры воспитавшая, была ограждена ихъ промышленіемъ. Противъ неистовства отщепенцевъ просимъ дати намъ божественную помощь, не необычайную и не чуждую святымъ писаніямъ. Ибо Апостоль Павель, какъ показано въ истинныхъ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, соумышленіе людей безчинныхъ пренобѣдилъ воинскою помощію». Вся церковная исторія полна примѣрами того, что святители побуждали императоровъ къ дѣйствованію въ пользу церкви.

«Въ нашемъ отечествѣ (заключаетъ свою историческую справку митр. Филаретъ), въ которомъ благочестивѣйшіе цари суть верховные защитники и блюстители правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія (основные законы Россійской имперіи), какимъ инымъ образомъ правительство ихъ можетъ соотвѣтствовать сему, отъ начала существующему коренному правилу, если не дѣйствуя противъ раскола тѣми мѣрами, которыя всегда принимались православными царями и которыя ободряются вселенскою церковію?»¹⁾

г) Что касается, наконецъ, послѣдняго возраженія защитниковъ раскола, что непризнаніе 200 лѣтъ существующаго факта, каковъ расколъ, очень странное явленіе, то, по суду митрополита Филарета, возраженіе это, поражаая неприготовленную мысль своею искусственностію и виѣшнимъ блескомъ, есть однако же не что иное, какъ пустая, бессодержательная, неопредѣленная фраза, не имѣющая при томъ ни малѣйшей доли сираведливости. Если понимать его въ буквальномъ смыслѣ, то оно болѣе, чѣмъ странно, такъ какъ заключаетъ въ себѣ, очевидно, такой прямой смыслъ: «200 лѣтъ существуетъ расколъ, и правительство не признаетъ его существующимъ, не видитъ, думаетъ, что его нѣтъ! Или: 200 лѣтъ существуетъ расколъ и правительство видитъ его, но безстыдно и безсовѣстно не признаетъ его существованія, — говорить, что его нѣтъ!» Но такъ ли

¹⁾ Собр. мѣст. и отв. 4 т., 463—469 стр.

Дѣятельность и. Филарета въ борьбѣ съ расколомъ.

на самомъ дѣлѣ правительство относится къ расколу? Не сомнѣнно имѣть, когда оно говоритъ объ немъ въ законахъ, ограничиваетъ его и т. д. Такимъ образомъ, если говорить точнѣе, «правительство признаетъ расколъ, какъ существующій фактъ, но какъ фактъ существующій незаконно», или, другими словами, «правительство не признаетъ не фактическое существованіе, а только законность раскола», въ виду того, что онъ «вообще существуетъ чрезъ нарушение законнаго послушанія православной церкви». Поэтому нужно думать, что, приводя указанное возраженіе, защитники раскола желаютъ законнаго и свободнаго его существованія, т.-е. «стребуютъ признать законнымъ то, что не безъ основанія донныи признаваемо было незаконнымъ». Но «это не легко согласить съ справедливостью и не легко исполнить»¹⁾.

Защитники раскола находили нынѣшнее отношеніе правительства къ расколу «переходнымъ». На это митр. Филаретъ замѣтилъ: «если дѣлать раскольникамъ уступки, то наше въ отношеніи къ нимъ положеніе дѣйствительно будетъ переходнымъ, но переходнымъ къ худшему для православія», а по тѣсной связи съ православіемъ государства — и для сего послѣдняго.

Убѣждая такимъ образомъ правительство въ ограничительныхъ мѣропріятіяхъ противъ раскола не слишкомъ смущаться несправедливыми жалобами раскольниковъ и либеральными доводами его пристрастныхъ и безпристрастныхъ радѣтелей, митр. Филаретъ въ заключеніе изложилъ рядъ неудоборазрѣшимыхъ вопросовъ и затрудненій, которые неизбежно должны родиться, если государство рѣшится официально признать расколъ особымъ вѣроисповѣданіемъ, несмотря на его злоуредный во многихъ отношеніяхъ характеръ.

Рѣшившись признать расколъ, правительство прежде всего должно стать, по замѣчанію митр. Филарета, въ сильное недоумѣніе предъ вопросомъ: всѣ ли раскольническія секты, которымъ имѣетъ числа, должны получить свободу вѣроиспо-

вѣданія, или только нѣкоторые изъ нихъ? а если такъ, то какія? Признать всѣ секты правительство естественно не можетъ и не рѣшится, въ виду очевиднаго и сильнаго антигосударственнаго направленія нѣкоторыхъ изъ нихъ, не говоря объ антицерковномъ; а признавъ лишь немногія секты, ово не только не рѣшитъ затруднительнаго вопроса, но и дастъ прямой поводъ къ волненіямъ среди самихъ раскольниковъ, которые, увидя примѣръ, всѣ безъ исключенія съ настойчивостью и даже дерзостью стануть домогаться свободы. «Придутъ предъ правительство раскольники бѣлокриницкаго отдѣленія и скажутъ: признайте нашихъ архіереевъ и поставляемыхъ ими священниковъ! За симъ придутъ раскольники новорусскіе и скажутъ: мы отказались отъ бѣлокриницкихъ архіереевъ; думаемъ, что и правительству они не угодны: признайте нашего Антонія, архіепископа владимірскаго, около десяти другихъ существующихъ и многихъ имѣющихъ быть архіереевъ и поставляемыхъ ими священниковъ! Далѣе придутъ старые поповцы и скажутъ: мы понимаемъ, что австрійскіе и ими поставляемые архіереи и священники незаконны, и потому желаемъ имѣть по-старому русскихъ бѣглыхъ священниковъ: признайте бѣглыхъ священниковъ законными! Потомъ явятся безпоповцы разныхъ толковъ, и скажутъ: признайте нашихъ большековъ, нинѣшнихъ и завтрашнихъ, такъ какъ мы, можетъ быть, завтра нинѣшнихъ смѣнимъ и поставимъ другихъ! За симъ могутъ придти и бѣгуны, и сказать: признайте и нашихъ начальниковъ, бѣглыхъ крестьянъ и бѣглыхъ солдатъ! Когда прославится такая свобода расколовъ и сектъ, не рѣшатся ли придти и скопцы и хлысты, и сказать: признайте и нашего начальника, котораго мы называемъ Христомъ, и его помощницу, которую называемъ Богородицею!»¹⁾. А что произойдетъ въ селеніяхъ съ признаніемъ раскола? — продолжаетъ спрашивать митр. Филаретъ. «Придутъ въ селеніе жесвящен-

¹⁾ Собр. мѣст. и отв. 5 т., 743—744; 498; Пск. Выг. Особ. 2 ч. 234 стр.

¹⁾ Собр. мѣст. и отв. 5 т., 600 стр.

никъ австрійскій, лжесвященникъ русскій, бѣглый священникъ русскій, большакъ безоновщинскій, и ненаказанно будутъ разрушать и раздѣлять одно селеніе на нѣсколько приходовъ разныхъ вѣръ. Одному законному пастырю трудно будетъ превозмочь многихъ волковъ. А ихъ будетъ очень много. Безъ мѣры размножатся, какъ уже размножаются, лжеархіереи австрійскіе и русскіе, и безъ мѣры будутъ превращать крестьянъ и мѣщанъ въ лжесвященники. Гдѣ тогда будетъ церковное единеніе въ Россіи? А такая большая утрата единенія церковнаго можетъ ли быть безвредна для единодушія народнаго въ государствѣ? — Далѣе митр. Филаретъ обращаетъ вниманіе и на то, что съ признаніемъ свободнаго существованія раскола, въ качествѣ отдѣльнаго вѣроисповѣданія, пропаганда и сепаративнаго стремленія раскольниковъ еще болѣе усилятся и окрѣпнутъ. Въ настоящее время стремленіе раскольниковъ къ пропагандѣ нѣсколько ограничивается недостаткомъ покровительства со стороны закона; «но когда расколъ получитъ законное существованіе, тогда его привычка къ пропагандѣ пренятствій будетъ имѣть менѣе нинѣшняго, а средствъ болѣе и, слѣдовательно, болѣе можетъ вредить православной церкви»¹⁾. Равнымъ образомъ и «раздѣлительная сила» раскола въ настоящее время значительно ослабляется раздробленіемъ раскольническихъ обществъ, недостаткомъ въ нихъ единства, благодаря чему, въ случаяхъ особеннаго возбужденія народнаго духа, раскольники удобно слѣдуютъ движенію большаго, т.-е. православнаго единства; съ признаніемъ же раскола отдѣльнымъ вѣроисповѣданіемъ «раздѣлныя общества раскольническія достигнутъ общаго единства», черезъ что «между православною церковію и усиленнымъ, черезъ единство, многочисленнымъ экс-православнымъ обществомъ положена будетъ рѣкая черта раздѣленія и противоположности», которая, углубляясь, образуетъ замѣтную грань и въ единствѣ народнаго духа. Отсюда ясно, что благо общественное «возстаетъ противъ того, чтобы соз-

¹⁾ Собр. мѣст. и отз. 5 т., 744; 497—498 стр.

дать мѣръ изъ хаоса раскольническаго», такъ какъ при этомъ легко можетъ послѣдовать, что значительная часть міра православнаго погрузится въ хаосъ раскольническій, чрезъ что можетъ образоваться и хаосъ государственный¹⁾.

Не имѣя возможности дать свободу вѣроисповѣданія всѣмъ раскольническимъ сектамъ безъ льваго и большаго ущерба для народнаго единства, правительство, по сужденію митр. Филарета, не можетъ безъ затрудненія оказать въ этомъ отношеніи предпочтеніе тѣмъ, или другимъ изъ этихъ сектъ. При намѣреніи дать свободу вѣроисповѣданія, правительство можетъ остановиться, говоритъ онъ, всего скорѣе на расколѣ поновщинскомъ, менѣе фанатичномъ и вредномъ, но въ то же время и болѣе многочисленномъ: ибо не можетъ же быть признаннымъ официально «безобразное общество» раскольниковъ безоновщинскихъ, не признающихъ брака, проповѣдающихъ безиравственное ученіе о меньшей грѣховности блуда сравнительно съ бракомъ, отвергающихъ всякое священство и т. и., не говоря о сектахъ мистическихъ — скопческой, хлыстовской и проч., самое существованіе которыхъ не совмѣстимо съ идеей благоустроеннаго государства. Но и при такомъ ограниченномъ выборѣ трудно-разрѣшимаго недомѣнія возникаютъ сами собой, и прежде всего въ виду раздробленія самого поновщинскаго раскола. Въ настоящее время въ немъ, или точнѣе въ его лжеіерархіи, «находятся въ броженіи три стихіи: 1) лжеіерархія русская, принимающая въ такой же австрійской, 2) русская, отдѣлившаяся отъ сей, 3) бѣгловосищенство русскаго православнаго рукоположенія»²⁾.

¹⁾ Собр. мѣст. и отз. 5 т., 497—498 стр.

²⁾ Разсматриваемая Записка митр. Филарета — «О расколѣ въ настоящее время» написана въ концѣ 1863 года, т.-е. вскорѣ послѣ появленія знаменитаго «Окружнаго Посланія», утвержденного на московскомъ соборѣ раскольническихъ лжеархіереевъ 24-го февраля 1862 года, но когда еще не обнаружилось ясно вызванное имъ раздѣленіе раскольническаго поновщинскаго міра (австрійскаго священства) на двѣ новыя враждебныя партіи — окружниковъ и противо-оужниковъ (къ которымъ затѣмъ прибавились еще волжскооужники).

«Итакъ неужели, — спрашивалъ митр. Филаретъ, — признать три раскольническія іерархіи, и, если позволительно такъ изъясниться, три раскольническія церкви? Если и отвергнуть стихію австрорусскую: останутся еще лжеіерархія русская и бѣглое отъ православной церкви священство. Можно ли цеховаго Андрея Шутова официально признать Антоніемъ, владимірскимъ архіепископомъ? Можно ли образовать іерархію изъ бѣглыхъ священниковъ? Возможно ли сіе, какъ со стороны правительства, такъ со стороны самихъ раскольниковъ, по понятію которыхъ для полной іерархіи необходимы епископы? Неужели найдется средство создать еще бѣглыхъ епископовъ?»¹⁾ Но приведенными затрудненіями далеко не прекращается рядъ ихъ. Наиболѣе важное затрудненіе состоитъ въ томъ неопредѣленномъ, странномъ положеніи, въ какое съ признаніемъ раскольническихъ лжеіерархій должна будетъ стать главная опора государственнаго единства и силы — православная церковь. Ни Кирилла, который рукоположенъ вопреки первому апостольскому правилу однимъ епископомъ, не имѣвшимъ притомъ права рукополагать, ни, слѣдовательно, рукоположенныхъ Кирилломъ епископовъ и священниковъ церковь не можетъ признать истинными епископами и священниками. «Изъ сего слѣдуетъ, что если бы когда-либо гражданское начальство въ сношеніи съ духов-

Вслѣдствіе этого митр. Филаретъ и не упоминаетъ здѣсь объ этомъ новомъ дробленіи раскольниковъ, но говоритъ о немъ послѣ (см. Псм. къ Выс. Особ. 2 ч. 234 стр., — псм. къ оберъ-прокур. Ахматову отъ 10 марта 1864 г. и т. д.). Приведеннымъ замѣчаніемъ мы хотимъ сказать, что выставленное м. Филаретомъ затрудненіе правительства въ случаѣ признанія поповщинскаго раскола вскорѣ же осложнилось такимъ образомъ еще болѣе. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о появленіи Окружнаго Посланія и о тѣхъ смутахъ, какія оно произвело и производитъ въ расколѣ до сихъ поръ, своевременно сообщались и сообщаются Н. И. Субботиннымъ въ его „Современныхъ движеніяхъ въ расколѣ“, въ „Современныхъ лѣтонисяхъ раскола“ и въ „Лѣтониси происходившихъ въ расколѣ событій“. Самое же посланіе см. Вр. Сл. 85 г. 2 т. 620—641; 704—724 стр.

¹⁾ Собр. мѣн. и отв. 5 т., 494—495 стр.

нымъ православнымъ упомянуло бы объ Антоніи, архіепископѣ владимірскомъ, духовное начальство обязано было бы отвѣчать, что оно не знаетъ архіепископа Антонія, а знаетъ только цеховаго Андрея Шутова». Равнымъ образомъ, «если бы гражданское начальство рѣшилось смотрѣть на бѣглыхъ священниковъ, какъ на законныхъ у раскольниковъ, духовное начальство, тѣмъ не менѣе, обязано было бы, по правиламъ церковнымъ, признавать ихъ запрещенными въ священнослуженіи и подлежащими лишенію сана. И тогда оказалось бы, что государство доставляетъ неаказанность виновнымъ предъ православною церковію и поощряетъ дезертированіе изъ церковной службы. Какъ можно было бы выйти изъ такихъ противорѣчій? Принуждать ли православную іерархію признавать то, что противно церковнымъ правиламъ и ея совѣсти? Но это значило бы нарушать государственный въ Россіи законъ, предоставляющій свободу даже нехристіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, и православная іерархія была бы обязана лучше пострадать, нежели подчиниться такому принужденію, по слову апостольскому: *повиноватися подобаетъ Богови наче, нежели челоукомъ* (Дѣян. 5, 29).» — Такимъ образомъ признаніе хотя бы и одного поповщинскаго раскола необходимо должно повести еще къ нарушенію того единенія и согласія, которыя въ настоящее время существуютъ между православною церковію и государствомъ и до сихъ поръ не были нарушаемы никакими взаимно противорѣчащими возрѣніями, — къ разрушенію искони существовавшей въ Россіи гармоніи между ними, которой нѣтъ у другихъ народовъ христіанскихъ, и которою только Россія и можетъ быть сильна, — слѣдовательно, къ такому разрушенію, послѣдствія котораго трудно и взвѣснить¹⁾. — Наконецъ, вмѣстѣ съ указанными весьма важными затрудненіями церковно-каноническими и государственными, официальное признаніе раскольническихъ лжеіерархій должно возбудить не мало недоумѣній административно-практическихъ, хотя и не особенно важныхъ, однако не легко разрѣшимыхъ.

¹⁾ Собр. мѣн. и отв. 5 т., 495—496 стр.

Если въ одномъ городѣ будутъ двѣ кавехры, два архіерея, два епархіальныхъ управленія, въ одномъ селеніи — два прихода, въ одномъ селѣ, или деревнѣ — по нѣскольку дворовъ съ православной и съ экс-православной стороны, то естественно возникнуть подобнаго рода вопросы: гдѣ будутъ предѣлы епархій и приходоѣвъ? останутся ли епископы и священники въ своихъ званіяхъ крестьянъ, мѣщанъ и пр., или будутъ выдѣлены? и при томъ однолично, или съ семействомъ и потомствомъ, чтобы черезъ то увеличился и безъ того не рѣдкій жалобъ на многочисленность одного лица православнаго духовенства? будутъ ли экс-православные епископы имѣть консисторіи и на какомъ содержаніи? или будутъ оставлены съ нѣнѣшнимъ произвольнымъ управленіемъ, чтобы безконтрольное своеволие удобнѣе прельщало и привлекало къ нимъ православныхъ? изъ какихъ источниковъ и въ какихъ размѣрахъ будутъ имѣть содержаніе экс-православные епископы и священники? — и т. д. Разрѣшеніе всѣхъ сихъ вопросовъ съ признаніемъ новонавскаго раскола необходимо для устранинія многочисленныхъ поводовъ къ столкновеніямъ и запутанностямъ; но легко ли это сдѣлать?¹⁾

Таковы доводы митр. Филарета относительно необходимости ограничительныхъ мѣръ противъ раскола со стороны гражданскаго правительства.

Итакъ, по его справедливому и высоко-авторитетному суду, православное правительство Россіи, ни подъ какимъ видомъ не должно оставаться равнодушнымъ и бездѣтельнымъ зрителемъ распространенія раскола, но радомъ ограничительныхъ мѣропріятій чуждыхъ впрочемъ характера преслѣдованія, должно полагать предѣлы увеличенію этого зла — государственнаго и церковнаго; еще менѣе можетъ оно думать о признаніи раскола въ качествѣ отдѣльнаго вѣроисповѣданія, равноправнаго съ иностранными, какъ ни сильно добивается этого сами раскольники и ихъ родители, придумывая благовидныя тому основанія, такъ какъ вывѣсть съ сими не-

избѣжно пришлось бы впасть во множество неразрѣшимыхъ затрудненій и противорѣчій, кроиѣ явнаго вреда для государства не общающихся ничего другаго.

Имѣя въ виду приведенныя общія воззрѣнія митрополита Филарета на расколъ, не трудно опредѣлить направленіе и содержаніе его противораскольнической дѣятельности: какъ верховный духовный пастырь, онъ, естественно, стремился къ мирному приведенію раскольниковъ въ покинутое ими лоно церкви, требуя того же и отъ другихъ пастырей и заботясь объ изысканіи и увеличеніи духовныхъ средствъ къ врачеванію раскольническаго недуга; но какъ истинный вѣроисповѣданный и какъ соучастникъ въ заботахъ верховной власти о благѣ церкви и государства, онъ не считалъ чуждымъ для себя попеченіе объ ослабленіи раскола и вышними ограничительными средствами, обращая при этомъ вниманіе на ихъ цѣлесообразность и точное исполненіе. Къ разсмотрѣнію того, въ какихъ формахъ, при какихъ обстоятельствахъ, когда и гдѣ проявилась эта двойственная дѣятельность митрополита Филарета, мы теперь и перейдемъ.

1. Противораскольническая дѣятельность митрополита Филарета въ царствованіе императора Александра I-го

(1817—1825 гг.).

Свѣтлые дни переживалъ, или, точнѣе, доживалъ расколъ въ царствованіе императора Александра I-го. Новыя отношенія правительства къ расколу въ духѣ терпимости и снисхожденія, начавшіяся съ Петра III-го и вытекавшія изъ взгляда на расколъ не какъ на явленіе государственное, а какъ на «умственное заблужденіе простаго народа, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшнхъ заключеніяхъ объ его истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства, въслѣдствіе недостатка просвѣщенія и въслѣдствіе ревности Божіей, но не по разуму»¹⁾,

¹⁾ Собр. постанов. во части раскола 1858 г., 22, 47 стр. ср. Варшавск. Ист. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 6 кн., 51—52 стр.

¹⁾ Собр. кнѣн. в отъ 5 в., 436—497 стр.

достигли тогда наибольшего развитія. Единственно цѣлесообразнымъ средствомъ противъ всѣхъ отдалившихся отъ православной Грекороссійской церкви правительство признавало теперь лишь вразумленіе и наставленіе ихъ на путь истинный «духовными особами», и при томъ безъ навязчивости, безъ споровъ и распрей, безъ состязаній и принужденій, но съ кротостью, съ терпѣніемъ и съ усерднымъ настояніемъ, — словомъ такое вразумленіе, которое бы «изливалось» на заблудшихся «само собой» непримѣтно, изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и, наконецъ, изъ не принужденныхъ, къ случаю и съ видомъ ненамѣренности направленныхъ на ихъ положенія, разговоровъ». Что же касается внѣшнихъ стѣсненій и ограниченій по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ, то при каждомъ удобномъ случаѣ правительство намѣренно возставало противъ подобнаго способа дѣйствій, яркими красками рисуя кажущееся неприличіе его для христіанскаго государства, несогласіе его съ «ученіемъ Спасителя міра, пришедшаго взыскати и спасти погибшаго», и наконецъ явный будто бы вредъ, ибо «де всякій видъ жестокости «не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ»¹⁾. Правда, при этомъ тогдашнее правительство впадало въ видимое противорѣчіе съ собой, когда предписывало подчиненнымъ гражданскимъ начальствамъ не дѣлать отпадшимъ отъ церкви «ни малѣйшаго притѣсненія», «не дѣлать насилія совѣсти и не входить въ розысканіе внутренняго исповѣданія ихъ вѣры», но въ то же время приказывало имѣть надъ ними строгій полицейскій надзоръ, «не допускать никакихъ внѣшнихъ оказательствъ отступленія отъ церкви и строго воспрещать всякіе въ семъ соблазны, не въ видѣ ереси, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка»²⁾. Ясно, что оно само сознавало необходимость какого-либо ограниченія, если не въ видахъ стѣсненія сектъ, то по крайней мѣрѣ для защиты господствующаго въ Россіи вѣроисповѣданія, для пре-

¹⁾ Собр. постан. по ч. раскола 1858 г. 22, 47 стр.

²⁾ Тамъ же, 25 стр.

дупрежденія безнаказанныхъ отпаденій отъ православной церкви. Но такъ какъ и въ теоріи, на бумагѣ, такая строгость плохо мирилась съ общими заявленіями о вѣротерпимости, то на практикѣ правительству приходилось смотрѣть «сквозь пальцы» на неисполненіе строгихъ предписаній, и въ большинствѣ случаевъ правительство доводило свое послабленіе раскольникамъ и сектантамъ даже до явнаго покровительства имъ. Доказательствомъ этого служатъ, наприм., дозволеніе старообрядцамъ с. Городца имѣть священниковъ изъ Иргиза¹⁾, приказъ малороссійскому генералъ-губернатору не преслѣдовать являющихся во вѣранныхъ ему губерніяхъ бѣглыхъ священниковъ, льготы, данныя Преображенскому кладбищу съ переименованіемъ его въ богадѣленный домъ²⁾, ежегодный отпускъ въ пользу старообрядческаго Корсунскаго монастыря по 500 фуръ соли изъ Кинбурнскихъ соляныхъ озеръ, не гласное согласіе на отиравленіе богослуженія по старому обряду въ климовскомъ монастырѣ³⁾, постоянное и сильное заступничество правительства за духоборцевъ (а отчасти и за молоканъ), ихъ поселеніе на Молочныхъ водахъ съ весьма выгодными для нихъ условіями⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ послабленіе правительства раскольникамъ простиралось въ разсматриваемое время до такой степени, что ставило ихъ въ положеніе гораздо болѣе выгодное, чѣмъ каково было положеніе православныхъ. Особенно это замѣчалось въ судебныхъ процессахъ по нарушенію православными и раскольниками государственныхъ, полицейскихъ, или уголовныхъ законовъ. Православные въ такихъ случаяхъ въ общемъ наказывались строже раскольниковъ, которымъ напротивъ дѣлалось снисхожденіе, такъ какъ всегда принимались въ соображеніе ихъ заблужденія и изувѣрство. Наприм., православный, или

¹⁾ Собр. постан. по ч. раскола 1858 г. 27 стр. — постановл. отъ 12 мая 1803 г.

²⁾ Тамъ же — постановл. отъ іюня 1803 г. и 15 мая 1809 г.

³⁾ Тамъ же — постановл. отъ 28 апр. 1808 г. и 28 окт. 1811 г.

⁴⁾ Собр. постан. по ч. раскола 1858 г.: 21—27; 28—32; 44—51; 52; 56—58; 61—62. 1860 г.: 26—27; 37—41 стр.

иновѣрный, дозволившій себѣ произвести буйство въ церкви, или во время церковной процессіи, при совершеніи церковныхъ требъ и пр., дозволившій оказать явное неуваженіе властямъ, непослушаніе и тому подобное, судился судомъ уголовнымъ, въ обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства, и наказывался закономъ уголовнымъ. Между тѣмъ каждое такое дѣло о раскольникѣ, по изслѣдованіи и составленіи уголовного приговора въ послѣдней инстанціи, въ Палатѣ Уголовнаго Суда, представлялось, прежде приведенія приговора въ исполненіе, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которое, черезъ Комитетъ Министровъ, испрашивало всякій разъ смягченіе, или отмѣну приговора, если въ дѣйствиіи раскольника замѣчалось только «выраженіе его вѣрованія», и дѣло кончалось тѣмъ, что уголовное наказаніе или отмѣнялось, или смягчалось до того, что замѣнялось лишь отсылкою въ монастырь и къ епархіальному начальству для увѣщанія¹⁾. Особенно часто раскольники обвинялись въ богохульствѣ, за что виновный подвергался по закону лишенію всѣхъ правъ состоянія, тѣлесному наказанію и ссылкѣ въ каторжную работу. Но ни одинъ раскольникъ не былъ такъ осужденъ, и дѣло именно кончалось или отмѣной наказанія, или же, если проступокъ не былъ совершенъ публично, многократно, въ церкви, отсылкой на увѣщаніе²⁾. — Такъ кротокъ и гуманенъ былъ общій характеръ отношеній правительства къ раскольникамъ въ царствованіе Александра I-го.

Что такія отношенія правительства къ раскольникамъ были дѣйствительно общими, а не исключительными, можно видѣть изъ того, что постановленія противоположнаго, стѣснительнаго характера, какъ, напр., запрещеніе раскольникамъ строить церкви и часовни и законное преслѣдованіе ихъ за оказательство раскола, были очень рѣдки. Раскольники, конечно, не умѣли и не хотѣли цѣнить оказываемаго имъ снисхожденія; напротивъ, пользуясь этимъ снисхожденіемъ, старались постоянно, прямо

или косвенно, нарушать существовавшія сколько-нибудь стѣснительныя противъ нихъ постановленія и распространять свое лжеученіе между православными. Случаи дерзкаго оказательства раскола въ видѣ самовольнаго построения часовень съ крестами и колоколами и совершенія открытыхъ крестныхъ ходовъ, а также случаи совращенія въ расколъ годъ отъ году прогрессивно увеличивались¹⁾. Фанатизмъ и ожесточеніе раскольниковъ также нисколько не ослабѣвали, несмотря на отсутствіе преслѣдованій²⁾. Такимъ образомъ расколъ не только продолжалъ упорно держаться, но и увеличивался съ чрезвычайной быстротой. Число послѣдователей его, простиравшееся въ началѣ царствованія Александра I-го не болѣе какъ до 200,000, къ концу стало быстро приближаться къ милліону, и то лишь по приблизительному, несомнѣнно уменьшенному счету³⁾. Насколько былъ силенъ ростъ раскола, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Въ городѣ Спасскѣ, Тамбовской губерніи, между экономическими крестьянами онъ усилился такъ, что высказано было опасеніе о совращеніи всѣхъ ихъ въ расколъ. Въ Пермской губерніи также явилось опасеніе, чтобы «не опустѣли приходы и храмы»⁴⁾. На Рогожскомъ и Преображенскомъ Кладбищахъ число прихожанъ увеличивалось тысячами; даже Покровская поморская часовня въ Москвѣ, имѣвшая въ началѣ царствованія 1000 прихожанъ, подъ конецъ насчитывала ихъ до 6000⁵⁾.

Духовное начальство и вообще духовенство, на обязанности котораго лежало наставленіе и вразумленіе заблудшихъ, къ сожалѣнію, не показывало себя въ это время на высотѣ своего

1) См. обширный перечень дѣлъ, производившихся въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ по дѣламъ раскола за это время у Варадинова: 76; 184—186; 156—157 стр.

2) Собр. постан. по ч. раскола 1860 г. 18—20 стр.

3) Варадиновъ, 158—179 стр. По заявленію же Министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Кочубея раскольниковъ около 1820 г. было не мене двухъ милліоновъ. Труды Кіев. Ак. 1881 г. 3 ч., 13 стр.

4) Варадиновъ, 74—75; 101 стр.

5) Знаменскій. Прав. Собесѣдн. 1885 г. 3, 279 стр.

1) Варадиновъ. 189 стр.

2) Тамъ же, 190 стр., срви. 74 стр.

призванія. Не говоря о низшемъ духовенствѣ, которое нисколько не заботилось о противораскольнической дѣятельности, и само высшее духовное начальство не сильно заботилось о томъ. Такъ, съ 1801 года по 1817 включительно Св. Синодъ издалъ лишь всего одно распоряженіе, прямо направленное къ ослабленію раскола, а именно «объ опредѣленіи къ церквамъ рода Уральска надежнѣйшихъ священниковъ»¹⁾; вообще же ограничивался слабымъ напоминаніемъ священникамъ относительно необходимости вразумленія заблуждающихся. Противораскольническая дѣятельность Св. Синода была направлена въ это время собственно не къ ослабленію раскола, а лишь къ защитѣ правъ православной церкви отъ нарушенія оныхъ раскольниками, съ каковою цѣлю наприм., изданъ былъ рядъ разъясненій и постановленій, болѣе или менѣе ограничительнаго характера, относительно раскольниковъ: объ изданіи старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ, о смѣшанныхъ бракахъ между православными и раскольниками, и т. п.²⁾. Особенно часто Синоду приходилось разъяснять теперь и точный смыслъ недавно явившихся Платоновскихъ пунктовъ Единовѣрія, которые большинство раскольниковъ толковало въ неблагоприятномъ для церкви смыслѣ³⁾.

Ясно, что подобныя отношенія церкви и правительства къ раскольникамъ, и вообще сектантамъ, были не нормальны: необходимо было со стороны гражданскаго правительства болѣе строгое ограниченіе ихъ своеволій, со стороны духовнаго начальства — усиленіе духовно-правственнаго воздѣйствія на нихъ. И такая перемѣна отношеній дѣйствительно совершилась, хотя не вполнѣ, около 1817 года. Въ ней-то, или, точнѣе, въ ея появленіи далеко не послѣднее значеніе имѣлъ митрополитъ Филаретъ.

¹⁾ Собр. постан. по ч. раскола 1860 г. 69—71 стр. — Постан. отъ дек. 21 1807 г. и фев. 16 1810 г., авг. 17 1810 г.

²⁾ Собр. пост. по ч. раскола 1860 г.: 1—2; 11; 20—22; 24—26; 47—50 и т. д.

³⁾ Тамъ же, 11—17 стр.

Довольно рѣзкій поворотъ въ отношеніяхъ правительства къ расколу съ 1817 года можно усматривать въ такихъ постановленіяхъ, изданныхъ имъ въ періодъ времени отъ 1817 по 1825 г., какъ воспрещеніе начальникамъ губерній давать дозволенія по предметамъ, принадлежащимъ къ духовному вѣдомству (по поводу устройства старообрядческой церкви въ г. Вольскѣ съ разрѣшенія саратовскаго гражданскаго губернатора¹⁾; выговоръ бывшимъ саратовскому и слободско-украинскому гражданскимъ губернаторамъ за невнимательное отношеніе ихъ къ противозаконной постройкѣ старообрядческаго монастыря близъ г. Саратова и часовень въ Чугуевѣ и Боровскѣ²⁾; учрежденіе одной типографіи для старопечатныхъ книгъ въ Москвѣ, при единовѣрческой церкви, съ уничтоженіемъ таковыхъ типографій въ посадѣ Клинцовскомъ и селеніи Махновкѣ и съ конфискаціей старопечатныхъ книгъ, привозимыхъ изъ-за границы³⁾; установленіе строгаго надзора за раскольниками едосѣвскаго согласія и въ частности за Преображенскимъ богадѣленнымъ домомъ, предпочтеніе православныхъ предъ раскольниками при купеческихъ и мѣщанскихъ выборахъ и полное устраненіе отъ должностей всѣхъ раскольниковъ, не пріемлющихъ брака и не молящихся за царя⁴⁾; строгое воспрещеніе вновь строить раскольническія церкви подъ какимъ бы то ни было предлогомъ⁵⁾; наконецъ, учрежденіе въ С.-Петербургѣ особаго секретнаго комитета по дѣламъ раскольниковъ⁶⁾. Не трудно замѣтить, какъ мало похожи эти распоряженія на постановленія, изданныя въ первую половину царствованія императора Александра I-го; видно, что прави-

¹⁾ Собр. пост. по ч. раскола 1858 г. 51—52 — пост. отъ ноября 1817 г.

²⁾ Тамъ же, постан. 1858 г. 53—54 стр. — Высоч. резол. отъ 22 дек. 1817 г.

³⁾ Тамъ же, 54—56 стр. — постан. 27 авг. 1818 г.: 59—60 стр. 1860 г.: 134—138 стр. — пост. 31 дек. 1818 г.: 147—149 стр. — пост. 17—21 янв. 1820 г.

⁴⁾ Тамъ же 1858 г. 66—67 стр. — пост. 27 мая 1820 г.

⁵⁾ Тамъ же, 16 стр. — 26 марта 1822 г.

⁶⁾ Тамъ же, 89 стр. — 14 марта 1825 г.

тельство сознало свое увлечение и рѣшилось дѣйствовать въ другомъ направленіи, отбросивъ болящія уврековъ въ не-терпимости. Правда, и теперь оно по прежнему толковало о непреслѣдованіяхъ за вѣру и пр.; но вторую часть своей программы — объ оказательствѣ раскола и совращеніяхъ въ расколъ рѣшилось исполнять по возможности болѣе точно и строго.

Въ то же время Св. Синодъ съ своей стороны, въ виду сильнаго размноженія бѣглыхъ священниковъ, издалъ весьма важное постановленіе «объ отбираниіи отъ священно-и-церковно-служителей, удаленныхъ, по подсудности, отъ своихъ должностей, и отъ священно-служителей, низведенныхъ въ причетническую должность, ставленныхъ грамотъ и другихъ видовъ на званіи ихъ»¹⁾. Разнымъ образомъ онъ обратилъ теперь болѣе вниманіе и на усиленіе духовно-нравственнаго воздѣйствія на раскольниковъ, съ каковою цѣлію «къ синодальнымъ членамъ и прочимъ епархіальнымъ пресвященнымъ архіереямъ» послалъ «печатные указы, чтобы они, обращая особенное вниманіе на священниковъ тѣхъ приходоу, въ коихъ наиболѣе совращенныхъ отъ православія, имѣли, по пастырскому своему долгу, неослабное попеченіе, чтобы въ таковыхъ приходоу священники были жизни благочестивой и въ благоразуміи и кротости испытанные, и искусные въ обращеніи на стезю истинной вѣры прихожанъ, совратившихся по невѣжеству»²⁾. Такимъ образомъ явилась перемѣна отношеній къ раскольниковъ въ указанное время и со стороны духовнаго начальства.

Что перемѣны эти совершились при дѣятельномъ участіи митрополита Филарета, объ этомъ съ нѣкоторымъ правомъ можно заключать изъ очень близкаго сходства новаго направленія въ правительственныхъ отношеніяхъ къ расколу съ изложенными общими воззрѣніями его на мѣропріятія про-

тивъ раскола: точка зрѣнія на предметъ одна и та же здѣсь и тамъ. Но есть на то и положительныя данныя. Въ одномъ изъ писемъ къ архимандриту Антонію (отъ 9 декабря 1853 года) митр. Филаретъ сообщаетъ слѣдующее, въ высшей степени замѣчательное по своей новизнѣ, наивѣстіе относительно положенія раскола въ разсматриваемое время: «Нельзя сказать, — писалъ онъ, — что сложныя комитеты (по раскольническимъ дѣламъ) не нужны, когда дѣйствованію одного духовенства не было оказываемо довѣрія и у него связываемы были руки. Первый комитетъ еще при покойномъ императорѣ состоялъ изъ архіепископа Черниговскаго (впоследствии митрополита) Михаила, мена и князя А. Н. Голицына; и одинъ только директоръ его былъ и секретаремъ и писцомъ сего комитета, и никто не зналъ о его существованіи. По мнѣнію сего комитета покойный императоръ принялъ рѣшеніе, котораго безъ сего не принялъ бы. Послѣ сіе учрежденіе перешло въ приказную форму; подъ названіемъ секретнаго, сдѣлалось гласнымъ, наполнилось людьми какъ случится; но при всемъ томъ иногда было полезно»³⁾. Архіепископъ черниговскій Михаилъ сдѣлался митрополитомъ С.-Петербургскимъ въ маѣ 1818 года. Значитъ, учрежденіе комитета было ранѣе этого года, и противораскольническая дѣятельность митрополита Филарета началась еще въ бытность его ректоромъ С.-Петербургской Академіи, по всей вѣроятности со времени назначенія викаріемъ С.-Петербургской митрополіи⁴⁾, и началась именно въ духѣ его воззрѣній на расколъ, съ которыми, судя по нѣкоторымъ даннымъ, къ тому времени онъ успѣлъ уже ознакомиться⁵⁾. Онъ началъ дѣйствовать про-

¹⁾ Пск. м. Филарета къ Антонію 3 т., 242 стр.

²⁾ Что, какъ извѣстно, случилось 5 августа 1817 года.

³⁾ Имѣемъ въ виду слѣдующую просьбу митр. Филарета къ матери его Елдокии Никитичѣ отъ 18 дек. 1816 г., представляющую, — не лишне замѣтить, — самое первое по времени извѣстіе о его противораскольнической дѣятельности: «Вотъ пришла на мысль и еще просьба, которую при засидѣтельствovanіи моего почтенія прошу предложить къ душкѣ Никитѣ Аванасьевичу. У него есть много выписокъ изъ книгъ, полезныхъ для вразумленія раскольниковъ. Теперь есть обстоятельства

Дѣятельность м. Филарета въ борьбѣ съ расколомъ.

⁴⁾ Собр. постанов. по ч. раскола 1860 г. 153—156 стр. — пост. іюня 6 и июля 11 1821 г.

⁵⁾ Тамъ же, 168—170 стр. — постанов. мая 7 и іюня 9 1824 г.

тивъ раскола въ качествѣ одного изъ трехъ членовъ секретнаго комитета, учрежденнаго еще за много лѣтъ до «приказнаго» комитета 1826 года и, какъ видно, поставившаго своей главной задачей противодействие своеволю раскольниковъ и послабленіямъ имъ со стороны правительства. О такой собственности дѣли учрежденія комитета, кромѣ упоминаемаго въ письмѣ случаю, когда онъ оказалъ какое-то благопріятное для церкви дѣйствіе на императора Александра I-го, свидѣльствуетъ и то, что первыя распоряженія свой комитетъ открылъ, какъ сообщаетъ митр. Филаретъ въ другомъ мѣстѣ, «Высочайше утвержденнымъ опредѣленіемъ уничтожить крестъ и главу на одной раскольнической моленной въ Ярославской губерніи»¹⁾. Обращая затѣмъ вниманіе на личный составъ секретнаго комитета, можно съ увѣренностью сказать, что митр. Филаретъ имѣлъ въ немъ не послѣднее значеніе, хотя въ это время и занималъ еще не очень высокое іерархическое положеніе, такъ какъ трудно допустить, чтобы архіепископъ Михаилъ и самъ князь Голицынъ имѣли большую ревность дѣйствовать противъ раскола, и именно въ томъ духѣ, какъ началъ дѣйствовать комитетъ.

Итакъ, перемена правительственныхъ отношеній къ расколу съ 1817 года совершилась при несомнѣнномъ участіи митрополита Филарета, и это — первая и главная его заслуга, оказавшая интересамъ православной церкви и государства въ борьбѣ

въ которыхъ такіа выписки могли бы мною быть употреблены, если Богъ благоволитъ, къ пользѣ заблуждающей братіи. Не можно ли изъ оныхъ выписокъ сдѣлать немедленнаго списка, за который я охотился бы заплатить тому, кто будетъ на сіе употребленъ, сколько потребуетъ?» (Пис. къ роднымъ, 215 стр.). Нельзя съ достовѣрностью опредѣлить, какія «обстоятельства» и какую «пользу» имѣлъ въ виду митрополитъ Филаретъ. Какъ будто рѣчь идетъ о намѣреніи заняться составленіемъ какого-то противораскольническаго сочиненія; а можетъ быть уже имѣются въ виду и запитія по секретному комитету. Во всякомъ случаѣ приведенная просьба свидѣтельствуетъ, что въ это время митрополитъ Филаретъ уже занимался вопросомъ о расколѣ и во хрѣ возможности изучалъ его.

¹⁾ Собр. мѣст. 2 отд. 4 т., 270 стр.

съ расколомъ. Посмотримъ и на дальнѣйшія дѣйствія секретнаго комитета, съ которымъ была такъ тѣсно связана дѣятельность митрополита Филарета, насколько они извѣстны изъ его же отрывочныхъ указаній, такъ какъ другихъ не имѣется.

Со смертью митрополита Михаила (24 марта 1821 г.) секретный комитетъ не прекратилъ своего существованія: мѣсто Михаила занялъ новый митрополитъ Серафимъ. Были ли при этомъ еще какія перемены въ его составѣ, сказать не можемъ за недостаткомъ свѣдѣній. Филаретъ же по прежнему оставался его членомъ. Подъ его, конечно, вліяніемъ и характеръ дѣятельности комитета оставался прежній: охранительный по отношенію къ православной церкви и ограничительный по отношенію къ расколу. Этому противорѣчить, повидимому, изданіе извѣстныхъ секретныхъ правилъ 26 марта 1822 г. «объ оставленіи у раскольниковъ бѣглыхъ священниковъ, если они до побѣга своего не учинили уголовного преступленія»¹⁾, — правилъ, которыя по своему характеру представляютъ рѣзкій контрастъ не только съ направленіемъ комитета, но и съ новыми отношеніями къ расколу самого правительства, такъ какъ они были очень выгодны для раскольниковъ. Но въ изданіи ихъ едва ли участвовалъ митр. Филаретъ; притомъ и происхожденіе ихъ было случайное, не соответствовавшее первоначальнымъ намѣреніямъ комитета, какъ объясняетъ самъ же митр. Филаретъ. «Въ 1821 или 1822 году, — говоритъ онъ, — предложено было комитету сдѣлать опытъ послать къ раскольникамъ искусныхъ священниковъ, которые бы явились между ними не какъ посланные отъ церкви, но какъ бы пришедшіе къ нимъ по произволу и расположенію быть въ общеніи съ ними, и которые, войдя съ ними въ общеніе и свискавъ ихъ довѣріе, дѣлали бы имъ благопріятныя для православія внушенія. Благонамѣренность сего предложенія увлекла комитетъ, и онъ составилъ о семъ опредѣленіе, которое, между прочимъ, подписано было

¹⁾ Собр. постан. по ч. раскола 1828 г. 75—76 стр.

блаженныя памяти митрополитомъ Серафимомъ и удостоено Высочайшаго утвержденія... Но когда митрополиту предложено было привести сіе въ исполненіе, онъ увидѣлъ, что сего нельзя согласить съ церковными правилами и съ чистотою священнослужительской совѣсти; открылъ комитету свое затрудненіе, и Государь Императоръ соизволилъ, чтобы оставлено было безъ исполненія опредѣленіе, имъ утвержденное». «При сихъ то обстоятельствахъ, — продолжаетъ митрополитъ Филаретъ, — когда Высочайше утвержденное опредѣленіе оказалось неисполнимымъ и трудно было рѣшиться представлять о совершенномъ уничтоженіи оного, необходимымъ оказалось изыскать мѣру, которая представляла бы не совершенное уничтоженіе Высочайше утвержденного опредѣленія, а замѣненіе оного въ удобоисполнимый видъ. Итакъ положено было: не посылать къ раскольникамъ священниковъ отъ правительства, а находящихся у нихъ гражданскимъ начальствомъ бѣглыхъ священниковъ оставлять у нихъ, кромѣ того случая, когда сіи священники требуются въ епархію къ отвѣту во уголовному дѣлу. Вотъ происхожденіе и сущность секретныхъ правилъ 1822 года, вождедѣнныхъ для раскольниковъ и прославленныхъ между ними»¹⁾. Такимъ образомъ правила 1822 года не были противорѣчіемъ секретнаго комитета самому себѣ въ его ограничительной дѣятельности противъ раскольниковъ, какъ это представляется на первый взглядъ, а были только невольной и неудачной попыткой со стороны комитета замѣнить еще болѣе неудачный, хотя и благонамѣренный, правительственный проектъ для успешнаго обращенія раскольниковъ. Судя по восторженной рѣзкой и беспощадной критикѣ правилъ 1822 года со стороны митрополита Филарета, а также принимая во вниманіе то обстоятельство, что въ приведенномъ объясненіи онъ не упоминаетъ о своемъ участіи во всемъ этомъ, — и дѣйствительно въ 1822 году только въ началѣ августа прибылъ онъ въ Петербургъ, не бывъ здѣсь почти цѣлый годъ²⁾, — можно съ убѣ-

¹⁾ Собр. мѣст. и отъ. 3 т., 289 стр. и 4 т., 270—271 стр.

²⁾ Пис. м. Филарета къ роднымъ. 245—250 стр.

реинностью утверждать, что онъ дѣйствительно не принималъ участія въ изданіи правилъ 1822 года. Между тѣмъ и самъ комитетъ, очевидно, сознавалъ, что изданіемъ ихъ допускается большая ошибка, и старался по возможности исправить ее. Это замѣтно, во-первыхъ, изъ того, что правительство, очевидно, по предложенію комитета, издавалъ правила «касательно бѣглыхъ священниковъ, у раскольниковъ находящихся», тутъ же въ двухъ пунктахъ подтвердило свое прежнее распоряженіе «касательно церкви расколическихъ», а именно, чтобы о тѣхъ изъ нихъ, кои давно построены, не входить ни въ какое дальнѣйшее разсмотрѣніе и оставлять ихъ безъ розысканія, вновь же строить не дозволять ни по какому случаю; — во вторыхъ, изъ того, что правила эти оно разослало «циркулярно для руководства только начальникамъ губерній, и при томъ, по Высочайшему повелѣнію, весьма секретно, не въ печатныхъ, но въ рукописныхъ экземплярахъ». Этими секретомъ, очевидно, думали предотвратить ложные толки со стороны раскольниковъ о признаніи правительствомъ свободного существованія ихъ поповъ. Но, какъ извѣстно, предосторожность эта не привела ни къ чему. Съ неизмѣрною быстротой вѣсть о «вождедѣнныхъ» правилахъ пронеслась по всему расколическому міру до самыхъ отдаленныхъ его окраинъ, и не только вѣсть, но и содержаніе ихъ, такъ что, напр., въ началѣ ноября того же года ихъ читали въ точной копій екатеринбургскіе раскольники, — *ранѣе*, какъ оказалось, *Тобольскаго губернатора*. При этомъ появились и ложные преувеличенные толки о милостяхъ правительства къ раскольникамъ: большинство изъ нихъ рѣшило такъ, что изданными правилами правительство позволило «установить особые старобрядческіе приходы» съ правомъ свободного зачисленія себя въ нихъ всѣмъ желающимъ¹⁾. — Печальные результаты такого настроенія раскольниковъ не замедлили обнаружиться.

¹⁾ Старшины екатеринб. раск. общества. — Брат. Слово 1869 г. 2 т., 742—743 стр.; срви. Истор. очерки поповщины. — Русскій Вѣстникъ 51 т., 44—45 стр.

Сдѣлавшись болѣе требовательными и дерзкими въ отношеніяхъ къ церкви и правительству вслѣдствіе оказанной уступки, раскольники, — говоритъ митр. Филаретъ, — свободнѣе стали обращаться и къ православнымъ священникамъ и звать ихъ къ себѣ, прельщая выгодами и независимостью. Прельщенные и увлеченные ими, имѣли уже опыты выгоды и независимости, усиливали прельщеніе другихъ. Такимъ образомъ удачно сдѣланный изъ какой-либо епархіи побѣгъ священника влекъ за собою другіе, такъ что прельщены были нѣкоторые и безпорочные до того священники, какъ дознавша на бѣжавшемъ изъ Калужской епархіи на Рогожское Кладбище священникѣ Петрѣ Никифоровѣ, который, при честномъ и скромномъ поведеніи, пользовался уваженіемъ и выгодами отъ раскольниковъ, наконецъ угрызёнными совѣста за измѣну церкви приведенъ былъ къ Московскому епархіальному начальству для возвращенія къ оной. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ число бѣглыхъ священниковъ у раскольниковъ очень умножилось. Раскольническій прозелитизмъ усилился. Особенно тяжель былъ соблазнъ ненаказанности, когда бѣжавшій отъ епархіальнаго суда за неблагоповеденіе священникъ въ той же епархіи проживалъ у раскольниковъ, хотя въ скрытности, но не въ неизвѣстности¹⁾.

Таковы были горькіе плоды секретныхъ правилъ 1822 года, несмотря на предосторожности правительства и комитета. Для ослабленія ихъ дѣйствія необходимо было установленіе болѣе «строгаго и правильнаго» надзора за раскольниками, и въ особенности за противозаконной постройкой съ ихъ стороны церкви и часовень, которыя годъ отъ году замѣтно росли.

¹⁾ Собр. мѣст. и отв. 4 т., 271—272 стр. Что въ приведенныхъ жалобахъ свитателя Филарета, особенно на усиленіе раскольническаго прозелитизма, благодаря правиламъ 1822 г., не было и тѣмъ преувеличенія, можно видѣть изъ того, что, по извѣстію другаго достовернаго свидѣтеля дѣйствій этихъ правилъ, единоѣрческаго протоіерея Арсеньева, число прихожанъ на одномъ Рогожскомъ Кладбищѣ съ 1821 г. по 1825 г., т.-е. всего въ три года, съ 55,000 возросло до 68,000 (Русск. Вѣстникъ. 63 т. 6 стр.).

а съ ними увеличивалось и количество бѣглыхъ священниковъ. Этого рода «соображеніями о мѣрахъ со стороны правительства противъ раскольниковъ» секретный комитетъ и занялся въ своемъ засѣданіи 22 іюня 1823 года, которое, нужно думать, было послѣднимъ въ присутствіи митрополита Филарета, такъ какъ вскорѣ послѣ сего (въ началѣ іюля) онъ получилъ двухгодичный отпускъ въ свою епархію (Московскую)¹⁾, а можетъ быть послѣднимъ и самого комитета, такъ какъ спустя немного времени выбылъ изъ его состава и другой вліятельный членъ, князь Голицынъ, комитетъ же получилъ болѣе «приказный» характеръ съ новымъ составомъ лицъ²⁾. Изъ протокола означеннаго засѣданія³⁾ не трудно видѣть, что, принимая въ соображеніе многочисленныя жалобы на быстрое распространеніе раскола различными противозаконными способами — посредствомъ денегъ, насилія, соблазна своею болѣею свободою сравнительно съ православіемъ и т. п., и не менѣе многочисленныя заявленія «о необходимости поставленія этому предѣловъ», полученныя отъ такихъ компетентныхъ въ данномъ отношеніи лицъ, какъ строитель Высоковской Успенской пустыни іеромонахъ Герасимъ и іеродіаконъ Зосима, епископъ Перискій Іустинъ, архіепископъ Мѣнскій Анатолій, епископъ Калужскій Филаретъ, епископъ Волынской Стефанъ и др., комитетъ рѣшился дѣйствовать противъ своеволія раскольниковъ съ болѣею строгостью и послѣдовательностью, чѣмъ было до сихъ поръ, даже въ томъ духѣ и направленіи, которые со всею рѣшительностью приняты уже въ слѣдующее царствованіе, — именно комитетомъ были сдѣланы ограничительныя постановленія относительно раскольническихъ часовень и скитовъ, ихъ количества (пункты: 11, 12, 14 и 16), починокъ (13) и надлежащаго надзора за ними (5, 6, 7, 8, 9),

¹⁾ См. м. Филарета къ роднымъ. 256 стр.

²⁾ Собр. постан. по ч. раскола 1858 г. 89 стр.

³⁾ Онъ сохранился въ бумагахъ митр. Филарета, и это указываетъ на его присутствіе въ засѣданіи; а по стилю и изложенію протокола можно полагать, что м. Филарету принадлежало и составленіе его.

также относительно бѣглыхъ священниковъ (10) и общаго способа дѣйствованія противъ раскола со стороны гражданскаго и духовнаго начальствъ (1, 2, 3, 4, 20, 21, 23, 24, 25 и 26)¹⁾.

Такимъ образомъ, благодаря дѣятельности секретнаго комитета и особенно вліанію присутствовавшего въ немъ митрополита Филарета, не только совершился поворотъ въ отношеніяхъ къ расколу со стороны правительства Александра I-го, но и былъ намѣченъ дальнѣйшій планъ дѣйствій противъ раскола, основанный не на отвлеченныхъ разсужденіяхъ, а на дѣйствительныхъ данныхъ опыта.

Дѣйствуя такимъ образомъ въ качествѣ члена секретнаго комитета, митр. Филаретъ съ не меньшей энергіею трудился въ разсматриваемое время на поприщѣ борьбы съ расколомъ и въ качествѣ епархіальнаго архіерея, будучи сначала архіепископомъ Тверскимъ (15 март. 1819 г. — 26 сент. 1820 г.), затѣмъ Ярославскимъ (26 сент. 1820 г. — 3 іюля 1821 г.), и наконецъ Московскимъ (3 іюля 1821 г. — 1825 г.). Всѣ эти епархіи, значительно зараженные расколомъ, очень нуждались въ дѣятельности такого рода со стороны духовенства. Удовлетворяя этой потребности, митр. Филаретъ не только самъ зорко слѣдилъ за состояніемъ раскола въ своихъ епархіяхъ, какъ о томъ свидѣлствуютъ немалочисленныя, судя по краткости времени, резолюціи и заявленія его по поводу различныхъ противозаконныхъ дѣйствій раскольниковъ²⁾, но

¹⁾ См. Дум. Чт. 1883 г. 2 т., 354—365 стран. Не имѣемъ подробно содержаніе протокола, несмотря на всю его историческую цѣнность, отчасти влѣдетне его весьма значительнаго объема, а главнымъ образомъ именно въ виду того, что установленный имъ характеръ отношеній къ расколу былъ осуществляемъ лишь въ слѣдующее царствованіе, о которомъ рѣчь ниже.

²⁾ Имѣемъ въ виду два отношенія митрополита Филарета къ Московскому оберъ-полицеймейстеру Шульгану и кн. А. Н. Голицыну о конфискаціи и уничтоженія старопечатныхъ книгъ не изъ единовѣрческой типографіи (25 марта 1822 г.; — Дум. Чт. 1890 г. 1 т. 120—121 стр.), донесеніе въ Св. Синодъ о незаконномъ бракѣ купца-раскольника Буздогова со вдовой православнаго исповѣданія Лабуты

при всякомъ удобномъ случаѣ наставлялъ, вразумлялъ, умолялъ и подбѣждаемое ему духовенство по мѣрѣ силъ заботиться о обращеніи заблудшихъ, что видно изъ обширной резолюціи, или, лучше сказать, изъ его посланія къ Тверской паствѣ по дѣлу о бѣгломъ священникѣ Зубцовскаго уѣзда села Сергина Василіѣ Кирилловѣ, проживавшемъ въ раскольниковской Ржевской часовнѣ, и священникѣ Христорожественской Ржевской церкви Савѣѣ, предупредившемъ раскольниковъ о вѣдѣшемъ быть обыскѣ означенной часовни.

Остановимъ вниманіе на этой, въ высшей степени замѣчательной, резолюціи. Ея отечески-скорбный и любовно-пастырскій духъ представляетъ лучшее доказательство того, какъ митрополитъ Филаретъ чуждъ былъ сухаго безсердечнаго формализма въ своихъ отношеніяхъ къ вѣдѣмому, хотя бы и провинившемуся, духовенству и къ раскольникамъ, и какъ онъ далекъ былъ отъ мысли обращать старообряд-

ной (28 ноября 1824 г. — Юбил. сборн. 1 т. 156—158 стр.), два отношенія къ Московскому генералъ-губернатору кн. Дм. Вл. Голицыну о незаконномъ присвоеніи раскольниками села Михайловской слободы не принадлежавшей имъ часовни и объ оказаніи раскола въ деревнѣ Чудково (13 дек. 1821 г.; 27 іюн. 1825 г. — Юбил. сб. 257—259 стр.), наконецъ дѣло о захваченной раскольниками Рогожскаго Владимира волковой походной церкви (1823 г. Собр. мѣст. и отъ. 4 т. 278 стр. и Варакиновъ 105 стр.). Правда, о противораскольнической дѣятельности митрополита Филарета въ Ярославской епархіи не имѣется свидѣній, подобнаго только что приведеннымъ, и, повидному, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ Ярославлѣ онъ совсѣмъ не былъ; но и не былъ здѣсь, онъ внимательно вникалъ во всѣ нужды епархіи по донесеніямъ духовенства, какъ это доказываетъ довольно объемистый сборникъ его резолюцій за время Ярославскаго архіепископства („Памяти высокопреосвящ. Филарета, бывшаго архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго“. Ярославль. 1883 г.), въ числѣ которыхъ есть одна и относительно раскола — о необходимости обращенія въ православіе хотя бы одного изъ супруговъ, какъ крайнемъ условіи вѣнчанія раскольниковъ въ православной церкви (тамъ же 84—88 стр.). Кроме того за расколомъ въ Ярославской епархіи митрополитъ Филаретъ могъ наблюдать въ качествѣ члена секретнаго комитета, что, какъ мы видѣли, дѣйствительно и было.

цевъ въ лоно православной церкви одними высшими административными средствами.

Вина священника Василия Кириллова, взятаго отъ раскольниковъ, была велика; но вотъ какія сердечно-теплыя наставленія относительно обращенія съ нимъ даетъ митрополитъ Филаретъ: «Консисторіи по мѣрѣ своему (о посылкѣ его въ Калазисскій монастырь) исполнить; и притомъ *первое*, распорядиться, чтобы отысканный изъ побѣга священникъ препровожденъ былъ въ назначенное мѣсто вѣрно; *второе*, чтобы ему въ монастырѣ, какъ престарѣлому и слѣпому, хотя и виновному, оказываемо было всякое человѣколюбивое вспоможеніе, въ чемъ и надѣемся мы на правила и чувствованія о. архимандрита настоятеля; *третье*, съ кротостью и любовью внушить заблудшему брату вашему, и въ монастырѣ, чрезъ отца его духовнаго, напоминать, чтобы онъ размыслилъ о словахъ Спасителя нашего: *мне мѣсть со Мвомъ, не Мл естъ, то-есть, кто не со Христомъ и не съ Церковію, стадою Его, тотъ естъ врагъ Христовъ*; также: *аще церкви преслушаетъ, буди тебѣ якоже лычико и митарь*, и по сему непреложному суду слова Божія почувствовалъ бы, какой бѣдѣ подвергалъ онъ душу свою, оставивъ церковь и приобщаясь къ раскольниковъ. Вѣда отъ легкаго осужденія человѣческаго, подвигъ тяжелаго осужденія Божію. Ради временной выгоды столько возвѣрады о вѣчномъ своемъ спасеніи, что девять лѣтъ лицемерствовалъ и, бывъ служителемъ церкви, въ девять лѣтъ однажды только исповѣдывался и причастился, и то, видно, украдкою отъ раскольниковъ. Не подумалъ, бѣдный, что такое двоедушіе не можетъ быть угодно Богу. Милостивъ Господь, что не оставилъ его умереть въ семь закосибніа, но обуздаль его слѣвотою, и теперь даетъ ему время покаяться. Размысливъ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ, молился бы онъ прилежно милосердому Богу, чтобы и его грѣхи простилъ и обратилъ на путь покаянія и послушанія церкви тѣхъ, которыхъ онъ вримѣрохъ своимъ, болѣе или менѣе, поддѣлывалъ на пути заблужденія?»

Тѣмъ же духомъ истинно-христіанской кротости и сердечнаго соболѣзнованія о заблуждающихъ проникнуто и увѣщаніе митрополита Филарета ржевскому духовенству по поводу неблаговиднаго поступка священника Саввы. «Съ болѣзнію и тугою сердца, — писалъ онъ здѣсь, — усматриваемъ мы обнаружившееся особенно съ 1 марта сего состояніе православной церкви въ городѣ Ржевѣ; и примѣчая, сколь тяжкіе, по изреченію Ап. Павла, волки вошли въ нѣхъ, и какъ, повидимому, нѣль нмѣхъ самихъ возстали мужіе, глаголющии *развращенная*, мы побуждаемъ обязанностію служенія нашего сказать имъ то, что Ефесскимъ пресвитерамъ сказалъ тотъ же Апостоль: *внимайте убо себѣ и всему стаду*. Говоря сіе, не укоряемъ васъ невниманіемъ и небреженіемъ, но побуждаемъ усугубить вниманіе и ревность къ своему служенію. *Подобаетъ*, какъ опять сказалъ Апостоль, и *срешемъ съ вами быти*; однако онъ тогда же присовокувилъ утѣшеніе: *да искусни явлени бывають въ васъ*. Но у васъ заблужденія обнаруживаются; а изъ васъ еще не является искуснаго, который бы духовное искусство свое показалъ обращеніемъ хотя одного изъ многихъ заблуждающихъ. Внимайте убо себѣ, имѣете ли вы и стараетесь ли приобрѣтати, во-первыхъ, познанія потребныя для обращенія заблуждающихъ; далѣе — настояте ли вы въ ученіи, по завѣщанію Апостола, *благовременнѣ и безвременнѣ*, запрещаа и умоляа со всякимъ долготерпѣніемъ? употребляете ли, чего требуетъ справедливость, болѣе усилій къ защищенію и распространенію истины, нежели сколько употребляютъ противники для заблужденія? со всѣмъ ли усердіемъ призываете вседѣйствующую благодать Божію, да откриете заблуждающимъ Евангеліе правды, и соедините ихъ святѣй соборнѣй и апостольской церкви? не ослабляютъ ли иногда силы и не затмѣваютъ ли чистоты вашей ревности собственная корысть, или другая страсть, или слова и поступки въ обществѣ, противные назиданію? Внимайте и всему стаду, особенно тѣмъ, назидать оное слово и примѣромъ, предостерегалъ близкихъ къ соблазну заблужденія, подкрѣпляа слабыхъ и колеблющихся, а пре-

*) Въ 180-лѣтнюю юбилей Московскаго митр. Филарета. Кривичскій. Гдвр. 1884 г. 4—5 стр.

тивъ ожесточенныхъ употребляя оружіе молитвы и вѣры, которая поелику можетъ и горы преставляти, то конечно можетъ и каменные сердца умягчать. Господь да дастъ вамъ свѣтъ разумѣнія и огонь ревности чистый, сильный и святой!» Приглашая, затѣмъ, священнослужителей ржевскихъ входить съ нимъ въ личныя сношенія «по предметамъ, относящимся до состоянія церкви», и переходя къ раскольникамъ, митрополитъ Филаретъ замѣчаетъ: «Не бесполезно будетъ довести до свѣдѣнія уклоняющихся отъ церкви, какимъ людямъ, вмѣсто законныхъ пастырей, повѣряютъ они свою совѣсть и душу. Взятый у нихъ священникъ по справкѣ оказался наказаннымъ за битіе дьячка и запрещеннымъ въ священнослуженіи за пьянство и бѣжавшимъ отъ сего послѣдняго наказанія: какое же разрѣшеніе могъ онъ подавать другимъ, будучи подъ запрещеніемъ самъ за свой порокъ? Сіе можетъ разсудить всякій по простому здравому смыслу; строгость на сей случай правилъ церковныхъ, которыхъ не могутъ отрицать и старокнижники, также извѣстна. Горестно мыслить, что обманутые люди ищутъ благословленія у того, кто самъ подлежитъ проклятiю (Гангр. помѣст. соб. пр. 6); а по отвѣтiи такого, который, яко бѣжавшій наказанія, по всѣмъ законамъ долженъ быть возвращенъ къ наказанію въ свое мѣсто, вѣроятно у нихъ остаются и младенцы безъ крещенія, и умирающіе безъ напутствія. Господи! просвѣти ихъ и вразуми, и спаси, имже вѣси судьбами»¹⁾.

Легко представить, какое впечатлѣніе на Ржевское духовенство должно было произвести это неподражаемое по силѣ обличенія и виѣсть кротости назиданія, а также по своей блестящей съ виѣшней стороны формѣ изложенія посланіе уже и въ то время знаменитаго и почитаемаго архипастыря, прочитанное притомъ при многочисленномъ собраніи священнослужителей въ Успенскомъ Ржевскомъ соборѣ.

Точно такъ же не могли приведенныя воззрѣнія и отношенія

¹⁾ Крашчій, 7—9 стр. Здѣсь же см. (стр. 2—8; 9—10) подробное изложеніе дѣла о священникахъ Василіѣ Кирилловѣ и Саввѣ и дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ послѣднему митрополита Филарета.

митрополита Филарета остаться, и дѣйствительно не остались, безъ вліанія и на раскольниковъ, особенно послѣ сдѣланнаго имъ вскорѣ послѣ сего распоряженія, о которомъ позднѣе упоминаетъ самъ онъ²⁾. Распоряженіе это заслуживаетъ также полнаго вниманія, какъ новое доказательство его способности совмѣщать снисхожденіе съ благоразуміемъ, при отсутствіи всякаго формализма. «Удовлетвореніе необходимѣйшимъ духовнымъ нуждамъ не сущихъ во дворѣ церкви, — писалъ онъ, — было бы менѣе затруднительно на мѣстѣ, при ближайшемъ дознаніи обстоятельствъ, при меньшей формальности сношеній. Такъ мнѣ представляется по бывшему опыту въ 1820 году въ Ржевѣ. Вѣгле поны тамошнихъ раскольниковъ были задержаны полиціею и препровождены къ своимъ епархіальнымъ начальствамъ³⁾. Тѣ изъ раскольниковъ, въ которыхъ менѣе сильны были предубѣжденія противъ церкви и которые держались раскола болѣе по привычкѣ и связямъ, не медля долго, обратились съ требамъ къ православнымъ священникамъ; сіи, по данному наставленію, не останавливались совершать оныя безъ дальнихъ съ обѣихъ сторонъ условій. Дѣло дѣлалось безъ прошеній, отношеній и доношеній къ губернатору, къ архіерею, къ Святѣйшему Синоду. Если въ иномъ изъ такихъ случаевъ снисхожденіе и далеко простерто было, можно было уповать, что и судъ Божій покроетъ снисхожденіемъ доброе намѣреніе; а врагамъ церкви неудобно было изъ частныхъ поступковъ извлечь укорищу противъ нея, или основать на оныхъ свое право. Къ сожалѣнію, успѣхъ сего дѣла остановленъ былъ тѣмъ, что бѣглецъ, пойманный и отосланный, поизъ бѣжалъ вскорѣ вновь.

²⁾ Митрополитъ Филаретъ упоминалъ о немъ по поводу представленнаго ему въ 1840 г. на разсмотрѣніе прошенія старообрядцевъ г. Спасска о дозволеніи одному изъ приходскихъ священниковъ исправлять для нихъ требы въ старообрядческой часовѣ безъ присоединенія ихъ къ православію.

³⁾ Кромѣ вышеупомянутаго Василія Кириллова при полицейскомъ обыскѣ были взяты и отправлены въ свои епархіи — священникъ Московской епархіи, села Воскресенскаго — Лука и священникъ Калужской епархіи, села Горохова — Иванъ.

и возвратясь въ Ржевъ, поддержать заколебавшимися и богатыми изъ раскольниковъ»¹⁾.

Такъ благоразумно-ревностно трудился митрополитъ Филаретъ на противораскольническомъ поприщѣ и въ качествѣ епархіальнаго архіерея, не смотря на краткій срокъ своего пребыванія въ епархіяхъ (разумѣемъ Тверскую и Ярославскую) и множество занятій по другимъ званіямъ и отраслямъ управленія.

Въ заключеніе очерка противораскольнической дѣятельности великаго митрополита въ царствованіе Александра I-го нельзя не упомянуть о таковой его дѣятельности въ качествѣ члена Комиссіи духовныхъ училищъ. Въ 1818 году, 23 іюня, въ своемъ донесеніи этой Комиссіи о ревизіи Московской Духовной Академіи, коснувшись «полемиической богословіи», онъ писалъ: «обличеніе расколовъ нашей церкви еще не обработано»²⁾. То же повторилъ онъ и въ другомъ своемъ донесеніи отъ 5 іюля 1820 года, присовокупивъ, что «систему полемиической богословіи полезно пополнить статью о расколахъ, возникшихъ и продолжающихся въ церкви Россійской и о способѣ обличать оные»³⁾. Эти заявленія не остались безъ послѣдствій: въ Московской Академіи, дѣйствительно, «начались» бізю «уроки о расколахъ, возникшихъ въ Россійской церкви, и средствахъ къ вразумленію владающихъ въ оныхъ, хотя, къ сожалѣнію, вскорѣ же и прекратились, вслѣдствіи предписанія Комиссіи (отъ 1825 г.), чтобы «никто собственныхъ уроковъ не преподавалъ» и «чтобы богословіи была преподавана исключительно на латинскомъ языкѣ»⁴⁾. Много разъ и горячо ратовалъ противъ такого распоряженія митрополитъ Филаретъ, убѣдительно доказывая весь вредъ возвращенія къ преподаванію въ «сухому латинскому схоластицизму», во все не необходимому для интересовъ православія, и прями⁵⁾

¹⁾ Собр. мѣт. в отъ. 3 т., 21—22 стр.

²⁾ Собр. мѣт. в отъ. 1 т., 401 стр.

³⁾ Тамъ же, 2 т., 49—50 стр.; см. также приб. къ Тв. Св. Отъ. 31 т., 284 стр.

⁴⁾ Собр. мѣт. в отъ. 2 т., 159—160 стр.

необходимость преподаванія богословія на русскомъ языкѣ «въ истинномъ духѣ слова Божія и писаній святыхъ отецъ, съ изложеніемъ истинъ языкомъ точнымъ, учебнымъ, но притомъ, сколько можно, общепонятнымъ, съ тщательнымъ приложеніемъ ученія къ состоянію Восточной и въ особенности Россійской церкви, то-есть, съ представленіемъ истинныхъ причинъ, по которымъ она что пріемлетъ, или отвергаетъ, и съ обличеніемъ и основательнымъ опроверженіемъ тѣхъ лжеученій, которыя, по настоящему времени, саліщенники естрипниши могутъ на поприщѣ своего служенія»¹⁾. Но всѣ его доводы ударили, по его собственному выраженію, «какъ горохъ въ стѣну»; и только уже въ срединѣ пятидесятихъ годовъ осуществились желанія Московскаго архіепископа относительно преподаванія раскола, при содѣйствіи другого просвѣщеннаго ревнителя православія въ борьбѣ съ расколомъ, ученика его — Григорія, архіепископа Казанскаго, послѣ митрополита С.-Петербургскаго. Такимъ образомъ митрополитъ Филаретъ безспорно былъ первымъ глашатаемъ необходимости научнаго изученія раскола въ духовныхъ школахъ для усѣбной борьбы съ нимъ чрезъ посредство получившихъ къ тому серьезную научную подготовку пастырей церкви.

2. Въ царствованіе императора Николая (1825—1855).

Велики и плодотворны были противораскольническіе труды митрополита Филарета въ царствованіе Александра I-го; но еще съ большею ревностію и усердіемъ и съ болѣе благотворными послѣдствіями для интересовъ православной церкви водвизался онъ на этомъ поприщѣ въ царствованіе императора Николая. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ это время и въ этомъ отношеніи величавая личность митрополита Филарета, благодаря ранѣе приобретенному и теперь съ каждымъ годомъ увеличивавшемуся авторитету, является первой по своему значенію послѣ великаго по уму и энергіи им-

¹⁾ Собр. мѣт. в отъ. 2 т., 159—160; 209—210 стр.

ператора Николая. Къ его голосу относительно раскола, слышанаго въ это время, главнымъ образомъ благодаря ему, предвѣтокъ усиленнаго вниманія и заботы со стороны правительства и держав, одинаково внимательно прислушались теперь какъ высшія гражданскія лица, съ самыми императоромъ во глазѣ, такъ и высшее духовенство, не исключая и членовъ Св. Синода.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая взгляды правительства на расколъ значительно измѣнились. Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ вышеуказанныхъ воззрѣній и дѣйствій секретнаго комитета, опредѣлившаго дѣйствительное положеніе дѣлъ относительно раскола, и благодаря личному характеру самого императора Николая, правительство начинаетъ теперь видѣть въ расколѣ не одинъ только элементъ противуположный, не однихъ „державныхъ мятежниковъ“, но и элементъ противогосударственный, противообщественный, „тайныхъ мятежниковъ вообще“. Сообразно съ такою переимѣною взглядовъ замѣтно происходитъ соответствующая переимѣна и въ отношеніяхъ правительства къ расколу. Ограничительныя противораскольническія постановленія правительства уже не имѣютъ теперь случайнаго, отрывочнаго характера, и представляютъ изъ себя стройную, урбидную, стойкую систему, конечной цѣлью которой ставится не простое прекращеніе полицейскими мѣрами только живущихъ противозаконныхъ съ полицейской же точки зрѣнія проявленій раскола, но полное постепенное ослабленіе его, какъ для церковнаго и государственнаго, чрезъ прекращеніе для раскольниковъ возможности замѣнять въ свои сѣти православныхъ. Въ этихъ видахъ настойчиво предпринимается постепенное уничтоженіе мѣстъ общественнаго раскольническаго богослуженія, такое же сокращеніе числа совершителей его, общій строгій надзоръ за всѣми проходами въ расколъ при посредствѣ дѣлѣ сѣти секретнаго комитета и ряда другихъ учрежденій, и тому подобна мѣропріятія. Во всемъ этомъ ни какихъ ближайшее и дѣятельное участіе митрополита Филарета. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сопоставить положенія

митрополитомъ Филаретомъ и въ нѣмъ относительно мѣропріятій противъ раскола и самия, издававшіяся тогда правительствомъ, мѣропріятія.

Такъ, прежде всего, высказанныя митрополитомъ Филаретомъ „мысли и предположенія о средствахъ къ уменьшенію расколовъ“ *) видимо были приняты правительствомъ за исходный пунктъ многихъ дѣйствій относительно раскольниковъ. Волиѣ согласившись съ его доводами что «грунтъ, на которомъ насаждаются, укрѣпляются и разрастаются раскольническія общественныя заведенія, служащія потому къ поддержанію и распространенію раскола въ частныхъ лицахъ, составляетъ общественная раскольническая собственность» и что такое явленіе, возникшее лишь «по незаконному поущенію подчиненныхъ присутственныхъ мѣстъ и начальствъ», совсѣмъ «не сообразно съ духомъ законовъ государственныхъ», такъ какъ и «первою господствующаго вѣроисповѣданія не иначе можетъ пріобрѣсти недвижимую собственность, какъ съ особаго, каждый разъ, Высочайшаго разрѣшенія», а тѣмъ болѣе раскольническое общество, «которое и само не признается закономъ», — правительство въ точности исполняетъ и выработанныя имъ по сему предмету правила: а) чтобы «заведенія, хотя извѣстныя въ качествѣ раскольническихъ, но Высочайше дозволенныя въ качествѣ благотворительныхъ заведеній, наиримѣръ, богадѣльни въ Москвѣ дома Роговскій и Преображенскій, оставить въ качествѣ общественныхъ благотворительныхъ заведеній въ собственности ихъ мѣстности»; б) по недвижимую собственность, которая окажется подъ названіемъ принадлежащей ихъ мѣстности, какъ пріобрѣтенную незаконно, закономъ не признавать, и потому продать оную въ приличныя сроки, а деньги предоставить въ пользу заведеній, подъ именемъ которыхъ оказалась незаконная собственность; в) чтобы молитвенныя дома, существовавшіе до 1826 года и Высочайшими повелѣніемъ сего года оставленные терскими, оставить на прежнемъ положеніи; г) по жилища

*) Собр. мѣст. и отв., 3 т., 264—269 стр.
Дѣятельность м. Филарета въ борьбѣ съ расколомъ.

дома, присланные къ раскольническимъ молельнямъ, обратить въ частную собственность, или посредствомъ возвращенія тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ они поступили къ раскольническому обществу, или посредствомъ продажи въ пользу какой-либо общедѣльной раскольнической того же общества, буде есть таковая, утвержденная правительствомъ, а иначе — въ пользу приказа общественныхъ призрѣній ¹⁾.

Съ одинаковымъ вниманіемъ была принята правительствомъ императора Николая и та весьма немаловажная въ дѣлѣ ослабленія раскола мысль митрополита Филарета, что «къ числу общихъ мѣръ не усиленного, но предусмотрительнаго противо-дѣйствія расколамъ отнести можно правило, чтобы сильныхъ между раскольниками людей не усиливать болѣе удовлетвореніемъ ихъ честолюбія». «Почетность и нѣкоторая власть богатыхъ и ловкихъ раскольниковъ въ ихъ обществѣ, — доказывалъ онъ, — есть преимущество, съ которымъ имъ очень жаль разстаться въ случаѣ присоединенія къ церкви. Преимущество сіе увеличивается, когда они достигаютъ гражданскихъ отличій. Черезъ сіе вдругъ вдвое удовлетворяется ихъ честолюбіе: и приобрѣтеніемъ значительности въ гражданскомъ кругѣ вообще, и въ то же время увеличеніемъ ихъ почетности въ особенномъ кругѣ секты. Снисходительное правительство, украшая раскольниковъ иногда болѣе по благоволенію, нежели по требованію заслугъ, непримѣтно ставитъ подпоры расколу. Посему нужно: а) чтобы члены сектъ болѣе вредныхъ совсѣмъ не имѣли права на общественныя отличія и б) чтобы члены сектъ менѣе вредныхъ не были украшаемы почетными званіями и отличіями въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ того не требуетъ точно превосходная заслуга, или общепользительный подвигъ» ²⁾.

Составленная затѣмъ митрополитомъ Филаретомъ класси-

¹⁾ Собр. мѣръ и отвѣт., 2 т., 366—367 стр. Собр. постанов. по ч. раскола 1858 г., 242—243 стр. — пост. отъ 13 февр. 1837 г., а также 297—299 стр. — пост. отъ 9 апр. 1838 г.

²⁾ Собр. мѣръ и отвѣт., 2 т., 367—368 стр. Собр. постанов. по ч. раскола 1858 г., 243—244 стр. — пост. отъ 13 февр. 1837 г.

фикаціи раскольническихъ сектъ по степени ихъ вреда на «вреднѣйшія» ¹⁾, «вредныя» ²⁾ и «менѣе вредныя» ³⁾ равнымъ образомъ имѣла весьма значительное и важное вліяніе на законодательныя и распорядительныя мѣропріятія правительства противъ раскола. А что теперь расколъ бѣлопоповщинскій, напр., уже не приравнивается вполнѣ къ безоповщинскимъ сектамъ, отвергающимъ бракъ и не молящимся за царя, а тѣмъ болѣе къ такимъ, какъ молокане, духоборцы и проч., которыя пользовались даже нѣкотораго рода покровительствомъ въ царствованіе Александра I-го ⁴⁾, въ этомъ случаѣ правительство очевидно слѣдовало совѣту того же митрополита Филарета, который писалъ: хотя «состояніе расколовъ въ настоящее время» и «требуетъ особеннаго вниманія правительства; но если бы сіе вниманіе одинаково сильно устроено было на всѣ виды расколовъ, съ изысканіемъ и употребленіемъ рѣшительныхъ укротительныхъ мѣръ, то могло бы открыться обременительное множество и разнообразіе дѣлъ и распоряженій, которымъ вниманіе могло быть развлечено, а отъ сего могло бы послѣдовать, что не всѣ предпринимательныя мѣры будутъ выдержаны. Но мѣры предпріятыя и не выдержанныя, нерѣдко, бывають вредныя, нежели когда бы оныхъ совсѣмъ не было предпріято. Посему вниманіе правительства, между разными родами расколовъ и сектъ нужно раздѣлить по настоящимъ обстоятельствамъ такъ: а) чтобы за расколами менѣе вредными продолжался быль бдительный надзоръ противъ ихъ усиленія, а къ ослабленію ихъ дѣйствовало бы съ неослабнымъ наблюденіемъ правилъ, донныя принятыя, б) но чтобы противъ сектъ, болѣе вредныхъ и опасныхъ для общественнаго блага и спокойствія,

¹⁾ Иудействующіе, молокане, духоборцы, хлыстовщина, скопцы и безоповщина, отвергающая бракъ и молитву за царя.

²⁾ Безоповщина, не отвергающая брака и молитвы за царя.

³⁾ Поповщина.

⁴⁾ Собр. мѣръ и отвѣт., 3 т., 91—92 стр. Собр. постанов. по ч. раскола 1858 г., 409—410 стр. — пост. отъ 9 дек. 1842 г.

дома, приписанные къ раскольническимъ моленнымъ, обратить въ частную собственность, или посредствомъ возвращенія тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ они поступили къ раскольническому обществу, или посредствомъ продажи въ пользу какой-либо богадѣльни раскольнической того же общества, буде есть таковая, утвержденная правительствомъ, а иначе — въ пользу приказа общественныхъ призрѣній¹⁾.

Съ одинаковымъ вниманіемъ была принята правительствомъ императора Николая и та весьма немаловажная въ дѣлѣ ослабленія раскола мысль митрополита Филарета, что «къ числу общихъ мѣръ не усиленного, но предусмотрительнаго противо-дѣйствія расколамъ отнести можно правило, чтобы сильныхъ между раскольниками людей не усиливать болѣе удовлетвореніемъ ихъ честолюбія». «Почетность и нѣкоторая власть богатыхъ и ловкихъ раскольниковъ въ ихъ обществѣ, — доказывалъ онъ, — есть преимущество, съ которымъ имъ очень жаль разстаться въ случаѣ присоединенія къ церкви. Преимущество сіе увеличивается, когда они достигаютъ гражданскихъ отличій. Черезъ сіе вдругъ вдвое удовлетворяется ихъ честолюбіе: и пріобрѣтеніемъ значительности въ гражданскомъ кругѣ вообще, и въ то же время увеличеніемъ ихъ почетности въ особенномъ кругѣ секты. Снисходительное правительствомъ, украшая раскольниковъ иногда болѣе по благоволенію, нежели по требованію заслугъ, непримѣтно ставитъ подпоры расколу. Посему нужно: а) чтобы члены сектъ болѣе вредныхъ совсѣмъ не имѣли права на общественныя отличія и б) чтобы члены сектъ менѣе вредныхъ не были украшаемы почетными званіями и отличіями въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ того не требуетъ точно превосходная заслуга, или общепользительный подвигъ»²⁾.

Составленная затѣмъ митрополитомъ Филаретомъ класси-

¹⁾ Собр. мѣн. и отв., 2 т., 366—367 стр. Собр. постан. по ч. раскола 1858 г., 242—243 стр. — пост. отъ 13 февр. 1837 г., а также 297—299 стр. — пост. отъ 9 апр. 1838 г.

²⁾ Собр. мѣн. и отв., 2 т., 367—368 стр. Собр. постан. по ч. раскола 1858 г., 243—244 стр. — пост. отъ 13 февр. 1837 г.

фикація раскольническихъ сектъ по степени ихъ вреда на «вреднѣйшія»¹⁾, «вредныя»²⁾ и «менѣе вредныя»³⁾ равнымъ образомъ имѣла весьма значительное и важное вліяніе на законодательныя и распорядительныя мѣропріятія правительства противъ раскола. А что теперь расколъ бѣглоповщинскій, напр., уже не приравнивается вполне къ безпоповщинскимъ сектамъ, отвергающимъ бракъ и не молящимся за царя, а тѣмъ болѣе къ такимъ, какъ молокане, духоборцы и проч., которыя пользовались даже нѣкотораго рода покровительствомъ въ царствованіе Александра I-го⁴⁾, въ этомъ случаѣ правительство очевидно слѣдовало совѣту того же митрополита Филарета, который писалъ: хотя «состояніе расколовъ въ настоящее время» и «требуетъ особеннаго вниманія правительства; но если бы сіе вниманіе одинаково сильно устремлено было на всѣ виды расколовъ, съ изысканіемъ и употребленіемъ рѣшительныхъ укротительныхъ мѣръ, то могло бы открыться обременительное множество и разнообразіе дѣлъ и распоряженій, которымъ вниманіе могло быть развлечено, а отъ сего могло бы послѣдовать, что не всѣ предпринимаемыя мѣры будутъ выдержаны. Но мѣры предпринятныя и не выдержанныя, нерѣдко, бывають вреднѣе, нежели когда бы оныхъ совсѣмъ не было предпринято. Посему вниманіе правительства, между разными родами расколовъ и сектъ нужно раздѣлить по настоящимъ обстоятельствамъ такъ: а) чтобы за расколами менѣе вредными продолжалъ бытъ бдительный надзоръ противъ ихъ усиленія, а къ ослабленію ихъ дѣйствуемо было съ неослабнымъ наблюденіемъ правилъ, донинѣ принятыхъ, б) но чтобы противъ сектъ, болѣе вредныхъ и опасныхъ для общественнаго блага и спокойствія,

¹⁾ Иудействующіе, молоканы, духоборцы, хлыстовщина, скопцы и безпоповщина, отвергающая бракъ и молитву за царя.

²⁾ Безпоповщина, не отвергающая брака и молитвы за царя.

³⁾ Поповщина.

⁴⁾ Собр. мѣн. и отв., 3 т., 91—92 стр. Собр. постан. по ч. раскола 1858 г., 409—410 стр. — пост. отъ 9 дек. 1842 г.

приняты были болѣе прежнихъ дѣйствительныя мѣры, законодательныя и распорядительныя»¹⁾.

Далѣе митрополитомъ Филаретомъ даны были и Высочайше утверждены мнѣнія: о раскольническихъ училищахъ или, точнѣе, о ихъ крайнемъ вредѣ для православной церкви²⁾, о пользѣ приведенія раскольниковъ къ очистительной и должностной присягѣ въ православныхъ, или единовѣрческихъ церквахъ и о необходимости посылокъ ихъ въ монастыри подѣ епитимію по приговорамъ гражданскихъ судовъ для уравниенія правъ съ православными³⁾, о мѣрахъ сокращенія производства дѣлъ о раскольникахъ въ Тамбовской губерніи чрезъ выпущеніе дѣлъ менѣе важныхъ и болѣе давнихъ⁴⁾, о раскольническихъ «часовняхъ» и «молитвенныхъ домахъ», какъ наиболѣе приличныхъ официальныхъ названій зданій, въ которыхъ раскольники отправляютъ свое богослуженіе⁵⁾, о необходимости и правилахъ увѣщанія раскольниковъ въ Архангельской губерніи⁶⁾. Наконецъ мнѣнія митрополита Филарета о крайнемъ вредѣ учрежденія въ Москвѣ рядомъ съ единовѣрческой другой такой же типографіи подѣ наблюденіемъ рижскаго мѣщанина-раскольника Логгинова⁷⁾, о пользѣ приложенія законовъ о метрикахъ къ раскольникамъ, и въ частности къ раскольникамъ оренбургскаго казачьяго войска, наравнѣ съ православными, въ видахъ болѣе удобнаго ихъ

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв., 2 т., 368 стр. Собр. постанов. по ч. раскола 1858 г., 245 стр. — постанов. отъ 13 февр. 1837 г.

²⁾ Тамъ же, 2 т., 365 стр. Ibid. 1858 г., 349 стр. — постанов. отъ 28 ноября 1839 г.

³⁾ Собр. мнѣн. и отв., 2 т., 365 стр. Собр. постанов. по ч. раскола 1858 г., 248—249 стр. — постанов. отъ 13 февр. 1837 г.

⁴⁾ Тамъ же, 2 т., 409—410 стр. Ibid. 1858 г., 304—306 стр. — постанов. отъ 30 апр. 1838 г.

⁵⁾ Тамъ же, дополн. т., 98 стр. Ibid. 1858 г., 407—408 стр. — постанов. отъ 13 окт. 1842 г.

⁶⁾ Тамъ же, 269—271 стр. Собр. постанов. по ч. раскола 1858 года, 532—533 стр. — постанов. отъ 28 апр. 1850 г.

⁷⁾ Тамъ же, 16—20 стр. — мнѣн. янв. 1827 г.

обращенія¹⁾, о трудности, не особенной надобности и сомнительной пользѣ чрезмѣрно широкой затѣи министерства внутреннихъ дѣлъ относительно собранія подробныхъ свѣдѣній о раскольникахъ изъ всѣхъ архивовъ и чрезъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ²⁾, о безразличной съ православной точки зрѣнія формѣ крестовъ на церквахъ³⁾, о порядкѣ погребенія умершихъ раскольниковъ⁴⁾, о явной нецѣлесообразности проекта полоцкаго епископа Василя относительно учрежденія духовно-гражданскаго комитета для управленія раскольниками⁵⁾ и такой же несообразности другого проекта, предложеннаго чрезъ оберъ-прокурора графа Протасова, относительно успѣшнаго обращенія раскольниковъ посредствомъ нѣкоторыхъ уступокъ и послабленій имъ⁶⁾, — эти мнѣнія митрополита Филарета хотя и не получили общаго административнаго значенія, какъ вышеприведенныя, однако, несомнѣнно, имѣли извѣстное значеніе въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ и случаяхъ.

Такъ много вопросовъ, и вопросовъ немаловажныхъ, относительно раскола рѣшено было митрополитомъ Филаретомъ въ царствованіе императора Николая! Уже по одному количеству ихъ можно судить о степени его вліянія на общій характеръ отношеній правительства къ раскольникамъ за это время.

Болѣе рѣшающее значеніе имѣли мнѣнія митрополита Филарета въ отношеніяхъ правительства къ расколу поповщинскому. Четыре крупныхъ явленія въ раскольническомъ поповщинскомъ мірѣ слѣдуетъ отмѣтить въ періодъ царствованія императора Николая, съ которыми главнымъ образомъ правительству приходилось считаться: въ началѣ 1) сильное

¹⁾ Тамъ же, 2 т., 452—454 стр. — мнѣн. 19 янв. 1839 г. и 3 т., 215—218 стр. — мнѣн. 25 янв. 1847 г.

²⁾ Тамъ же, дополн. т., 188—192 стр. — мнѣн. 26 февр. 1847 г.

³⁾ Тамъ же, 287—288 стр. — мнѣн. 4 окт. 1849 г.

⁴⁾ Тамъ же, 366—369 стр. — мнѣн. 9 марта 1854 г.

⁵⁾ Собр. мн. и отв., доп. т., 176—183 стр. — мнѣн. 20 іюня 1846 г.

⁶⁾ Тамъ же, 405—410 стр. — мнѣн. 12 окт. 1851 г.

развитіе бѣглопоповства, благодаря правиламъ 1822 года, затѣмъ 2) послѣ значительнаго ослабленія этого зла, появленіе многочисленныхъ и настойчивыхъ домогательствъ со стороны раскольниковъ имѣть независимыхъ отъ церкви священниковъ и 3) появленіе австрійскаго священства. Само собой понятно, что всѣ эти явленія не проходили незамѣченными со стороны митрополита Филарета: горячая ревность къ православію и искренняя преданность интересамъ государства побуждали его и здѣсь, какъ вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, высказывать свое авторитетное мнѣніе.

1) Выше мы видѣли, въ какомъ выгодномъ положеніи оказался расколъ поповщинскій послѣ изданія правилъ 1822 года, какъ быстро распространился онъ, благодаря этимъ правиламъ, и какъ вскорѣ же само правительство въ лицѣ секретнаго комитета нево сознало необходимость ихъ ограниченія. Печальныя послѣдствія правилъ 1822 года продолжались и теперь. Какъ побѣги священниковъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и «раскольническій прозелитизмъ» годъ отъ году усиливались. Въ 1826 году на Рогожскомъ кладбищѣ, по словамъ митрополита Филарета, было 9 священниковъ и 2 діакона, извѣстныхъ начальству, «но, по всей вѣроятности, — говоритъ онъ, — были еще другіе, неизвѣстные начальству, потому что сюда приходили изъ другихъ мѣстъ раскольники покупать священниковъ»¹⁾. Не мало ихъ было, конечно, и въ прочихъ центрахъ поповщинскаго раскола, особенно на Пиргизѣ, судя по количеству производившихся въ это время дѣлъ о побѣгахъ²⁾. Что было главной причиной такого печальнаго явленія, можно заключать изъ заявленія преосвященнаго Калужскаго, который въ 1836 году представлялъ Св. Синоду, что въ его епархіи изъ 20 бѣжавшихъ за послѣднее десятилѣтіе въ раскольникамъ священниковъ 15 подлежали суду «за несообразные духовному сану поступки и приговорены къ достойному наказанію»³⁾. Такимъ образомъ безнаказанность

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв., 4 т., 272 стр.

²⁾ Варадиновъ, 300—301 стр.

³⁾ Собр. постанов. по ч. раскола 1860 г., 305 стр.

за совершенныя преступленія, при существованіи правилъ 1822 года, была главной причиной сильнаго развитія бѣглопоповства. Отсюда понятно, какое деморализующее вліяніе должно было производить и производило оно на все православное духовенство и какъ необходимо было строгое и точное разъясненіе страннаго недоумѣнія, порожденнаго правилами 1822 года. Эта задача и была исполнена митрополитомъ Филаретомъ.

Съ первыхъ же годовъ царствованія императора Николая, когда еще отношенія новаго правительства къ раскольникамъ не успѣли опредѣлиться, м. Филаретъ началъ горячо ратовать за необходимость ограниченія бѣглопоповства, яркими красками рисуя его вредъ для православной церкви. Такъ, когда въ концѣ 1826 года начались въ Св. Синодѣ, по Высочайшему повелѣнію, разсужденія «о средствахъ противъ недостатка въ достойныхъ священникахъ», въ обширномъ мнѣніи по этому вопросу онъ не преминулъ коснуться правилъ 1822 года, какъ одной изъ важныхъ причинъ замѣчаемаго недостатка. «Шестая причина, которая увеличиваетъ видъ недостатка въ достойныхъ священникахъ, — писалъ онъ, — есть медленность и слабость судебныхъ и исправительныхъ мѣръ для недостойныхъ... Недостойные священники имѣютъ вѣрное средство къ совершенной безнаказанности въ побѣгѣ къ раскольникамъ въ то самое время, когда епархіальное начальство хочетъ употребить надъ ними исправительныя мѣры. Напримѣръ, московской округи, села Владыкина священникъ Ѳеодоръ Борисовъ, изъ неученихъ, въ іюні 1825 года преданъ суду за пьянство; въ сентябрѣ того же года, потерявъ надежду прикрыть свою вину, бѣжалъ онъ въ Стародубъ, какъ извѣстно стало въ октябрѣ того же года изъ отношеній стародубскаго полицеймейстера; по требованію консисторіи, чтобы бѣглый священникъ присланъ былъ для окончанія надъ нимъ суда, остались тщетными. Такимъ образомъ недостойный священникъ, чрезъ побѣгъ къ раскольникамъ, приобрѣлъ и безнаказанность, и родъ независимости, и житейскія выгоды, безъ сомнѣнія, несравненно большія тѣхъ,

какими пользовался подъ вѣдомствомъ законнаго духовнаго начальства; и сіе начальство, усиливъ исправить недостойнаго, доставило только выгоду раскольникамъ». «Стоитъ труда помислить, — писалъ въ заключеніе митрополитъ Филаретъ, — о послѣдствіяхъ такого поущенія», — и съ своей стороны «въ отвращеніе» этой «соблазнительной ненаказанности» предлагалъ: «постановить, чтобы священникъ, во время производства надъ нимъ слѣдствія, или суда по какому бы то ни было дѣлу перебѣжавшій къ раскольникамъ, непремѣнно возвращаемъ былъ къ духовному начальству для окончанія суда и поступленія съ нимъ по законамъ»¹⁾. Авторитетный голосъ знаменитаго архиепископа Московскаго былъ услышанъ; его протестъ не остался безъ послѣдствій. Не далѣе, какъ въ слѣдующемъ же году управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ видахъ точнаго исполненія правилъ 1822 года, предлагалъ Св. Синоду разъяснить — «какія же именно преступленія въ отношеніи къ бѣглымъ священникамъ надлежитъ считать уголовными», чтобы сообразно съ симъ высылать ихъ къ суду по требованію епархіальнаго начальства²⁾. Это отношеніе министерства дало митрополиту Филарету новый поводъ еще обстоятельнѣе, и рѣшительнѣе высказаться, на основаніи «церковныхъ правилъ и государственныхъ узаконеній», свой взглядъ какъ на явныя вредъ правилъ 1822 года, такъ равно и на полную несообразность бѣглопопозвства вообще. Повторилъ и доказывалъ въ представленномъ мнѣніи пользу и справедливость своей рѣше предложенной мысли о необходимости возвращать всѣхъ бѣглыхъ священниковъ, если только предъ побѣгомъ они находились «подъ слѣдствіемъ, или судомъ, или епитиміею за какое бы то ни было преступленіе», не говоря уже о «тяжайшихъ государственныхъ и частныхъ преступленіяхъ», о церковномъ матажѣ, отступленіи въ расколъ, воровствѣ и растратѣ церковной собственности, — митрополитъ Филаретъ

¹⁾ Собр. мѣст. и отв. 2 т., 163—164 стр. — изд. 23 ноябр. 1826 г.

²⁾ Собр. догмат. во ч. раскола 1860 г. 199—200 стр.

настоятельно требовалъ теперь отъ имени Св. Синода, чтобы и самый фактъ побѣга, независимо отъ ранѣйшаго совершенія преступленій, не былъ допускаемъ правительствомъ, какъ не согласный съ церковными постановленіями и Духовнымъ Регламентомъ. «Святѣйшій Синодъ, — писалъ онъ, — какъ мѣсто, которому вѣрено охраненіе ненарушимости священныхъ правилъ и церковнаго благочинія, не можетъ не признать самаго побѣга священника отъ своего мѣста и должности къ раскольникамъ за преступленіе тяжкое, требующее неопустительнаго правосудія по слѣдующимъ уваженіямъ: а) 15-е правило святыхъ Апостолъ пресвитера, или діакона, или причетника, который своевольно оставилъ свое мѣсто, и по требованію епископа не возвращается, подвергается изверженію. То же самое подтверждаютъ: Антиохійскаго собора правило 3-е. Сардикійскаго — 20-е и седьмаго вселенскаго — 10-е. б) Поеліку, на основаніи Духовнаго Регламента (прибавл. пунктъ б), священникъ, въ произносимой предъ поставленіемъ въ сей санъ присягѣ, между прочимъ, обязуется раскольниковъ словомъ Божиимъ и святыхъ отецъ писаніи духомъ протости обличати и приводити ко обращенію и соединенію съ церковію, о неисправляющихся же и во упорствѣ своемъ пребывающихъ, паче же о развратникахъ и другихъ отъ соединенія церкви отвлекающихъ, куда надлежитъ, письменно и словесно, представлять: то священникъ, перебѣгающій самъ отъ церкви къ раскольникамъ, есть явный нарушитель той же самой присяги, въ которой онъ и его Императорскому Величеству вѣрностію обязанъ; и потому сколько нужно сохранять святость церковной и государственной присяги, какъ ради высочайшей святости имени Бога, которымъ клятнулся, такъ ради безопасности всѣхъ связей общественныхъ, столько же необходимо наблюдать, чтобы таковой клятвопреступникъ никакимъ послабленіемъ не былъ укрываемъ отъ правосудія. Сіе клятвопреступленіе бѣглыхъ священниковъ увеличивается еще тѣмъ, что, присоединяясь къ раскольникамъ, они даютъ имъ противоположную присягу, въ которой ученіе и обряды православнаго церкви называютъ

еретическимъ злочестіямъ, и даже нѣкоторые гражданскіе обычаи, принятыя правительствомъ, проклинали»¹⁾. Мѣръ митрополита Филарета было утверждено Св. Синодомъ, и такимъ образомъ получило значеніе голоса всей Русской церкви, — его устами Русская церковь въ 1827 году рѣшительно и формально осудила не только въ высшей степени неудачныя, хотя на первый взглядъ и неминимо-благондѣльныя, правила 1822 года, въ незначительное время успѣвшія принести православной церкви трудно поправимый вредъ, но и странное, полуправдливое недоумѣніе въ формѣ бѣглопопоства, почему-то ранѣе терпѣвшагося церковію и правительствомъ, дакъ какое-то необходимое зло, во время дѣланныхъ постановленій и уставовъ церковныхъ и гражданскихъ.

Въ виду установленныхъ митрополитомъ Филаретомъ отношеній церковной власти къ правиламъ 1822 года и бѣглопопоству вообще, и гражданское правительство должно было измѣнить къ нимъ свои отношенія. Это и было сдѣлано изданіемъ въ новомъ направленіи цѣлаго ряда ограничительныхъ мѣропріятій, которыя въ концѣ концовъ должны были вести къ полному презращенію и дѣйствию правилъ 1822 г. и бѣглопопоства. Такъ постановлено было: переѣзды раскольническихъ священниковъ изъ одного уѣзда къ другому не дозволять²⁾; разнымъ образомъ «отнюдь не дозволять раскольникамъ принимать къ себѣ новыхъ бѣглыхъ священниковъ³⁾, когда же до свѣдѣній правительства дойдеть извѣстіе о зломъ бѣгавшихъ, то возвращать ихъ въ спарты, въ распоряженіе епарціальнымъ архіереямъ⁴⁾; не дозволять ни по какому случаю останавливаться въ Москвѣ раскольническимъ священникамъ, прибывающимъ изъ другихъ мѣстъ, и

¹⁾ Ср. Собр. жит. и ст. 2 т., 460—462 стр. и Собр. постанов. ч. расколъ 1860 г. 201—203 стр. ^{29 окт.} 1827 г.

²⁾ Собр. постанов. ч. расколъ 1860 г. 106 стр. — пост. отъ 24 мая 1827 г. — 170—171 стр. — пост. отъ 24 дек. 1834 г.

³⁾ Такъ же III стр. — пост. отъ 8 ноября 1827 г.

⁴⁾ Такъ же, 131—132 стр. — пост. 31 мая. 1832 г.; 133—134 стр. — пост. 23 апр. 1834 г.

еще менѣе допускать исправленіе ими гробъ, и временное пребываніе на Рогожскомъ Кладбищѣ⁵⁾; возложить на начальниковъ губерній, чтобы они, получивъ свѣдѣніе о новомъ бѣгавшемъ къ раскольникамъ пошѣ, отискивали его, учреждали надъ нимъ полицейскій надзоръ, доносили министерству внутреннихъ дѣлъ⁶⁾, если же такой пошѣ изъявить желаніе предстать къ своему начальству съ раскаяніемъ, оказывать всевозможное пособіе къ исполненію этого каѣтренія⁷⁾; воспретить раскольникамъ производить надъ поступающими къ нимъ бѣглыми священниками такъ называемую исправу⁸⁾; наконецъ, бѣглыхъ дѣяконовъ немедленно выславть за карауломъ къ ихъ архіереямъ для поступленія съ ними по законамъ⁹⁾.

Перечисленные мѣры, въ ихъ совокупности, даже не при особенно строгомъ исполненіи со стороны подлежащихъ властей, возымѣли свое дѣйствіе и произвели такъ называемое «оскудѣніе бѣгствующаго священства» во всемъ бѣглопопоствическомъ расколѣ, не исключая даже и его митрополій — Иркутскій и Рогожскаго Кладбища. Послѣ расворженія и несовершенія исправи надъ бѣглыми воинами иркутскіе монастыри, въ которыхъ производилась эта исправка и которые исправленныя поновъ разсылали почти по всей Россіи¹⁰⁾, потеряли свое центральное значеніе для раскольниковъ, а вскорѣ и совсѣмъ были закрыты и обращены въ единобѣрческіе. На Рогожскомъ же Кладбищѣ къ концу царствованія Императора Николая оставалось изъ дозволенныхъ всего два бѣглыхъ пошъ — Иванъ Матѣевъ Истробовъ и Петръ Ермиловъ Русановъ¹¹⁾, и съ ноября (21-го) 1854 года, за присо-

⁵⁾ Такъ же 149—150 стр. — пост. 4 авг. 1834 г.

⁶⁾ Такъ же 170—171 стр. — пост. 24 дек. 1834 г.

⁷⁾ Такъ же, 175—176 стр. — пост. 14 марта 1835 г.

⁸⁾ Собр. постанов. ч. расколъ. 1858 г. 199—200 стр. — пост. 17 янв. 1836 г. — О формѣ же и способѣ совершенія самой исправи см. Иркутскіе раскольническіе монастыри. Дубавинъ. Самара 1892 г. — прилжкѣ. 60—61 стр.

⁹⁾ Такъ же, 210 стр. — пост. 11 март. 1836 г.

¹⁰⁾ Иркутскіе раскольническіе монастыри. Дубавинъ. 50—51 стр.

¹¹⁾ Подробнѣе и далеко не безинтересныя свѣдѣнія объ этихъ двухъ

единеніем послѣдняго къ единовѣрію¹⁾, бѣглопоповство и здѣсь исчезло окончательно, такъ что прекратилось и самое богослуженіе²⁾.

2) Не могли раскольники забыть о своемъ золотомъ вѣѣ, когда творили, что хотѣли, и имѣли поповъ столько, что могли даже дѣлать выборъ изъ нихъ. Не безъ противодействія встрѣчали они новые строгіе порядки, благодаря которымъ возникъ для нихъ цѣлый рядъ не легко преодолимыхъ затрудненій въ удовлетвореніи своимъ религіознымъ потребностямъ³⁾. Усиленно и настойчиво стали они хлопотать о возстановленіи правилъ 1822 года о дозволеніи имѣть независимыхъ отъ православной церкви священниковъ.

Особенною настойчивостью въ такихъ домогательствахъ отличались екатеринбургскіе и рогожскіе раскольники, подававшіе правительству просьбу за просьбой съ разными видоизмѣненіями условій, на которыхъ просили дозволенія принимать отъ Великороссійской церкви священниковъ: просьбы оставляемы были безъ вниманія. Иногда, впрочемъ, домогательства ихъ были такъ тонко прикрыты благовидной личиной и при этомъ они имѣли за себя настолько сильныхъ ходатаевъ изъ среды гражданскихъ высокопоставленныхъ лицъ, что правительство замѣтно колебалось въ предпринятомъ намѣреніи точнаго исполненія всѣхъ вышеприведенныхъ мѣропріятій, и только опять авторитетный голосъ митрополита Филарета способствовалъ рѣшенію дѣла не въ интересахъ раскольниковъ, а въ интересахъ православной церкви.

Первое ходатайство со стороны екатеринбургскихъ раскольниковъ о дозволеніи принимать къ себѣ священниковъ отъ Великороссійской церкви было подано ихъ знаменитымъ

попахъ см. въ „Разказахъ и запискахъ Сапѣлкина“, Русск. Вѣст. 54 т. 198—217 стр.; а также въ Историческихъ очеркахъ поповщины“ Мельникова, томъ же, 63 т., 49—54; 55—57 стр.

¹⁾ Собр. мѣн. и отз. дополн. т. 406—407 стр.

²⁾ Брат. Слово 1891 г. т. 2, 454—455 стр.; Собр. мн. и отз. 4 т., 80 стр.

³⁾ Очерки поповщины. Русскій Вѣст. 51 т., 43—78 стр.

въ свое время старшиной Якимомъ Меркурьевичемъ Рязановымъ¹⁾ отъ имени 81,000 душъ въ концѣ ноября 1828 г., когда уже, благодаря вызову епархіальнымъ начальствомъ трехъ находившихся у нихъ, въ Екатеринбургѣ, бѣглыхъ поповъ, они стали сильно нуждаться въ духовенствѣ и когда такой же недостатокъ началъ сильно ощущаться «въ Петербургѣ, въ Казани, въ Иргинскомъ и Юговскомъ заводахъ, и даже по многимъ прочимъ мѣстамъ»²⁾, отчего добыть бѣглыхъ священниковъ со стороны тоже было не легко³⁾. По характеру и содержанию своему рассматриваемая просьба екатеринбургскихъ раскольниковъ была повтореніемъ тѣхъ просьбъ, какія отъ имени всего общества тотъ же Рязановъ подавалъ въ царствованіе Александра I-го А. Н. Голицыну (31 янв. 1818 г.), управлявшему министерствомъ полиціи графу Вязмитинову (31 янв. и 16 мая 1819 г.) и управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею (30 сент. 1821 г.), и сущность которыхъ наиболѣе ясно была изложена раскольниками на «общемъ совѣтѣ» въ такъ называемыхъ дополнительныхъ правилахъ отъ 30 апрѣля

¹⁾ Свѣдѣнія о немъ см. въ „Истор. очеркахъ поповщины“. Русскій Вѣст., 51 т., 24—43 стр.; а также въ ст. Н. И. Надежина „Старшины екатеринб. раскольн. общества“. Бр. Слово, 1889 г., 1 т., 675—689; 742—766 стр.

²⁾ Собр. мѣн. и отз., 2 т., 464 стр.

³⁾ Правда, изъ трехъ вытребованныхъ у екатеринбургскихъ раскольниковъ епархіальными начальствами поповъ — двое (Максимовъ и Алексѣевъ), при ихъ (раскольниковъ) посредствѣ, нашли возможность скрыться и послѣ нигдѣ уже не были отысканы (Бр. Слово, 1889 г., 1 т., 748 стр.), да и вообще вплоть до 1845 года бѣглопоповство у пермскихъ раскольниковъ не переводилось, ибо „съ 1828 г. по 1845 г. миссія видѣла до восьми бѣглыхъ поповъ“ (при чемъ, безъ сомнѣнія, были и другіе, неизвѣстные миссіонерамъ) (см. Обзорніе пермскаго раскола, А. П., 60 стр.); но, слѣдуетъ думать, что ихъ было все-таки весьма ограниченное и совершенно недостаточное для массы раскольниковъ количество, особенно въ виду вскорѣ послѣдовавшаго закрытія иргизскихъ монастырей; въ высшей же степени стѣсненное положеніе бѣглыхъ поповъ ограничивало и самый кругъ ихъ дѣятельности.

1818 года ¹⁾. Они именно ходатайствовали предъ правительствомъ: о дозволеніи старообрядческимъ священникамъ проводить старообрядцевъ къ присягѣ, о разрѣшеніи поправлять ветхія и строить новыя церкви и часовни, объ учрежденіи старообрядческой конторы (или духовнаго правленія) въ Екатеринбургѣ изъ выборныхъ попечителей, которая бы, между прочимъ, давала письменныя свидѣніямъ для ихъ разрѣзковъ и т. д.; наконецъ о привлеченіи къ суду входящихъ у старообрядцевъ священниковъ. Отвѣтъ на это ходатайство былъ данъ митрополитомъ Филаретомъ совѣстно съ митрополитомъ С.-Петербургскимъ Серафимомъ и Филаретомъ, архіепископомъ Рязанскимъ, которые, безъ сомнѣнія, только вполне одобрили и подписали изложенное Московскимъ архіепископомъ ²⁾.

Обративъ прежде всего вниманіе на громадное количество раскольниковъ, разбланныхъ притокомъ въ три губерніи (Пермской, Тобольской, Оренбургской), за представителя которыхъ выдавалъ себя Илья Рязановъ, митрополитъ Филаретъ, рядомъ соображеній и путемъ сличенія показаній самого Рязанова, доказалъ, что такое количество совершенно фактивно, что Рязановъ «наугадъ» выставлялъ «большія» числа народа, чтобы мнѣе посылство свое представить болѣе важнымъ. «Если взять въ разсужденіе пространство мѣстъ и образованіе народа, — писалъ онъ между прочимъ, — то представляется невозможнымъ, чтобы 81,000 душъ въ трехъ губерніяхъ свободно и дѣйствительно вошли въ разсужденіе объ одномъ предметѣ и согласились въ одномъ мнѣніи. Гдѣ были собранія? Какъ собирались голоса? Когда и кѣмъ заключено рѣшительное положеніе? Если здѣсь что можно предположить за истинное, то развѣ переписку помогать начальникамъ раскола, которые свое мнѣніе приписали тысячамъ въ

рода» ³⁾. Затѣмъ, если бы выставленное Рязановымъ количество раскольниковъ было и дѣйствительно, и это, по мнѣнію митрополита Филарета, не должно смущать правительство въ предпринятыхъ имъ мѣрѣхъ точнаго исполненія своихъ постановленій, напротивъ, должно побудить его къ просвѣщенію злоупотребленія, ибо такого рода лженія, какъ «скопнище нѣсколькихъ десятковъ тысячъ челоѣкъ» изъ разныхъ губерній, несообразны съ законами государства Россійскаго и безъ употребленія мѣръ предосторожности не могутъ быть имъ допусканы. Равнымъ образомъ самое «требованіе Рязанова и его единомышленниковъ, подписавшихъ екатеринбургскій приговоръ, чтобы имъ официально даны были свидѣніи, независимыя отъ духовнаго начальства, сколько противно правиламъ церковнымъ, столько же и постановленіямъ государственнымъ: ибо, въ семъ случаѣ, священники и ихъ служба преданы бы въ подчиненіе самовольнымъ начальникамъ раскольниковъ» ⁴⁾. «По всѣмъ таковымъ соображеніямъ, писалъ въ заключеніе митр. Филаретъ, дабы поставить претраду незаконному и вредному для церкви и государства стремленію купца Рязанова и нѣкоторыхъ его единомышленниковъ къ распространенію своего вліянія на раскольниковъ разныхъ мѣстъ и къ образованію изъ нихъ общаго скопнища, и дабы освободить дѣйствія миссіонеровъ ⁵⁾ отъ препятствій, поставляемыхъ усиліями екатеринбургскихъ раскольниковъ, — нужными оказываются слѣдующія мѣры предосторожности: а) Рязанова за то, что повѣреннымъ общаго мнѣнія 81,000 душъ представляетъ себя несомнѣтельно и должно, повѣреннымъ раскольниковъ совсѣмъ не признавать и ни до какихъ сношеній въ семъ качествѣ съ начальниками не допускать, кроми одного только случая, если бы онъ рѣшился просить о присоединеніи къ церкви на правильныхъ евангельскихъ, или я безусловно; б) если бы и другой кто

¹⁾ Вост. Слово, 1880 г., 1 т., 875—882 стр.; Русскій Вѣстн., 51 т., 33—42 стр.

²⁾ Собр. мнѣн. и отв., 2 т., 200—208 стр. — мнѣн. отъ 18 февр. 1822 г.

³⁾ Тамъ же, 263 стр.

⁴⁾ Собр. мнѣн. и отв., 2 т., 263 стр.

⁵⁾ Именно миссія, учрежденной въ Пермской епархіи. Объ ней рѣчь будетъ ниже.

явился въ качествѣ общаго повѣреннаго отъ раскольниковъ разныхъ мѣстъ, а коими наче разныхъ губерній, такового въ семь характерѣ не признавать и въ сношенія съ ними не входить; в) секретно внушить екатеринбургскимъ раскольническимъ старшинамъ, чтобы они, пользуясь кроткою терпимостью, которую оказываетъ имъ правительство, отнюдь не усиливались распространять своего вліянія, порабощать себя мнѣнію простодушнаго народа и возставать противъ мѣръ правительства такимъ противодѣйствіемъ, каковое оказывается въ ихъ окружномъ письмѣ¹⁾; подъ опасеніемъ отѣтственности за возмущеніе общественнаго спокойствія; г) миссионерамъ секретно подавать мысль, чтобы они внушали раскольниковамъ разсуждать о вѣрѣ свободно и принимать познаваемую истину безъ опасенія со стороны екатеринбургскихъ расколическихъ начальниковъ, которыхъ незаконныя усилія не могутъ быть одобрены законною властію²⁾.

Въ силу этого мнѣнія, поданнаго тремя архимандритами, первая попытка екатеринбургскихъ раскольниковъ сохранить неврикосновенность ихъ бѣглыхъ поповъ потерѣла неудачу. Но неудача не удержала ихъ, особенно Рязанова, отъ дальнѣйшихъ домогательствъ въ томъ же родѣ. Возвратившись въ 1829 году изъ Петербурга и сложивъ съ себя, вслѣдствіе возникшихъ съ обществомъ разногласій, званіе старшины и повечителя³⁾, онъ и послѣ сего, въ продолженіе многихъ лѣтъ, оставался руководителемъ и ходатаемъ екатеринбургскихъ раскольниковъ въ дѣлѣ о бѣглыхъ повахъ. Такъ въ 1837 году, вмѣстѣ съ четырьмя другими богатыми стар-

¹⁾ Имѣется въ виду письмо „къ христіанамъ разныхъ волостей и селеній“, разосланное изъ Екатеринбурга въ ноябрѣ 1828 года, отъ кого, въ точности не извѣстно, но всей вѣроятности отъ имени старшины екатеринбургскаго старообрядческаго общества — Рязанова, Казанцева и др., и заключающее въ себѣ приговоръ о необходимости хлѣвотъ предъ правительствомъ о независимыхъ священникахъ. Копія съ этого письма имѣлась у митрополита Филарета, потому онъ и упоминаетъ о немъ.

²⁾ Собр. мнѣн. и отв., 2 т., 265—266 стр.

³⁾ Врат. Слово, 1889 г., 1 т., 750—751 стр.

обладцами, къ которымъ послѣ присоединились еще тринадцать человекъ, онъ подалъ главному начальнику горныхъ заводовъ, генералу Глинкѣ, прошеніе, въ которомъ предложилъ ему «новый способъ» полученія старообрядцами священниковъ, состоявшій въ слѣдующемъ: а) предоставить мѣстнымъ старообрядцамъ право выбирать священниковъ и дьяконовъ изъ всѣхъ епархій; б) о томъ, кого изберутъ, горному начальнику брать свѣдѣнія отъ епархіальныхъ архіереевъ и разрѣшать принатіе его; в) въ заведываніи горнаго же начальника и состоять избранными священникамъ и дьяконамъ; г) духовному начальству получать свѣдѣнія о метрикахъ старообрядческихъ священниковъ также отъ горнаго начальника; д) позволять раскольниковамъ отсылать отъ себя священниковъ и дьяконовъ, которые по своимъ поступкамъ окажутся имъ ненужными; наконецъ, е) состоять исключительно подъ покровительствомъ горнаго начальника по примѣру гражданскихъ губернаторовъ⁴⁾. Предложенный Рязановымъ проектъ генералъ-лейтенантъ Глинка не только принялъ благосклонно, но, представляя его правительству, присоединялъ и свое ходатайство, написанное въ сильныхъ и энергическихъ выраженіяхъ⁵⁾. Прося правительство удовлетворить раскольниковъ, онъ выставлялъ на видъ, что это въ ихъ прозрѣніи, несомнѣнно, будетъ имѣть лишь временное значеніе, и что мало-по-малу раскольники привыкнутъ къ главному (?) духовенству⁶⁾, что положеніе многочисленнаго народонаселенія, не имѣющаго духовенства для исправленія требъ, истинно бѣдственно, что, наконецъ, и самое управленіе заводами много терпитъ отъ разногласія, порождающаго взаимныя ссоры и тяжбы⁷⁾.

Новое домогательство Рязанова и представленіе генерала Глинки, поддержавшее его, подверглись также разсмотрѣнію митрополита Филарета. Въ своемъ мнѣніи, отъ 23 февраля

¹⁾ Волѣе подр. изложеніе приведенныхъ условій см. Врат. Слово, 1889 г., 1 т., 753—756 стр.

²⁾ Историч. очерки поповщины. Русскій Вѣсти, 51 т., 43 стр.

³⁾ Т. е. вѣроятно къ духовенству господствующей церкви.

⁴⁾ Врат. Слово, 1889 г., 1 т., 755—756 стр.

Дѣятельность м. Филарета въ борьбѣ съ расколомъ.

1838 года, онъ вполне разоблачилъ сокровенныя стремленія екатеринбургскихъ старообрядцевъ и съ необычайною ясностью показалъ несообразность и злонамѣренность «удивительной отважности» «обширныхъ и безпримѣрныхъ» притязаній екатеринбургскихъ вожаковъ «выбирать священниковъ изъ всѣхъ российскихъ епархій». «Ясно видно, — писалъ онъ, — ихъ намѣреніе держаться попрежнему въ видѣ общества отдѣльнаго отъ церкви, слѣдственно попрежнему враждовать противъ церкви и, по возможности, отторгать отъ нея православныхъ», каковое отторженіе, безъ сомнѣнія, должно еще болѣе усилиться, «когда ихъ священство получитъ видъ законности предъ гражданскою властью» (1 пунктъ). Онъ находилъ, что раскольники требуютъ не только возстановленія секретныхъ правилъ 1822 года, но и гораздо большаго, «ибо прежде отступающихъ отъ церкви въ расколъ брали они украдкою, а теперь хотятъ тѣхъ же священниковъ брать открыто и формально; прежде, по видамъ нужды, терпимы были у нихъ только священники, теперь же просятъ и дьяконовъ» (9 пк.); а такое увеличеніе беззаконія, въ свою очередь, естественно должно повести и къ большому разстройству церковной дисциплины, чѣмъ какое происходило благодаря правиламъ 1822 года (3 пк.), и къ открытому нарушенію церковныхъ правилъ (15 пр. апост. и 3 Антіох. соб.), воспрепятствующихъ священнику удалиться изъ-подъ власти своего епископа (4 пк.). Наконецъ, исполненіе требованій екатеринбургскихъ раскольниковъ, по словамъ митрополита Филарета, должно было неизбежно повести къ многоразличнымъ и трудно-разрѣшимымъ «несообразностямъ» въ дѣлѣ контроля надъ дѣйствіями находящихся у нихъ священниковъ, напр., при совершеніи ими браковъ и пр. (5 пк.), къ увеличенію собственнаго самоуправства расколоводителей, которые видимо желаютъ быть безапелляционными цѣнителями своихъ священниковъ (6 пк.), къ двусмысленному положенію самихъ священниковъ, особенно въ виду обязательнаго требованія отъ нихъ раскольниками возмутительной исправы, содержащей въ себѣ осужденіе православныхъ подъ именемъ ерети-

ковъ-никоніанъ (7 пк.), и къ прямому униженію православной церкви, изъ которой лучшее и желаемое будетъ браться, а нежелаемое и «негодное» возвращаться обратно (8 пк.). «При скорбно видѣть, — писалъ въ заключеніе митрополитъ Филаретъ, — какъ дерзновенно рассчитываютъ раскольники на непроницательность начальства. Они знаютъ, что цѣль правительства есть сблизить ихъ съ православною іерархіею. Они сего не хотятъ; но надобно же сдѣлать видъ, будто они не совсѣмъ противъ сего. Для сего вставили они въ свои правила неискреннюю статью, что свѣтскій начальникъ можетъ дать духовному начальству свидѣніе о раскольническихъ метрикахъ и о священникахъ, къ нимъ поступающихъ и отъ нихъ выбывающихъ, и думаютъ, что обмануть симъ призракомъ сближенія, тогда какъ они не уступаютъ духовному начальству ни суда, ни надзора надъ ихъ священниками, ни даже права призвать и спросить священника, о чемъ можетъ быть нужно по дѣламъ. Изъ всѣхъ сихъ соображеній слѣдуетъ, что, какъ для охраненія блага и спокойствія православной церкви, такъ равно и для охраненія блага и спокойствія государственнаго, на предложенныя расколоводителями статьи нужно внушить имъ, чтобы они удержались отъ представленій, столь несообразныхъ съ законнымъ порядкомъ и благоустройствомъ»¹⁾. Внушеніе дѣйствительно послѣдовало со стороны Высочайшей власти, которою постановлено было: изложенное разсужденіе митрополита Филарета сообщить чрезъ главноуправляющаго корпусомъ горныхъ инженеровъ главному начальнику горныхъ заводовъ хребта Уральскаго, «дабы онъ могъ видѣть всѣ извороты раскольниковъ и, сообразно съ симъ, сдѣлалъ бы лично просителямъ внушеніе, что просьба ихъ, какъ неоднократно отвергнутая, не можетъ быть и нынѣ удовлетворена. Затѣмъ обязать просителей подписками, чтобы они впредь не осмѣливались утруждать начальство подобными ухищренными просьбами»²⁾.

¹⁾ Сравни. Собр. мѣн. и отв., 2 т., 402—407 стр. и Собр. постанов. по ч. раскола, 1858 г., 279—285 стр. — пост. отъ 10 марта 1838 г.

²⁾ Собр. постанов. по ч. раскола, 1858 г., 286 стр.

Рѣшительный отказъ правительства, въ связи съ другими предпринятыми имъ ограничительными и просвѣдательными мѣрами для обращенія пермскихъ раскольниковъ¹⁾, на многіе изъ нихъ, съ самимъ Рязановымъ во главѣ, подѣйствовало отрезвляющимъ образомъ, слѣдствіемъ чего было ихъ присоединеніе къ православной церкви на правилахъ единовѣрія. Но и послѣ всего этого нѣкоторые изъ расколоводителей не прекратили своихъ домогательствъ, избравъ для достиженія своихъ цѣлей болѣе благовидную форму. Въ началѣ 1843 года оберъ-прокурору Св. Синода графу Протасову представлена отъ нихъ просьба съ новыми условіями для принятія священниковъ отъ епархіальнаго начальства, подписанная «почетнымъ гражданиномъ Рязановымъ»²⁾ съ десяти другими вліятельными раскольниками. Новыя условія со стороны раскольниковъ, насколько видно изъ разбора ихъ митрополитомъ Филаретомъ, состояли въ слѣдующемъ: а) дозволить раскольникамъ выбирать священниковъ изъ всѣхъ епархій съ тѣмъ, чтобы б) избранные священники «не были принуждаемы производить богослуженіе, противорѣчащее буквальному смыслу старопечатныхъ книгъ» и не соединялись для моленія ни съ православными, ни съ единовѣрческими, а также в) чтобы архіереи располагали старообрядческими священниками «не какъ присоединившимися», и чтобы ни священники, ни старообрядцы не были принуждаемы къ принятію благословенія отъ архіерея, а были предоставлены въ этомъ случаѣ своей совѣсти; наконецъ, д) чтобы подвергаемый епитиміи священникъ исполнялъ ее въ старообрядческой церкви. Приведенныя условія касались собственно священниковъ; для себя же, или, точнѣе, для раскольниковъ вообще, составители новыхъ условій просили, чтобы а) имъ «оставлено было наименованіе старообряд-

цевъ» съ приложеніемъ выраженія «подчинившіеся епархіальному вѣдомству», б) чтобы «дозволено было употреблять имѣющееся у старообрядцевъ древнее святое муро, безъ всякаго о немъ разысканія», чтобы г) дано было право отказывать священнику неугодному имъ «по какимъ-либо причинамъ» и отсылать его къ архіерею съ назначеніемъ половиннаго оклада, д) церкви же и церковные доходы предоставить вѣдѣнію церковныхъ старостъ-старообрядцевъ. Новый проектъ екатеринбургскихъ старообрядцевъ графъ Протасовъ передалъ митрополиту Филарету для заключенія, и архипастырь, въ отвѣтномъ письмѣ оберъ-прокурору отъ 5 марта 1843 года, со всею ясностью разоблачилъ этотъ, кажущійся благовиднымъ, проектъ, какъ совершенно несоотвѣтствующій единенію съ православною церковію. Отмѣтивъ здѣсь и прежнее явное стремленіе екатеринбургскихъ старообрядцевъ держаться вдали отъ церкви и указавъ несообразность съ здравымъ смысломъ и церковными правилами предлагаемыхъ ими требованій, въ особенности просьбы объ употребленіи своего муръ¹⁾, митрополитъ Филаретъ такими чертами охарактеризовалъ въ заключеніе это новое «ухищренное» ихъ домогательство: «Все показываетъ, что составители условій сплетали сътъ, въ которую можно было бы поймать священниковъ и увлечь къ себѣ, а отнюдь не думали приблизиться къ церкви. Они хотятъ сохранить расколъ, давъ ему почетное имя, которое отнял у нихъ законъ. Подъ именемъ старообрядчества они хотятъ упрочить и узаконить самую уродливую новостъ —

1) См. Обзоръ пермскаго раскола. А. П. 72—83 стр., а также «Брат. Слово» 1889 г., 1 т., 763—766 стр.

2) Это не былъ Якимъ Рязановъ, такъ какъ просьба шла не отъ него, а только черезъ него, — значитъ все же не безъ участія съ его стороны.

1) «Примѣчательно, — писалъ онъ, — требованіе, чтобы не было никакого разысканія о древнемъ святомъ мурѣ. Это родъ признанія, что оно не можетъ выдержать разысканія. Подлинно, когда извѣстно, что святое муро всегда приготавлилось въ количествѣ достаточно только на три, или на четыре года, какъ возможно, чтобы раскольники еще имѣли подлинное древнее святое муро послѣ ста восьмидесяти лѣтъ и болѣе?» Насколько, дѣйствительно, муро, выдаваемое иргизскими раскольниками, снабжавшими имъ и екатеринбургскихъ, имѣло мало общаго съ этимъ послѣднимъ, см. рассказъ архим. Нижне-Воскресенскаго единовѣрческаго монастыря Платона. Иргизскіе раскольническіе монастыри, 52 стр., примѣч.

раскольническую республику въ предѣлахъ православной церкви. Непонятно, чего ищетъ и на что надѣется посредникъ¹⁾. У него въ глазахъ единство церкви екатеринбургской, со многимъ подвигомъ и терпѣніемъ священства и священноначалія, сохраняется при видѣ трехъ раздѣловъ: 1) православные, 2) единовѣрцы старые и 3) единовѣрцы рязановскіе, которые не сообщаются со старыми единовѣрцами. Хочетъ ли онъ еще четвертаго раздѣла? Или своихъ новыхъ единовѣрцевъ хочетъ далѣе отстранить отъ церкви и превратить въ новозобрѣтенныхъ старообрядцевъ? Остается мнѣ заключить вкратцѣ, что предлагаемыя условія, по моему мнѣнію, неудобопріемлемы и опасны²⁾. Послѣ такого отвѣта со стороны митрополита Филарета новая просьба екатеринбургскихъ старообрядцевъ, какъ и слѣдовало ожидать, оставлена также всякихъ безъ послѣдствій.

Кромѣ екатеринбургскихъ раскольниковъ усиленно хлопотали о независимыхъ отъ православной церкви священникахъ раскольники московскіе, или, точнѣе, рогожскіе. По своей внѣшней формѣ ходатайства послѣднихъ не были такъ «ухищренны» и сложны, какъ ходатайства первыхъ. Рогожскіе раскольники постоянно, съ самыми незначительными вариациями, просто и прямо просили «къ довершенію многихъ» къ нимъ «милостей и снисхожденія», «удостоиться получить Высочайшее разрѣшеніе о дозволеніи имъ принимать по прежнему для совершенія таинствъ священниковъ и діаконовъ, на правилахъ, Высочайше изложенныхъ въ 26-й день марта 1822 года и въ 15-й день сентября 1826 года всемилостивѣйше утвержденныхъ»³⁾. Ихъ домогательства были и настойчивѣе и продолжительнѣе, къ тому же имѣли за себя сильныхъ ходатаевъ. Поэтому, особенно же потому, что ближайшимъ образомъ касались собственной митрополита Филарета паствы, они вызывали съ его стороны еще болѣе рѣшительный протестъ и

¹⁾ Подъ этимъ посредникомъ разумѣлся подавшій прошеніе Якимъ Рязановъ, уже присоединившійся къ церкви.

²⁾ Собр. мнѣн. и отв., 3 т., 94—98 стр.

³⁾ Историческіе очерки поповщины. Русск. Вѣстн., 65 т., 45 стр.

еще болѣе сильныя доводы относительно невозможности ихъ исполненія.

«Прискорбное для души положеніе» по случаю недостатка въ священникахъ рогожскіе раскольники, какъ и екатеринбургскіе, начали чувствовать очень рано. Уже въ самый годъ изданія указа, которымъ воспрещалось принимать новыхъ поповъ на Рогожское Кладбище (1827), изъ девяти ранѣ бывшихъ здѣсь бѣглыхъ поповъ, за «смертію и по другимъ обстоятельствамъ», оставалось только пять, «какое количество, по числу многочисленности прихожанъ Рогожскаго въ Москвѣ Кладбища», заявляли сами раскольники, было «весьма недостаточное». Видя это въ настоящемъ и «съ горестію помышляя» о «неустройствахъ» въ будущемъ, болѣе вліятельные раскольники въ томъ же году «возымѣли смѣлость повернуть къ стопамъ великаго Государи Императора всеподданническое прошеніе» о возстановленіи правилъ 1822 года. На просьбу, какъ и слѣдовало ожидать, не было дано никакого отвѣта. Тогда, въ 1831 году, рогожскіе раскольники подали новое прошеніе, но уже министру внутреннихъ дѣлъ Новосильцеву, и уже только «о принятіи на убылое мѣсто уволеннаго отъ своего начальства заштатнаго священника... изъявившаго добровольное согласіе имѣть жительство при московскомъ старообрядческомъ Рогожскомъ Кладбищѣ и отправлять богослуженіе и христіанскія таинства по древлепечатнымъ книгамъ». Въ отвѣтъ на эту просьбу слѣдовалъ чрезъ московскаго генераль-губернатора князя Д. В. Голицына Высочайшій запросъ: не желаютъ ли податели просьбы принять священника, «какъ правильно уволеннаго духовнымъ начальствомъ, на правилахъ единовѣрческихъ церквей?» А когда съ ихъ стороны слѣдовалъ отказъ, то на ихъ просьбу слѣдовалъ отказъ и со стороны правительства. Наконецъ, не далѣе какъ въ январѣ слѣдующаго же 1832 года, на Рогожскомъ Кладбищѣ состоялся цѣлый соборъ изъ представителей поповщинскаго раскола съ Вѣтки, изъ Стародубья, Иргиза, Керженца, поволжскихъ и другихъ городовъ для общаго совѣщанія о средствахъ къ отвращенію затрудненій

относительно пріобрѣтенія бѣглыхъ поповъ: рѣшено было снова просить правительство о возстановленіи правилъ 1822 года чрезъ своего ближайшаго начальника, московскаго генералъ-губернатора, и въ то же время привлечь къ участию въ этомъ дѣлѣ петербургскихъ старообрядцевъ, чтобы они съ своей стороны ходатайствовали за все старообрядчество. Но ни обширное и красно написанное прошеніе къ князю Голицыну московскихъ раскольниковъ, поданное ими 31-го мая, ни «хожденія по дѣламъ» въ Петербургѣ къ разнымъ высокопоставленнымъ особамъ, даже до пользовавшагося особымъ благоволеніемъ императора Николая графа Бенкендорфа включительно, не привели ни къ чему: правительство и на этотъ разъ осталось непреклоннымъ¹⁾. Такъ неудачны были первыя попытки рогожскихъ вожаковъ. Объ этихъ попыткахъ мы упомянули болѣе для того, чтобы видѣть, какъ были они часты и настойчивы; опредѣлить же, — имѣлъ ли какое вліяніе на изложенный ходъ дѣла митрополитъ Филаретъ, и если имѣлъ, то какое именно, — по недостатку свѣдѣній довольно трудно. Что неуспѣхъ первыхъ двухъ прошеній зависѣлъ непосредственно отъ Высочайшей воли, это несомнѣнно; а принимая во вниманіе дружественныя отношенія митрополита Филарета къ князю Голицыну, по взаимномъ совѣщаніи которыхъ открытъ, напр., былъ московскій секретный совѣщательный по раскольническимъ дѣламъ комитетъ²⁾, можно думать, что послѣдняя изъ указанныхъ просьбъ московскихъ раскольниковъ была оставлена безъ вниманія также по взаимномъ совѣщаніи князя Голицына съ митрополитомъ Филаретомъ.

Открытымъ и энергическимъ противникомъ удовлетворенія домогательствъ рогожскихъ раскольниковъ митрополитъ Филаретъ выступилъ лишь въ 1848 году, когда въ московскомъ

секретномъ совѣщательномъ по дѣламъ о раскольникахъ комитетѣ, по предложенію с.-петербургскаго, обсуждался вопросъ: какія мѣры удобнѣе, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, для сближенія рогожскихъ раскольниковъ съ православною церковію и преподаванія имъ духовныхъ требъ въ случаѣ выбитія находящихся у нихъ поповъ? — и когда на защиту раскольническихъ интересовъ со всею силою выступилъ незадолго передъ тѣмъ назначенный на должность московскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютантъ графъ Закревскій, съ которымъ митрополитъ Филаретъ за время совмѣстнаго служенія въ Москвѣ, по его собственному мѣткому выраженію, хотя «видѣлся нерѣдко, но говорилъ только чрезъ Петербургъ»¹⁾, особенно по раскольническимъ дѣламъ.

Рѣзкое различіе во взглядахъ митрополита Филарета и графа Закревскаго обнаружилось въ первомъ же засѣданіи комитета, при обсужденіи указаннаго вопроса (29 марта 1848 г.).

Изобразивъ яркими красками цвѣтущее состояніе московскаго раскола, благодаря незаконному возникновенію и процвѣтанію главныхъ его центровъ — Рогожскаго и Преображенскаго Кладбищъ, указавъ на «особенный видъ самостоятельности, который съ послѣдней четверти прошлаго столѣтія умѣлъ придать себѣ и продолжаетъ сохранять московскій расколъ», наконецъ, на особенную недоступность московскихъ раскольниковъ вразумляющему дѣйствию духовенства вслѣдствіе этой самостоятельности и «самонадѣянія» ихъ, Московскій митрополитъ полагалъ съ своей стороны, что при такихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ «для сближенія рогожскихъ раскольниковъ съ православною церковію первыхъ мѣръ искать должно въ томъ, чтобы поколебать въ нихъ мысль о такой самостоятельности и неприкосновенности ихъ общества, которая позволяетъ имъ беззаботно уклоняться отъ исполненія законовъ и дѣйствовать въ нарушеніе оныхъ съ надеждой ненаказанности». Затѣмъ, въ видахъ испытанія искренняго, безпристрастнаго желанія московскихъ раскольниковъ познать истину

¹⁾ Русск. Вѣстн., 65. т., 37—46 стр. Происхожденіе Бѣлокрин. іерархіи 54—59 стр.

²⁾ См. Собр. постанов. по ч. раскола 1858 г. 128—130 стр. — пост. отъ 25 іюня 1831 г.

¹⁾ Чт. въ Общ. Ист. и древн. 1877 г. 1 т., 143 стр.

Божію, онъ предложилъ комитету, между прочимъ, «привзвать для опыта бывшаго на Рогожскомъ Кладбищѣ, потомъ присоединившагося къ православной церкви и служащаго единовѣрцевъ Черниговской епархіи, священника Александра Арсеньева, который, по прежней службѣ на Рогожскомъ Кладбищѣ, имѣлъ многихъ значительныхъ раскольниковъ духовными дѣтьми и пользовался ихъ уваженіемъ, и потому съ надеждой можетъ дѣйствовать для сближенія ихъ съ православною церковію».

Послѣ сего, перейдя ко второй половинѣ предложеннаго с.-петербургскимъ комитетомъ вопроса, — о томъ, какимъ способомъ дать московскимъ раскольниковъ возможность исполнять духовныя требы въ случаѣ выгнана у нихъ бѣглыхъ поповъ, митрополитъ Филаретъ прежде всего отмѣтилъ въ которую странность самаго возникновенія подобнаго попеченія. «Не вдругъ представилось бы нужнымъ и умѣстнымъ, — писалъ онъ, — изслѣдовать мысль объ ослабленіи силы закона по снисхожденію, въ пользу раскольниковъ, если бы сія мысль не была уже поставлена въ виду, какъ возможная и по нуждѣ допустимая къ исполненію. Полтора ста лѣтъ существовалъ расколъ, и правительство не возлагало на себя заботы о томъ, съ удобностію ли пользуются раскольники совершеніемъ христіанскихъ требъ. Уклонившіеся отъ законно-устроеннаго пути не имѣютъ права на кого-либо, кромѣ самихъ себя, возлагать заботу о томъ, покойно ли могутъ они путешествовать». Что же касается возстановленія правилъ 1822 года или, что то же, разрѣшенія раскольниковъ имѣть независимыхъ отъ церкви священниковъ, какъ, дѣйствительно, единственно возможнаго способа разрѣшенія затрудненія, каковой, надобно полагать, предлагался или петербургскимъ комитетомъ, или графомъ Закревскимъ, то митрополитъ Филаретъ не находилъ его «ни правильнымъ, ни удобнымъ, ни полезнымъ». Дозволеніе имѣть раскольниковъ независимыхъ отъ церкви священниковъ, — писалъ онъ опять — не можетъ быть признано правильнымъ въ виду ясныхъ постановленій церковныхъ, запрещающихъ священнику дѣйствовать незави-

симо отъ епископа, и кому бы то ни было, а также, конечно, и священнику, молиться съ отлученными подъ угрозой отлученія; а тѣмъ болѣе воспрещающихъ въ такъ называемой исправѣ произносить хулы на православную церковь, каковая исправка несомнѣнно будетъ совершаться раскольниками, не смотря на всѣ запрещенія правительства и обѣщанія ихъ самихъ, такъ какъ «секта не бываетъ вполне честна и думаетъ, что ея не довольно свободнымъ положеніемъ извиняется употребленіе въ свою защиту лукавства, клятвопреступный же предъ церковію священникъ легко успокоитъ разрѣшеніемъ совѣсть мірянина, измѣнившаго честному слову предъ правительствомъ». Точно также не можетъ быть признано допущеніе къ раскольниковъ независимыхъ отъ іерархіи священниковъ правильнымъ, или, точнѣе, справедливымъ и въ томъ случаѣ, если смотрѣть на это дѣло даже съ такой точки зрѣнія, что въ дѣлахъ вѣры и совѣсти всякое принужденіе должно быть устраниено, ибо «раскольники имѣютъ свою неправую вѣру и погрѣшительную совѣсть, а правительство со всею церковію и Россією имѣетъ свою правую вѣру и совѣсть». Посему если «надобно падать, по возможности, неправую совѣсть раскольниковъ», то «несравненно выше стоитъ обязанность не возмущать совѣсти всей православной церкви и Россіи допущеніемъ священникамъ измѣнять церкви и отпадать отъ законной совѣсти». Ограничительная политика, употребленная съ 1826 года въ отношеніи къ бѣглопоповщицѣ, можетъ казаться стѣснительною, «если смотрѣть только на ея отношенія къ раскольниковъ; а если смотрѣть на ея отношенія къ законамъ, то она должна быть признана снисходительною». «Напримѣръ, бѣглому священнику запрещено переходить изъ губерніи въ губернію и изъ уѣзда въ уѣздъ. Тутъ нѣтъ притѣсненія, потому что и законнаго священника дѣйствованіе ограничено, даже болѣе тѣсными предѣлами; и даже сіе съ избыткомъ снисходительно, потому что, по закону, бѣглаго священника, какъ и всякаго бѣглаго, слѣдовало бы тотчасъ поймать и отослать къ суду, а его оставляютъ спокойнымъ на широкомъ поприщѣ цѣлаго уѣзда».

Снова писалъ теперь митрополитъ Филаретъ о несправедливости и несправедливости правилъ 1822 года, возстановленія которыхъ, повидимому, желали нѣкоторые правительственные лица. Онъ указывалъ разнообразныя, трудныя и преодолимыя церковныя и гражданскія неудобства, должныя возникнуть сами собою при ихъ возстановленіи. «Напримѣръ, по правиламъ церковнымъ, — писалъ онъ, — священникъ имѣетъ право совершить таинство брака; власть прекратить дѣйствіе сего таинства, то-есть, расторгнуть бракъ принадлежитъ высшей іерархической степени епископа». «Положимъ, что данъ раскольникамъ независимый отъ епископа священникъ и что къ нему приходитъ прихожанинъ по законной причинѣ просить расторженія брака. Что будетъ дѣлать священникъ? Вопросъ сей неразрѣшимъ. Не съ чѣмъ несообразно было бы дать раскольническому священнику власть епископскую, и даже больше епископскую потому что и епископъ не рѣшитъ расторженія брака самъ собою, но испрашиваетъ синодальнаго разрѣшенія... Положимъ, что раскольники возвратятъ епархіальному начальству бывшего у нихъ священника, признавая его негоднымъ. Какъ будетъ судить его епархіальное начальство? Безъ изслѣдованія положиться на обвинительный извѣтъ раскольниковъ было бы незаконно, а изслѣдованіе, которое по закону принадлежитъ произвести духовному начальству, въ недоступномъ ему кругу раскольниковъ невозможно. Можетъ случиться, что раскольники за внушенія, наклоняющія къ православію, составятъ скопище къ оклеветанію и обвиненію священника и сдѣлаютъ епархіальное начальство орудіемъ своего мщенія». — Неудобства и затрудненія церковныя, — продолжалъ онъ, — неизбежно влекутъ за собой затрудненія и со стороны гражданскаго правительства, ибо не можетъ «здравая политика потребовать того, что не можетъ быть допущено безъ нарушенія церковныхъ правилъ, что произвело бы замятательство и противорѣчія въ законодательствѣ и управленіи»; не можетъ также здравая политика, признавъ православію господствующимъ въ Россіи, допустить «дать

расколу право вербовать священниковъ изъ православныхъ, а православныхъ епископовъ сдѣлать не начальниками, а только поставщиками священниковъ раскольникамъ и потомъ исполнителями наказаній надъ священниками, которыхъ раскольники признаютъ достойными осужденія».

Наконецъ, возстановленіе правилъ 1822 года митрополитъ Филаретъ прямо объявилъ не только бесполезнымъ, но и вреднымъ. Оно бесполезно, ибо не въ состояніи произвести разстройства въ раскольническомъ обществѣ чрезъ «невѣжественное и поврежденное въ жизни духовенство» въ лицѣ бѣглыхъ поповъ, какъ питаютъ надежду нѣкоторые; равнымъ образомъ «оскудѣніе» бѣглопоповства не можетъ способствовать переходу московскихъ раскольниковъ изъ поповщины въ беспоповщину, какъ думаютъ опять многіе, выставляя «какъ страшилище» эту мысль. Разстройства раскольническаго общества чрезъ «недостойныхъ и неблагонаправныхъ» священниковъ нельзя ожидать потому, «что бывшіе опыты не говорятъ въ пользу сей надежды», и раскольники, несмотря на «дознанную нечестность и подлоги въ святыхъ», упорно оставались въ расколѣ. Притомъ, съ замѣтнымъ увеличеніемъ количества образованныхъ священниковъ, бѣглыми въ будущемъ могутъ быть и они, ибо «бѣды во лжебратіи случаются могутъ и между образованными, каковыя, перебѣжавъ къ раскольникамъ, могутъ возстановить возникшую и прежде, но нынѣ въ упадкѣ находящуюся, раскольническую литературу и тѣмъ дать расколу новую жизнь». «Но если бы и была надежда, — продолжаетъ онъ, — чрезъ допущеніе къ раскольникамъ священниковъ недостойныхъ и неблагонаправныхъ имѣть послѣдствіемъ того разстройство ихъ общества, это было бы, конечно, прежде разстройство нравственности, нежели разстройство сектаторства. А по такому направленію дѣйствовать свойственно ли правительству, чтущему нравственныя и христіанскія начала и признающему надъ собою Провидѣніе Божіе? Это значило бы сказать: сотворимъ злая, да придутъ благая. Слово апостольское грозно говоритъ противъ такого образа мыслей и дѣйствованія». Насколько

съ мыслью митрополита Филарета о призваніи для опыта единовѣрческаго священника Арсеньева, они постановили, чтобы по вопросу о независимыхъ священникахъ, за трудностью его, имѣть потомъ дальнѣйшее разсужденіе. Между тѣмъ рогожскіе раскольники, несомнѣнно знавшіе о ходѣ дѣлъ въ комитетѣ, съ прежнею силой возобновили свои домогательства. Въ 1849 году они подали просьбу о томъ, чтобы имъ позволено было принимать къ себѣ священниковъ и діаконовъ, кои пожелаютъ поступить къ нимъ добровольно отъ приходовъ, или кои находятся за штатомъ, не состоятъ ни подъ судомъ, ни подъ запрещеніемъ, съ тѣмъ, что о таковыхъ священникахъ и діаконахъ они обязаны будутъ всякій разъ доносить московскому военному генералъ-губернатору для надлежащаго сношенія съ духовнымъ начальствомъ и проч. Просьба эта, нужно думать, была подана графу Закревскому¹⁾, въ которомъ нашла и достойнаго защитника себѣ. Имѣя въ виду эту просьбу раскольниковъ, графъ Закревскій 3 марта 1849 года вошелъ въ совѣщательный комитетъ съ запиской, въ которой отмѣтилъ сначала общую нецѣлесообразность и вредъ всего ряда «предположеній, дѣйствій и постановленій правительства въ отношеніи къ раскольникамъ, приѣмлющимъ священство, въ продолженіе цѣлой четверти вѣка», которыя, будто-бы, «не только не содѣйствовали достиженію предполагаемой правительствомъ цѣли сближенія сихъ раскольниковъ съ православіемъ, или по крайней

лейтенантъ Ст. В. Перфильевъ и московскій гражданскій губернаторъ (Собр. мн. и отз., 3 т., 299 стр.).

¹⁾ Нужно думать потому, что изложенное вами содержаніе ея передаетъ онъ самъ, хотя и не говоритъ ясно о самой подачѣ, о которой, напротивъ, много спустя, сообщаетъ митрополитъ Филаретъ, передавая въ то же время содержаніе ея въ самыхъ общихъ чертахъ. (Сравни мнѣніе графа Закревскаго „о такъ называемыхъ сводныхъ раскольническихъ бракахъ и о раскольникахъ вообще“ — Собр. мнѣн. и отз., 3 т., 301 стр. — и письмо митрополита Филарета къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 22 сент. 1855 г. — тамъ же 4 т. 46 стр.). Притомъ и самое содержаніе просьбы (посредство московскаго генералъ-губернатора) говорить въ пользу такого предположенія.

мѣрѣ съ единовѣрческою церковью», но лишь возбудили въ невѣжественномъ понятіи раскольниковъ «опасное чувство фанатизма», и тѣмъ еще болѣе утвердили ихъ въ заблужденіи и привели къ «новому лжеученію» въ формѣ сводныхъ браковъ; затѣмъ указалъ въ частности на крайне затруднительное положеніе московскихъ раскольниковъ съ двумя «престарѣлыми» попами и ихъ болѣе чѣмъ вѣроятное уклоненіе въ будущемъ къ новому лжеученію, а также на новую опасность усиленія раскола въ лицѣ только что явившейся «въ Буковинѣ раскольнической іерархіи», на «безвѣріе, буйство и крамольное своеволие необузданныхъ страстей, волнующихъ умы сопредѣльныхъ народовъ». Указавъ же все это, Закревскій въ заключеніе настаивалъ или на удовлетвореніи вышеуказанной просьбы московскихъ раскольниковъ, или по крайней мѣрѣ на немедленномъ обращеніи къ терпимости, «изъясненной въ Высочайшемъ постановленіи 26 марта 1822 года», но никакъ по чувству долга не совѣтовалъ приступать къ мѣропріятіямъ, «возбуждающимъ тревогу совѣсти въ религиозныхъ ощущеніяхъ и чувства опасенія и недовѣрчивости въ сердцахъ, пріобыкшихъ къ повиновенію, любви и преданности къ хранящей ихъ власти», «ибо это было бы, — по его мнѣнію, — преступнымъ приготовленіемъ элементовъ къ пагубному нарушенію существующаго порядка и внутреннего спокойствія». Доказывая мнимыя выгоды исполненія просьбы раскольниковъ, онъ писалъ: «Уступка эта будетъ имѣть тотъ результатъ, что масса раскольниковъ, пріобыкшая донынѣ видѣть въ бѣглыхъ попахъ своихъ пастырей, независимыхъ отъ духовной іерархіи нашей, постепенно будетъ привыкать къ той мысли и къ тому убѣжденію, что она не можетъ имѣть другихъ священниковъ, кромѣ тѣхъ, которые будутъ опредѣляемы съ вѣдома и согласія начальства, а случаи подсудности убѣдятъ современемъ массу раскольниковъ и въ томъ, что священники ихъ не изъемятся и отъ подчиненности духовной власти нашей... Если предположенія эти сочтены будутъ заслуживающими вниманія, — прибавилъ Закревскій, — то приступить къ испол-

нею оныхъ должно не иначе, какъ чрезъ предоставленіе московскому военному генералъ-губернатору войти въ предварительное секретное совѣщаніе съ нѣкоторыми изъ старѣйшихъ Кладбища. Совѣщаніе это должно имѣть видъ совершенно частный¹⁾. Не трудно, повидимому, было замѣтить, какъ много исторически невѣрнаго, преувеличеннаго, явно тенденціознаго заключалось въ словахъ графа Закревскаго, особенно относительно благотворныхъ послѣдствій удовлетворенія просьбы московскихъ раскольниковъ, ибо злоурядныя послѣдствія правилъ 1822 года были еще на памяти. Въ словахъ его было только не мало истиннаго относительно малоуспѣшности правительственныхъ мѣропріятій, изданныхъ въ началѣ царствованія императора Николая; но малоуспѣшность эта, какъ опять не трудно было замѣтить и какъ вполне справедливо говорилъ митрополитъ Филаретъ, происходила не отъ того, чтобы самыя мѣропріятія были не цѣлесообразны, но отъ неискренняго и неточнаго ихъ исполненія. Однако намѣренныя преувеличенія графа Закревскаго въ описаніи затруднительнаго современнаго ему положенія расколическихъ дѣлъ, съ одной стороны, и не менѣе преувеличенныя восхваленія имъ благотворности своихъ проектовъ, съ другой, — возымѣли свое дѣйствіе и способствовали тому, что «мысль дать расколическимъ священникамъ по ихъ выбору, зависящихъ не отъ духовнаго, а отъ свѣтскаго начальства, увлекла было, по словамъ митрополита Филарета, всѣхъ свѣтскихъ членовъ, смотрѣвшихъ на нее съ свѣтской только стороны»²⁾. Не увлекла же совсѣмъ эта мысль членовъ комитета

¹⁾ Записку Закревскаго въ цѣломъ ея видѣ см. въ Русск. Вѣст. 1881 г. дек. 647—650 стр.; также Собр. мн. и отв. 3 т. 299—303 стр.

²⁾ См. письмо его къ графу Н. А. Протасову отъ 2 ноября 1849 г. — Собр. мнѣн. и отв. 3 т. 303—304 стр.

Если такіе члены, какъ князь С. М. Голицынъ и графъ С. Г. Строгановъ смотрѣли только съ «свѣтской стороны», то графъ Закревскій смотрѣлъ еще и со стороны финансовой, — писалъ и защищалъ свой проектъ подъ влияніемъ «золотой политики» расколическихъ, приносящихъ ему, и особенно его супругѣ и чрезвычайно любимой имъ дочери, обильныя приношенія, въ которыхъ тѣ очень нуждались для

именно потому, что противъ нея, «по долгу вѣрности православію, престолу и отечеству», святитель Филаретъ снова выступилъ въ засѣданіи комитета отъ 10-го октября 1849 года. Насколько одинокъ былъ онъ въ своемъ противодѣйствіи расколу въ это время, можно видѣть изъ того, что даже и другъ его, намѣстникъ Антоній, склонялся нѣсколько на сторону старообрядцевъ. «Мысль ваша о священникахъ для чуждающихся церкви занимаетъ меня, и жалѣю, что не передана она словомъ на мѣстѣ», писалъ ему митрополитъ Филаретъ отъ 25-го іюня 1849 года. «Думаете ли вы, что можно дать на тѣхъ условіяхъ, на какихъ предполагаютъ брать? Какъ же согласить сіе съ правилами церковными? Какъ дать при увѣренности, что берутъ не для сближенія съ церковію, а дабы укрѣпить отчужденіе отъ нея? Покажите мнѣ, если вамъ представляется, способъ превратить путь стропотный въ правый»¹⁾. Такого способа, очевидно, не возможно было найти, и потому въ новой отвѣтной запискѣ своей м. Филаретъ рѣшительно возстаетъ противъ изложеннаго въ запискѣ графа Закревскаго. Прежде всего онъ указываетъ, какъ неудобно, «неблагонадежно» и излишне входить со стороны правительства въ какія бы то ни было сношенія и переговоры съ расколическими относительно условій, на какихъ могли бы они принять священниковъ. «Духовенству входить въ сношенія съ расколическими для ихъ вразумленія и предлагать имъ средства сближенія съ церковію, — писалъ онъ, — не только не препятствуетъ его характеръ, но это есть и обязанность его. Совсѣмъ иное дѣло — входить въ таковыя сношенія отъ имени правительства. Власть законная, безъ предосудженія своему достоинству и благонадежно, можетъ

удовлетворенія своихъ привычекъ. Трудно предположить, чтобы митрополиту Филарету не были извѣстны эти расколическія приношенія въ генералъ-губернаторскій домъ и чтобы онъ не зналъ, по какимъ собственно побужденіямъ Закревскій стоитъ за расколическихъ; но, повидимому, онъ могъ писать только о «свѣтской сторонѣ» разсужденій.

Ред.

¹⁾ Псм. митр. Филарета Антонію 2 т. 489—490 стр.

входитъ въ сношеніе, для соглашенія и договора, только съ такимъ обществомъ, которое законно существуетъ. А входитъ въ договоръ съ обществомъ, отпадающимъ отъ законной власти и законнаго существованія не имѣющимъ, не довольно сообразно съ достоинствомъ законной власти и можетъ быть вредно, потому что незаконное общество, входя въ переговоры съ законною властію, чрезъ сіе самое, нѣкоторымъ образомъ, приобрѣтаетъ характеръ признаннаго сословія и притомъ получаетъ сознаніе, что въ немъ видятъ довольно силы противорѣчить и противостоять, и, такимъ образомъ, оно сдѣлаться можетъ болѣе неуступчивымъ, нежели было до переговоровъ... Въ предположеніи, чтобы переговоры съ раскольниками были секретныя, нѣкоторымъ образомъ заключается признаніе, что гласность сихъ переговоровъ имѣла бы неблагоприятныя послѣдствія. Но сохраненіе тайны въ семъ случаѣ слишкомъ не надежно. Допущенные въ сношеніе, раскольники будутъ заинтересованы сообщить о семъ сношеніи своимъ единомышленникамъ; и уже извѣстно по опыту, съ какою быстротою подобныя свѣдѣнія отъ немногихъ раскольниковъ распространяются между всѣми. Притомъ, предполагаемое сношеніе съ раскольниками не обѣщаетъ открыть со стороны ихъ что-либо такое, что не было бы уже извѣстно. На какихъ условіяхъ желаютъ они имѣть священниковъ, сіе извѣстно изъ неоднократныхъ прошеній ихъ, правительствомъ неуваженныхъ¹⁾. Обратившись послѣ сего къ самому предмету предложенной чрезъ графа Закревскаго просьбы раскольниковъ, митрополитъ Филаретъ (въ XI пунктахъ) еще «яснѣе, по его собственнымъ словамъ, открылъ свѣтскимъ членамъ комитета воззрѣніе на предметъ, особенно со стороны церковной», — снова и съ большею подробностью указавъ явныя противорѣчія проекта церковнымъ постановленіямъ и самому понятію о священствѣ, по которому священникамъ не только невозможно полное отчужденіе отъ церкви и переходъ къ раскольникамъ, но и переходъ съ такими благи-

¹⁾ Собр. мѣст. и отз. 3. т. 285—286 стр.

ми дѣлами, какія имѣлись въ виду при изданіи правилъ 1822 года, отъ приведенія которыхъ въ исполненіе долженъ былъ отказаться митрополитъ Серафимъ. Затѣмъ, снова выяснивъ многоразличныя затрудненія, какія проистекли отъ признанія независимыхъ раскольническихъ священниковъ для гражданскаго правительства, указавъ постоянныя, несправедливыя жалобы раскольниковъ на мнимыя стѣсненія, тогда какъ они пользуются на самомъ дѣлѣ многими преимуществами предъ православными, — митрополитъ Филаретъ цифровыми данными доказалъ комитету, что успѣхъ правительственныхъ мѣропріятій по отношенію къ развитію единовѣрія не особенно незначителенъ, а съ исполненіемъ просьбы раскольниковъ, уже успѣвшихъ не только узнать происходящія о нихъ разсужденія въ комитетѣ, но и обнаружить свои широкіе планы, успѣхъ этотъ не только долженъ прекратиться, но и сократиться. «Съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія, — говорилъ онъ, — при избыточествующей вѣротерпимости, отпаденія отъ православія вообще умножились, и въ особенности расколы поповщинскій и беспоповщинскій возросли въ числѣ послѣдователей, моленныхъ и раскольническихъ заведеній. Въ настоящее царствованіе, при ограниченіи терпимости справедливостію и предосторожностію, православіе приобрѣло отъ раскола, сколько извѣстно по отчетамъ духовнаго вѣдомства, за одиннадцать лѣтъ 182.328 душъ, а всего за всѣ годы, конечно не менѣе 200.000. При предполагаемомъ обезпеченіи раскола священниками, безъ сомнѣнія, вновь умножатся отпаденія, и особенно надлежитъ опасаться, что поколеблется единовѣрцы, недавно примиренные съ православною церковію. Будутъ ли умѣренно дѣйствовать раскольники, уже видно теперь. То, о чемъ комитетъ сей нынѣ разсуждаетъ, имъ уже извѣстно¹⁾; но получивъ только надежду на дозволеніе принимать свя-

¹⁾ Извѣстно, разумѣется, изъ канцеляріи Закревскаго, у котораго служили такіе радѣтели раскола, какъ позорной памяти Илья Арсеньевъ и Лонгиновъ, и даже, по всей вѣроятности, отъ самого Закревскаго. Ред.

щенниковъ, они свой выборъ не съ заштатныхъ священниковъ начали и не съ незнатныхъ церквей, но съ московскаго кафедральнаго Архангельскаго собора: сакелларія сего собора они пригласили быть священникомъ у нихъ на Кладбищѣ... Между тѣмъ, въ настоящее время, по свѣдѣніямъ отъ знающихъ положеніе раскольниковъ Рогожскаго Кладбища, въ значительномъ числѣ ихъ возникаетъ расположеніе — по смерти остающихся священниковъ сблизиться съ православною церковію на существующихъ донинѣ условіяхъ, и открывается надежда, что одни образуютъ на самомъ Кладбищѣ единовѣрческую церковь, а другіе присоединятся къ общеправославной церкви. Сельскіе раскольники, приглашаемые къ соединенію съ церковію, также не разъ отзывались, что ожидаютъ начатія сего отъ Рогожскаго Кладбища. Ничто, по моему мнѣнію, не препятствуетъ правительству продлить свою твердость въ настоящихъ правилахъ его дѣйствозанія, въ ожиданіи сего недалекаго предѣла времени, и употребить стараніе воспользоваться онымъ¹⁾.

Такииъ образомъ возобновленныя изслѣдованія, — писалъ въ концѣ своего отвѣтнаго мнѣнія митрополитъ Филаретъ, — обращаютъ меня къ прежде предложенному мною заключенію, что не представляется ни правильнымъ, ни удобнымъ, ни полезнымъ дать раскольникамъ отъ гражданскаго начальства священниковъ независимыхъ отъ начальства духовнаго». Не преминулъ митрополитъ Филаретъ въ самомъ концѣ своей записки коснуться и заключительныхъ словъ графа Закревскаго, которыя прямо цитуетъ и разбираетъ только ему одному свойственнымъ образомъ. «Дабы молчаніе не послужило поводомъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, — говоритъ онъ, — принужденнымъ себя нахожу объяснить, что не все признаю неоспоримымъ, чего дѣйствительно не оспариваю. Такъ напримѣръ... непонятно для меня, что именно значить «присутствовать къ мѣропріятіямъ, возбуждающимъ тревогу совѣсти» и къ какииъ именно дѣйствіямъ, или предположеніямъ относится сіе сильное сужденіе, что «это было бы преступнымъ приготовленіемъ элементовъ къ пагубному нарушенію суще-

ствующаго порядка». Но какъ при паденіи гдѣ-либо сильнаго удара и стоящій въ сторонѣ невольнымъ движеніемъ устранился далѣе, такъ и устраниюсь отъ изложеннаго сужденія, не имѣвъ съ моей стороны несчастія видѣть что-либо близкое къ сему ни въ мѣрахъ, принятыхъ или предполагаемыхъ правительствомъ и начальствами, ни въ разсужденіяхъ о сихъ мѣрахъ¹⁾.

Кромѣ приведеннаго мнѣнія, въ то же засѣданіе митрополитъ Филаретъ внесъ Записку, въ которой сообщалъ о неуспѣшности дѣйствозанія на рогожскихъ раскольниковъ вызваннаго изъ Черниговской губерніи, по ранѣе бывшему рѣшенію комитета, священника Александра Арсеньева, который заявилъ, что прежнія духовныя дѣти его обѣщаются обратиться къ нему по смерти нынѣшняго ихъ духовника, и что въ Москвѣ ему нечего болѣе дѣлать. «По другимъ свѣдѣніямъ, — прибавилъ митрополитъ Филаретъ, — и единовѣрцы и раскольники охладѣли къ нему по причинѣ открывшихся неблагопріятныхъ свѣдѣній о прежней жизни его на Рогожскомъ Кладбищѣ»; но, «вѣроятно, въ семь участвовала и надежда раскольниковъ получить священниковъ другимъ путемъ, болѣе соотвѣтственно ихъ желаніямъ²⁾».

Ближайшія послѣдствія записки митрополита Филарета были тѣ, что вмѣсто прежняго единодушія въ мнѣніяхъ свѣтскихъ членовъ московскаго совѣщательнаго комитета на-

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв. 3 т., 287—298 стр.

Приведенныя митрополитомъ Филаретомъ слова изъ Записки Закревскаго, какъ и вся Записка, принадлежать конечно не Закревскому (ибо сей знаменитый мужъ, не звавшій ни одного иностраннаго языка, не особенно силенъ былъ и въ русской грамотѣ), а которому нибудь изъ бывшихъ у него на службѣ «хлесткихъ» литераторовъ, — или Лонгинову, или Арсеньеву. И какъ же ничтожны эти литераторы предъ митрополитомъ Филаретомъ, который въ приведенныхъ сей часъ словахъ далъ имъ и ихъ патрону такой чувствительный урокъ! Недаромъ же Илья Арсеньевъ, по смерти святителя, выступилъ въ печати съ такииъ презрѣнными клеветами на него, и именно изъ-за раскольниковъ...
Ред.

²⁾ Собр. мнѣн. и отв. 3 т., 298—299 стр.

ступило полное между ними разногласіе: одинъ изъ членовъ (кн. С. М. Голицынъ) отозвался, что исполненіе просьбы раскольниковъ несообразно съ іерархическимъ порядкомъ и послужитъ къ утверженію и умноженію раскола; другой (графъ С. Гр. Строгановъ) выразилъ сомнѣніе, чтобы уступка могла сблизить раскольниковъ съ церковію: третій (генералъ-лейтенантъ Ст. В. Перфильевъ) высказалъ опасеніе, что отъ предполагаемой уступки расколъ глубже укоренится и болѣе размножится. Графъ же Закревскій съ гражданскимъ губернаторомъ остались при прежнемъ мнѣніи¹⁾. Митрополитъ Филаретъ былъ весьма доволенъ такими достигнутыми его запиской результатами, такъ какъ, видимо, и въ нихъ заранѣе не былъ увѣренъ. «Положите за меня поклонъ къ стопамъ преподобнаго Сергія, — писалъ онъ отъ 11 октября 1849 года, т. е. на другой же день послѣ комитетскаго совѣщанія, намѣстнику Антонію. Хотя я и недостойнъ, однако долженъ признать, что не совсѣмъ лишено покровительства дѣло, много озабочивавшее. Хотя мнѣніе не достигло общаго согласія: но и то уже больше ожиданія, что бѣльшая часть участвовавшихъ въ сужденіи поколебались въ противномъ мнѣніи, и больше или меньше признали справедливость предлагаемаго теперь, послѣ того какъ прежде всѣ соединялись въ противномъ²⁾. Но одного разномыслія членовъ комитета митрополитъ Филаретъ все-таки не считалъ достаточнымъ для торжества своего мнѣнія и не ограничился ранѣе сдѣланнымъ. Когда членами комитета положено было всѣ мнѣнія въ подлинникахъ, при копіи съ журнала, отправить для окончательнаго рѣшенія въ с.-петербургскій совѣщательный комитетъ и исполненіе сего поручено было именно ему, то онъ, препровождая бумаги къ оберъ-прокурору Св. Синода графу Протасову, виѣстѣ съ тѣмъ просилъ его — насколько возможно яснѣе представить все дѣло Государю Императору. «Опасеніе, что, влѣдствіе уступки раскольникамъ, предъ лицомъ

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв. 3 т. 302—304 стр.

²⁾ Иск. м. Филарета Антонію 2 т. 497 стр.

православной церкви образуется отдѣльная церковь раскольническая, и какъ для православія, такъ и для единства государственнаго потеряно будетъ болѣе, нежели сколько приобрѣтено воссоединеніемъ бывшихъ униатовъ, — сіе опасеніе, — писалъ онъ, — не сильно занимало бы меня, по моему отношенію къ дѣламъ, которое, по моимъ лѣтамъ и состоянію здоровья, скоро можетъ кончиться; но оно должно сильно занимать меня по долгу вѣрности православію, престолу и отечеству. Сказавъ, что, по моему посильному разумѣнію, нахожу справедливымъ, и затѣмъ предоставляя дѣло высшему разумѣнію и волѣ Провидѣнія, не скрою отъ вашего сіятельства желанія, чтобы дѣло сіе представлено было Государю Императору не слишкомъ въ сокращенномъ докладѣ. Сердце царево въ руцѣ Божіей; но тѣмъ не менѣе должно стараться, чтобы свѣтлому взору его отчетливо представлены были разныя стороны и послѣдствія дѣла, о которомъ должно быть изречено царское слово¹⁾. Просьба, нужно думать, была исполнена Протасовымъ и, можетъ быть, благодаря этому окончательный исходъ дѣла, по позднѣйшему извѣстію самого митрополита Филарета, былъ слѣдующій: «частнымъ образомъ извѣстно было, что Государю Императору Николаю Павловичу угодно было оставить сіе дѣло безъ послѣдствій²⁾. Когда же, наконецъ, въ началѣ 1854 года рогожскіе «упорные раскольники, предварительно примѣчая въ значительныхъ членахъ своего общества направленіе къ единовѣрью, дабы подкрѣпить себя, черезъ своихъ попечителей Винокурова и Зеленкова» новою «просьбою домогались получить священниковъ въ свое распоряженіе, внѣ законнаго іерархическаго порядка», и когда просьба эта, поданная тому же Закревскому, московскимъ совѣщательнымъ комитетомъ переслана

¹⁾ Иск. м. Филарета къ гр. Протасову отъ 2 ноября 1849 г. Собр. мнѣн. и отв. 3 т. 303—305 стр.

Одного этого письма было бы достаточно, чтобы увѣковѣчить память митрополита Филарета, какъ великаго святителя православной церкви и непреклоннаго ревнителя и защитника православія. Ред.

²⁾ Собр. мнѣн. и отв. 4 т. 273 стр., сравн. также 46 стр.

была министру внутреннихъ дѣлъ — Вибихову, а этимъ послѣднимъ въ 6-й день мая представлена Императору Николаю Павловичу, то съ его стороны послѣдовать уже открытый и рѣшительный отказъ: «на подобныя прихоти раскольниковъ, — рѣшилъ онъ, — соглашаться не должно»¹⁾.

Такъ, единственно благодаря пламенной ревности митрополита Филарета объ интересахъ церкви и государства и неопровержимой силѣ его доводовъ въ этомъ направленіи, позорное для православной церкви и не безвредное для государства бѣглоповство не только осуждено было, но и нанесенъ ему рѣшительный ударъ, несмотря на горячую защиту его со стороны даже правительственныхъ лицъ, не говоря о безчисленныхъ прояскахъ и просьбахъ самихъ раскольниковъ.

Къ крайнему прискорбію, прекращеніе одного зла повлекло за собой возникновеніе другого. Оскуднѣніе бѣглоповства, кромѣ, безспорно, благотворныхъ послѣдствій въ формѣ обращенія многихъ раскольниковъ къ православной церкви иноплемянъ, или на правилахъ единовѣрія (о чемъ рѣчь ниже), послужило побужденіемъ къ учрежденію за границей расколической іерархіи съ епископомъ во главѣ, скоро проникшей потомъ въ Россію.

О появленіи въ австрійскихъ предѣлахъ расколическаго архіерея митрополитъ Филаретъ узналъ сравнительно скорѣе другихъ и первымъ надлежащимъ образомъ выяснилъ вредное церковно-государственное значеніе этого событія для православной Россіи, предложивъ притомъ въ высшей степени цѣлесообразное, хотя уже, къ сожалѣнію, запоздавшее, средство для возможнаго ослабленія новаго зла. Уже въ концѣ 1846 года, т. е. не болѣе какъ черезъ два мѣсяца послѣ того, когда бѣглый греческій митрополитъ Амвросій пріѣхалъ въ Вѣзую Краинцу и объявилъ себя верховнымъ пастыремъ всѣхъ „древлеправославныхъ“ христіанъ, митрополиту Филарету сообщено было клинцовскимъ ратникомъ Барышниковымъ объ отарывшихся сношеніяхъ пограничныхъ раскольниковъ

съ заграничными, у которыхъ имѣется въ австрійскихъ владѣніяхъ архіерей, поставляющій поповъ для раскольниковъ всѣхъ мѣстъ. Это извѣстіе Барышникова, «безъ употребленія онаго въ Москвѣ по предосторожности противъ неблагопріятной гласности», 3-го января 1847 года было «немедленно прервоождено» имъ къ оберъ-прокурору графу Протасову, а этимъ послѣднимъ 11 января передано министру внутреннихъ дѣлъ и оказалось настолько раннимъ и неожиданнымъ, что съ одновременно доставленной министру народнаго просвѣщенія запиской о томъ же предметѣ лембергскаго корреспондента Археографической Комиссіи — Зубрицкаго, послужило первымъ извѣстіемъ для самого правительства, которое теперь только стало наводить справки объ Амвросіѣ чрезъ русскую миссію въ Константинополѣ и вошло въ переговоры съ австрійскимъ правительствомъ²⁾. Между тѣмъ митрополитъ Филаретъ, долго не получая никакого отвѣта на свое сообщеніе и ясно сознавая сильный вредъ всякаго рода медлительности въ такомъ дѣлѣ, 10 апрѣля 1847 года послалъ вторичное донесеніе уже Святѣйшему Синоду, въ которомъ снова сообщая о настоячивыхъ и не подлежащихъ сомнѣнію слухахъ о расколическомъ заграничномъ архіерей и о томъ, что отъ него «былъ уже въ Москвѣ посланный, входилъ съ рогожскими расколическими въ сношеніе и получилъ отъ нихъ денежныя пособія»³⁾, въ то же время долгомъ поставилъ «представить на благоусмотрѣніе Св. Синода, не признано ли будетъ возможнымъ и должнымъ войти въ каноническое сношеніе съ Константинопольскимъ патріархомъ и Синодомъ, и, смотря по надобности, и съ прочими православными патріархами, чтобы сообщившійся съ расколическими архіерей былъ отъ сей погрѣшности исправленъ и сообщеніе съ ними прекра-

¹⁾ Приблизно свѣдѣнія объ этихъ сношеніяхъ и переговорахъ см. въ „Сборникѣ правительственныхъ свѣдѣній о расколическихъ“ Кельсіева. Лондонъ. 1860 г. 1-й вып. 135 — 165 стр. 1861 г. 2-й вып. 293 — 298 стр.

²⁾ Разумѣется только что поставленный Амвросіемъ лжеархимандритъ Геронтій (Левинъ), вскорѣ потомъ (въ концѣ мая) арестованный русскимъ правительствомъ. Кельсіевъ. Вып. 1-3 147—148 стр.

³⁾ Тамъ же, 8 стр. 3 т. 551 стр. в Русск. Вѣст. 1861 г. Дек. 665 стр.

тиль, а въ противномъ случаѣ былъ подвергнутъ силѣ церковныхъ правилъ». «Нѣтъ сомнѣнія, — продолжалъ онъ, — что московскіе расколоводители поповщинскаго толка смотрять на пріобрѣтеніе архіерея, «какъ на свѣтлую для себя зарю. Теперь они могутъ внушить своимъ послѣдователямъ, что ихъ общество укрьпляется и возвышается, потому что имѣеть уже архіерея, и притомъ признаннаго правительствомъ¹⁾, что теперь значительно для нихъ уменьшается опасеніе лишиться священниковъ, которыхъ въ случаѣ нужды можно достать изъ за границы, что при такихъ обстоятельствахъ можно рѣшительнѣе удалиться отъ всякаго сношенія съ російскимъ общеправославнымъ и единовѣрческимъ священствомъ. Очевидно, что здѣсь является новая сильная преграда сближенію рогожскихъ раскольниковъ съ православною церковію. Таковое новое покушеніе раскольниковъ утвердить и усилить расколъ не должно быть оставлено безъ вниманія духовнаго начальства. Попущеніе отвалечь православнаго архіерея къ общенію съ раскольниками есть немаловажный случай для церкви и православія. Есть церковныя правила, которыхъ силу православная іерархія обязана обратить противъ сего случая и въ семъ найти средство къ обезопасенію мира церковнаго и къ сокращенію опоры, которую расколъ думаетъ поставить себѣ образованіемъ собственной раскольнической іерархія. Сообщающихся и молящихся съ отлученными отъ церкви и съ раскольниками правило апостольское 10-е, антиохійскаго собора 2-е и лаодикійскаго 33-е самихъ повелѣваютъ осуждать и отлучать отъ церкви. Раскольники и сами себя отлучаютъ отъ православной церкви, и отлучены отъ оной каноническимъ постановленіемъ московскаго собора 1667 года, которое утверждено и подписано и восточными патриархами: Паисіемъ Александрійскимъ и Макаріемъ Антиохійскимъ. Слѣдственно архіерей, вошедшій въ общеніе съ раскольниками, самъ подлежитъ осужденію и отлученію отъ церкви, если не исправитъ своей погрѣшности, можетъ быть, по невѣдѣнію допущенной». А такъ какъ «найденный раскольниками и усвоенный ими архи-

¹⁾ Разумѣется австрійскимъ.

ерей принадлежитъ вѣдѣнію патриархія Константинопольской», то и подлежитъ прежде всего ея суду¹⁾. Въмѣстѣ съ изложеннымъ донесеніемъ митрополитъ Филаретъ представилъ Св. Синоду и самый проектъ посланія къ вселенскому патриарху Анеиму, содержащій извѣщеніе о случаѣ, «столько-же оскорбительномъ для достоинства Константинопольской іерархія, сколько неблагоприятномъ для церкви Россійской», и просьбу, чтобы его святѣйшество употребилъ для пресѣченія новаго соблазна, произведеннаго Амвросіемъ, силу церковныхъ правилъ и данной ему отъ Бога власти, побудилъ непокорнаго епископа принести покаяніе, отвергнуть и осудить общеніе раскольническое и возвратиться въ истинное общеніе церковное, а въ противномъ случаѣ осудилъ бы его съ самоосужденными и, если онъ отважился совершать неблагословенныя рукоположенія, то и оныя осудилъ бы силою церковныхъ правилъ²⁾.

Благія мысли и намѣренія митрополита Филарета были приняты Святѣйшимъ Синодомъ со всеѣмъ подобающимъ вниманіемъ: проэктированное имъ посланіе, безъ всякихъ измѣненій, 30-го іюня 1847 года было утверждено³⁾ и чрезъ государственнаго канцлера иностранныхъ дѣлъ препровождено Святѣйшимъ Синодомъ къ Константинопольскому патриарху Анеиму, отъ котораго, въ свою очередь, въ концѣ того же года, была получена и отвѣтная грамота съ осужденіемъ Амвросія. Грамотѣ этой святитель Филаретъ, насколько можно видѣть изъ письма его къ епископу Пермскому Аркадію отъ 10 марта 1848 года, придавалъ большое значеніе въ дѣлѣ опроверженія зловредныхъ слуховъ о раскольническомъ архіерей, успѣвшихъ быстро распространиться «отъ австрійской границы до Сибири», и весьма сожалѣлъ, что такой важный документъ незаконности новоизобрѣтенной іерархія не былъ своевременно сообщенъ всеѣмъ православнымъ архіереямъ. «Хвалящіеся любовью старины, — писалъ онъ преосвящ. Аркадію, — возлю-

¹⁾ Собр. мѣн. и отъ.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же и Собр. постанов. по ч. раскола 1860 г. 440—443 стр.

били новость. Была новость — бѣгле священники; но какъ она довольно устарѣла, то изобрѣли еще новую — бѣглаго архіерея... Сообщаю вамъ проектъ синодальной грамоты по сему предмету. Какъ послѣдствіе сего сношенія сообщая виписку изъ грамоты Константинопольскаго патріарха Синоду. Сообщаю вамъ мною виписку, думаю, не безполезно было бы сообщить всѣмъ преосвященнымъ, чтобы знали, что отвѣчать на молвы о раскольническомъ архіерей. Не знаю, почему сія мысль не пришла тѣмъ, отъ которыхъ сіе зависитъ¹⁾.

Такимъ образомъ со стороны митрополита Филарета для ослабленія новаго зла, можно сказать, было сдѣлано все для него возможное. Правда, всѣ его старанія и труды, какъ мы выше замѣтили, оказались уже запоздалыми: въ общемъ результатѣ ихъ сношенія русскаго правительства съ австрійскимъ, слѣдствіемъ которыхъ была ссылка митрополита Амвросія въ Цилли, на посланіе Русской церкви къ патріарху Константинопольскому съ отвѣтной грамотой послѣдоваго, не достигли, какъ извѣстно, конечной, желательной цѣли — важнаго уничтоженія народившейся раскольнической лжеіерархіи, або благодаря неизвинительному равнодушію и бездѣйствію нашихъ консульствъ въ Австріи и Константинополь съ одной стороны, и обычному искусству раскольниковъ обдѣлывать въ тайнѣ свои всевозможныя дѣла съ другой, — пропущенъ былъ самый важный моментъ исторіи бѣлокриницкаго священства — поставленіе Амвросіемъ перваго въ строгомъ смыслѣ старообрядческаго архіерея Кирилла; послѣ этого дальнѣйшее существованіе новозобрѣтенной мнимо «древле-православной» іерархіи было обезпечено, и не только за границей, но и въ Россіи, несмотря на строгія постановленія правительства относительно наблюденія за сношеніями нашихъ раскольниковъ съ буковинскими²⁾, такъ что не далѣе какъ въ мартѣ 1850 года самому митрополиту Филарету пришлось доносить оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода о лавъ

нившихся у московскихъ раскольниковъ двухъ лжеєпископахъ, получившихъ хиротонію въ Австріи³⁾. Однако всѣ эти обстоятельства, нисколько не ослабляютъ цѣну предпринятыхъ московскимъ архіепастыремъ трудовъ по сему дѣлу и не могутъ опровергать замѣчальной его дальновидности, какъ совершенно не зависѣвшія отъ него.

Несправедливо было бы также упрекать въ недалковидности правительство императора Николая и особенно митрополита Филарета за то, что благодаря именно имъ горячо защищаемой системѣ послѣдовательнаго стѣсненія бѣглопоповства возникла австрійская лжеіерархія, представляющая изъ себя въ настоящее время, уже по одному количеству своихъ членовъ, несравненно большее зло, чѣмъ прежнее бѣгствующее священство. Упрекать за происхожденіе новаго зла, явившагося въ поповщинскомъ расколѣ вслѣдствіе прекращенія зла же, передъ тѣмъ существовавшаго, значило бы въ иѣкоторомъ родѣ оправдывать потворство злу; а что бѣглопоповство дѣйствительно было и есть зло, — объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, и никто, конечно, не въ состояніи опровергнуть вышеприведенныхъ противъ него доводовъ митрополита Филарета. Притомъ, въ строгомъ смыслѣ, оно было зломъ, развившимся въ нѣдрахъ самой православной церкви, *ея собственнымъ недостаткомъ*, такъ что заботиться объ искорененіи такого зла церковь и государство обязаны были *ради своихъ собственномъ интересовъ, помимо ея отношенія къ расколу*. Затѣмъ и самая мысль о тѣсной, органической, почти исключительной связи между оскуднѣніемъ бѣглыхъ священниковъ и возникновеніемъ австрійскаго священства подлежитъ еще значительному ограниченію. Правильнѣе думать, что оскуднѣніе бѣглопоповства было не причиной, а лишь поводомъ къ возникновенію въ поповщинскомъ расколѣ австрійской лжеіерархіи; истинной же причиной этого была общая всѣмъ раскольническимъ сектамъ непримиримая вражда къ православной церкви, отъ которой бѣглопоповцы и раиѣе, при

¹⁾ Душ. Чт. 1877 г. 3 кн. 530—531 стр.

²⁾ Собр. востан. по ч. раскола 1858 г. 484 стр.; Расколъ, какъ ортодоксальная враждебная Россіи партія. Русск. Вѣстн. 66 г. 130—131 стр.

³⁾ Собр. мѣст. и отв. 3 т. 336—338 стр.

обилии бѣглыхъ поповъ, усиленно домогались достигнуть поднаго отдѣленія чрезъ приобрѣтеніе епископовъ же, которые избавили бы ихъ отъ необходимости обращаться къ церкви за бѣглыми попами.

Ко всему сказанному должно прибавить, что новоучрежденная австрійская раскольническая лжеіерархія, проникнувъ въ Россію, все-таки не смѣла открыто заявлять себя здѣсь до самой смерти императора Николая, и съ полною вѣроятностью можно думать, что ея значеніе и размноженіе были бы вовсе не такъ значительны, такъ теперь, если бы по смерти императора Николая всѣ дѣла по расколу не приняли иного направленія.

Исторія раскола безпоповщинскаго въ царствованіе императора Николая не была такъ богата крупными событіями, какъ исторія раскола поповщинскаго. Этимъ объясняется, почему онъ менѣе занималъ вниманіе правительства, несмотря на то, что считался болѣе вреднымъ сравнительно съ поповщинскимъ расколомъ. Однако и здѣсь совершались такого рода явленія, на которыя правительство должно было обратить серьезное вниманіе, коль скоро поставило одною изъ главныхъ задачъ своей дѣятельности возможное ослабленіе раскола чрезъ прекращеніе его вредной пропаганды и чрезъ ограниченіе его вредныхъ ученій, ибо и безпоповцы, одинаково съ поповцами усилившіеся къ концу царствованія Александра I, продолжали всѣми силами и неправдами увлекать православныхъ въ свои сѣти и съ большою свободою проявляли свои безобразныя воззрѣнія на бракъ и правительство. И такъ какъ въ этомъ отношеніи Преображенское Кладбище попрежнему занимало первое мѣсто, то правительство и въ частности митрополитъ Филаретъ особенно усиленно стремились къ ограниченію его своеобразія.

Для пропаганды своего лжеученія и для большого еще обогатенія своего Кладбища ведосѣвцы воспользовались появившеюся въ 1831 году холерою подобно тому, какъ Коваливъ воспользовался моровой язвой 1771 года для основанія самаго Кладбища. Услышавъ объ этомъ, митрополитъ Филаретъ принялъ мѣры къ возможному противодѣйствію ихъ про-

пагандѣ. Случилось, что преосвящ. архіепископъ Калужскій Григорій проездомъ задержанъ былъ въ карантинѣ въ подгородномъ селѣ Сандырахъ¹⁾ и узнавъ здѣсь, что раскольники-безпоповцы, «превратно толкуя распоряженія начальства, сдѣланныя для предохраненія народа отъ заразительной болѣзни, внушаютъ простямъ, будто настало время антихристово, будто карантинный билетъ есть печать, или знаменіе антихристово, и прочими таковыми внушеніями стараются отвратить народъ отъ церкви». Онъ сообщилъ объ этомъ митрополиту Филарету. Принявъ во вниманіе это извѣстіе и огорченный тѣмъ, что мѣстные православные священники не сообщили ему о томъ никакихъ свѣдѣній, митрополитъ Филаретъ нашелъ нужнымъ написать по сему случаю пастырское увѣщательное поученіе къ коломенскому и прочему духовенству своей епархіи. «Болѣзненно слышать, — писалъ онъ между прочимъ въ этомъ поученіи, — что раскольники, разсѣвая лжеученіе, въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній, недостойнство православныхъ священниковъ стараются доказать тѣмъ, что они ничему не учатъ въ настоящее время. Коломенскому и прочему духовенству надлежитъ всемѣрно стараться какъ о томъ, чтобы успѣхи лжеученія остановить, такъ и о томъ, чтобы не подавать повода къ обличенію себя въ недостатокъ благочестивой ревности, вредномъ православію, выгодномъ расколу и, слѣдственно, тяжко-осудительномъ для духовенства. Надлежитъ духовенству, въ простыхъ и вразумительныхъ поученіяхъ при Богослуженіи и, кромѣ того, при всѣхъ благопріятныхъ случаяхъ, въ собесѣдованіи домашнемъ, внушать народу, что настоящее Божіе посѣщеніе многихъ мѣстъ опасностію отъ заразительной болѣзни и самую болѣзнь послано для временнаго наказанія грѣховъ нашихъ, для возбужденія насъ къ молитвѣ, покаянію, укрѣпленію въ вѣрѣ, исправленію житія, и такимъ образомъ для предохраненія насъ отъ осужденія вѣчнаго, итакъ долженъ каждый обратиться къ симъ средствамъ временнаго и вѣчнаго спасенія: къ молитвѣ,

¹⁾ Въ 3-хъ верстахъ отъ Коломны.

къ покаянію, къ вѣрѣ въ Бога и Господа нашего Иисуса Христа, къ исправленію житія, а не влатися и скататися вслѣдъ вѣтроу ученія, во лжи челоуѣчествій, въ коварствѣ козней лицеміа, къ горшиму осужденію за невѣрность предъ Богомъ и Его церковію. Губительная болѣзнь была и при благочестивомъ царѣ Давидѣ: но сіе не означало того, будто Богъ оставилъ церковь свою. И въ отечествіи нашемъ была заразительная болѣзнь въ 1771 году, и тогда употребились карантинныя предосторожности, по необходимости причинившія нѣкоторое затрудненіе народу: всикій видѣть, что то не было антихристово время; ибо время бѣдствія, по благодати Божіей, прошло и никакого антихриста не двизлось. Подобнымъ образомъ великій разсудить можетъ и о настоящемъ времени. Святая вѣра, въ настоящее посѣщеніе Божіе, не только ничѣмъ не стѣсняется, но и получаетъ новую силу, во дѣйствию Провидѣнія Божія, которое и наказанія обращаетъ въ благодѣянія и зло въ добро. Въ Москвѣ и, по сѣдѣніямъ, повсюду въ другихъ мѣстахъ, святыя храмы обыкновенно наполнены молящимися, кающимися, приобщающимися святыхъ таинъ: не благодать ли Христова внушаетъ сіи спасительныя дѣйствія? Слѣдственно, не Христосъ ли царствуетъ?...» «Что же касается до карантинныхъ предосторожностей, ихъ признали въ Москвѣ и сами раскольники того и другого толка, и повозница и безповозница, и больницу для пользованія отъ холеры учредили, и врача отъ начальства приняли: слѣдственно и сами раскольники не видятъ тутъ никакого знаменія антихристово». «Таковыя и сими подобныя внушенія», писалъ въ заключеніе бдительный архипастырь, «смотря по ближайшимъ мѣстнымъ слѣдствіямъ и по усмотрѣнію потребности, духовенство должно дѣлать со всевозможнымъ тщаніемъ, предлагая, что можно и прилично, въ церковныхъ поученіяхъ; чего въ церковныхъ поученіяхъ представлять неудобно, то дополнительно изъясняя въ благочестивыхъ собесѣдованіяхъ, кромя Богослуженія¹⁾».

¹⁾ Чт. и Общ. истор. в древ. 1876 г., 2 кн., 125—127 стр.

Несомнѣнно, многихъ православныхъ удержало отъ уклоненія въ расколъ благовременное распоряженіе и глубоко назидательное наставленіе святителя Филарета; при томъ же, по его собственнымъ словамъ, значительно умножились въ Москвѣ обращенія и самихъ раскольниковъ къ православной церкви, въ чемъ онъ видѣлъ явные слѣды Промысла Божія. Но, въ свою очередь, и наставники Преображенскаго Кладбища далеко не бездѣйствовали. Подъ влияніемъ ихъ проповѣди, а еще болѣе ложныхъ слуховъ о чудотворной силѣ принадлежащихъ имъ древнихъ иконъ, на Преображенскомъ Кладбищѣ повторились сцены Ковилинскаго времени: съ развитіемъ болѣзни стеченіе народа въ пріютахъ увеличивалось, — въ женскомъ отдѣленіи дошло до 3000, въ мужскомъ до 800 челоуѣкъ; вмѣстѣ съ раскольниками искали спасенія отъ смерти въ стѣнахъ Кладбища и православные. Всѣхъ умирающихъ наставники насильно заставляли жертвовать имущество въ пользу общины, а православныхъ кромя того — перекрещиваться. Кромя пріютовъ на Преображенскомъ Кладбищѣ, раскольниками была устроена больница въ домѣ кунца Бавыкина, гдѣ повторились тѣ же соврашенія въ расколъ и возмутительныя сцены почти насильственнаго захвата имущества умирающихъ. Подобныя явленія не могли укрыться отъ митрополита Филарета, внимательно слѣдившаго за всѣмъ происходившимъ въ обонихъ московскихъ центрахъ раскола²⁾; и отъ «прозорливаго» правительства императора Николая, которое, первоначально положивъ предѣлъ своеволіямъ меньшихъ мѣстныхъ центровъ безповозничскаго раскола — богадѣленнаго Палулинскаго дома въ г. Судиславлѣ³⁾ и богадѣльни съ больницей и училищемъ въ Ригѣ⁴⁾, наконецъ въ 1834 году рѣшилось приступить къ ограниченію своеволій и Преображенскаго богадѣленнаго

¹⁾ См. напр., порученіе сто своему викарному Виталию. Прав. Обзор. 1887 г. 1 т. 243 стр.

²⁾ Собран. постанов. по ч. раскола 1838 г. 114—129 стр. постанов. отъ 23 янв. 1830 г.

³⁾ Тамъ же, 134, 135—137, 139—143 стр. постанов. отъ 14 мая 1832 г. и 26 марта 1833 г.

дома (одновременно съ Рогожскимъ Кладбищемъ). 26 мая этого года Высочайше постановлено было на обоихъ московскихъ раскольническихъ Кладбищахъ оставить лишь трехъ-лѣтнихъ сиротъ и подкидышей, остальныхъ до 12-лѣтняго возраста отдать въ Воспитательный домъ; свыше 12-ти лѣтъ лишь мужскаго пола зачислить въ военные кантонисты, женскаго пола взрослыхъ по возможности пристроить; остальныхъ же, а равно и тѣхъ, которымъ не найдется приличныхъ занятій, обратить въ Воспитательный домъ¹⁾. 24-го декабря того же 1834 года указанное распоряженіе было нѣсколько измѣнено и усилено, а именно повелѣно было: всѣхъ подкидышей мужскаго пола считать военными кантонистами; подкидышей менѣе 3-хъ лѣтъ оставить на Кладбищѣ; имѣвшихъ отъ 3-хъ до 15-ти лѣтъ отдать въ Воспитательный домъ, а съ 16-лѣтняго возраста отсылать ихъ въ учебныя карабинерныя полки; на будущее время всѣхъ подкидышей считать военными кантонистами; относительно же подкидышей женскаго пола руководствоваться ранѣйшимъ распоряженіемъ отъ 26 мая²⁾. Черезъ четыре года послѣ этихъ постановленій правительство, руководясь совѣтомъ митрополита Филарета³⁾, коснулось своими распоряженіями недвижимыхъ имуществъ Преображенскаго Кладбища, состоящихъ въ домахъ, лавкахъ, заводахъ, лугахъ⁴⁾, которыя, какъ пріобрѣтенныя незаконно, безъ Высочайшаго разрѣшенія, въ противность рескрипту 15 мая 1809 года, повелѣно было продать, а вырученныя деньги обратить въ пользу Дома, за которымъ, въ свою очередь, также повелѣно было мѣстному начальству наблюдать, чтобы онъ «сохранялъ характеръ наравнѣ съ подобными

частными благотворительными заведеніями»¹⁾. Несмотря на всю строгость и рѣшительность этого правительственнаго распоряженія, раскольники - преображенцы, съ помощью продажныхъ чиновниковъ, въ особенности позорной памяти чиновника губернаторской канцеляріи — Тургенева, умѣли и успѣли ослабить ихъ силу и обойти ихъ съ своимъ обычнымъ искусствомъ. Такъ, предувѣдомленные Тургениевымъ относительно перваго указа, попечители быстро переправили съ Кладбища до 200 прижитыхъ извѣстными прихожанами воспитанниковъ въ Коломну, въ село Иваново, въ Судиславль и другія мѣста, извѣстивъ въ то же время о содержаніи указа и тѣхъ, кого считали нужнымъ, такъ что смотрителю Кладбища, обязанному приводить въ исполненіе распоряженіе правительства, пришлось взять не болѣе 20 питомцевъ, да и тѣ вскорѣ снова возвращены были матерямъ²⁾. Еще легче и искуснѣе раскольники справились съ правительственнымъ постановленіемъ относительно продажи недвижимыхъ имѣній Кладбища: все почти имущество было фиктивно куплено на торгахъ бывшимъ въ то время попечителемъ того же Кладбища 1-й гильдіи купцомъ Федоромъ Алексѣевымъ Гучковымъ за 75.000 рублей и только незначительная часть — купцомъ Николаемъ Гусаревымъ за 1403 р.³⁾. Такимъ образомъ, и законъ казался исполненнымъ и богадѣленный домъ не потерпѣлъ никакого ущерба. Никакихъ почти результатовъ не имѣла также и произведенная послѣ сего, по Высочайшему повелѣнію, внезапная ревизія Преображенскаго Кладбища графомъ Строгановымъ, такъ какъ опять продажное чиновничество явилось на помощь раскольникамъ⁴⁾. Но такой порядокъ вещей не могъ долго продолжаться; наглость раскольническихъ дѣйствій была слишкомъ очевидна, чтобы не замѣтить ее.

1) Собр. постан. по ч. раскола 1858 г. 161—162 стр.

2) Тамъ же, 172—173 стр.

3) См. выше.

4) Подробный перечень всѣхъ недвижимыхъ имѣній Преображенскаго Кладбища см. въ Хр. Чт. 1887 г. 2 кн. 599—602 стр. — «Организація и самоуправленіе Богословской общины на Преображенскомъ Кладбищѣ въ Москвѣ». В. Васильева.

1) Собр. постан. по ч. раскола 1858 г. 297—299 стр. — пост. отъ 9 апр. 1838 г.

2) Кельсиевъ. Вып. I-й 69—70 стр.

3) Христ. Чт. 1887 г. 2 кн. 608 стр.

4) Кельсиевъ. Вып. I-й 73—74 стр.

Энергическое вмешательство въ дѣла Преображенскаго Кладбища со стороны митрополита Филарета положило ей конецъ, по крайней мѣрѣ на время.

Основаниемъ и поводомъ къ такому вмешательству послужили для митрополита Филарета уже известный намъ по содержанию, кѣмъ-то доставленный ему, списокъ такъ называемыхъ «Отеческихъ записаній» и рукописныя книги, препровожденныя къ нему московскимъ гражданскимъ губернаторомъ Сениавинымъ: «Объявленіе о согласіи монастырскихъ, или мануальныхъ» и «Показаніе о единомъ общемъ христіанскомъ пути». 28-го апрѣля 1844 года онъ внесъ списокъ и книги на разсмотрѣніе московскаго секретнаго совѣщательнаго комитета и особой запиской просилъ обратить вниманіе на заключающееся въ нихъ вредное политическое и нравственное ученіе, «неизбѣжно ведущее не только къ нарушенію спокойствія православной церкви, но и къ нарушенію законовъ и порядка гражданского и къ разрушенію нравственности», «къ матажу, разврату и дѣтубійству», и притомъ представляющее изъ себя не простую копию старыхъ погрѣшительныхъ мнѣній, но фабрикацію новыхъ правяль, главнымъ виновникомъ и распространителемъ которыхъ, по ихъ которымъ основаніямъ, долженъ быть признанъ главный настоятель Кладбища — Семенъ Кузьминъ. При этомъ митрополитъ Филаретъ, хотя и не ручался за полную официальную достовѣрность дошедшаго до него списка «Записаній», такъ какъ подобнаго рода «свидѣнія, — по его словамъ, — открываются по случаямъ, частію при обращеніи нѣкоторыхъ отъ раскола къ православію», и «большею частію не могутъ быть приведены къ officialному виду, потому что и обращающіеся къ православію не отваживаются открыто поставить себя свидѣтелями противъ раскольниковъ, опасаясь мщенія, къ которому раскольники, при обширныхъ денежныхъ средствахъ, находятъ много способовъ»; однако, съ своей стороны, помня, что не подлежащая сомнѣнію достовѣрность рукописныхъ книгъ, доставленныхъ Сениавинымъ и по содержанию почти совсѣмъ съ «Записаніями», подтверждаетъ достовѣр-

ность и этихъ послѣднихъ¹⁾. Къ такимъ разоблаченіямъ тайны Преображенскаго Кладбища правительство, уже въ виду самаго характера ихъ, не могло остаться и дѣйствительно не осталось равнодушнымъ, тѣмъ болѣе, что въ томъ же 1844 году до свѣдѣнія московскаго совѣщательнаго комитета дошло и другое не менѣе важное извѣстіе о сношеніяхъ его старшинъ съ саратовскими раскольниками, обличавшихъ важное центральное значеніе Кладбища для всего Федосѣевского раскола. Правда, послѣдствія донесенія митрополита Филарета и этого послѣдняго извѣстія, но непонятнымъ причинамъ, обнаружилась не такъ скоро, какъ бы слѣдовало ожидать, ибо министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, почему-то считалъ неудобными скорая и точная разслѣдованія по этому предмету; но съ 1847 года, когда тотъ же Перовскій вошелъ по изложеннымъ обстоятельствамъ со Всенароднымъ совѣщательнымъ докладомъ, противъ Преображенскаго Кладбища направлено было цѣлый рядъ ограничительныхъ мѣропріятій, которыя послѣдовательно лишили это гнѣздо раскола многихъ противозаконно присвоенныхъ имъ правъ и привилегій и привели къ общему результату къ тому же, къ чему привели мѣропріятія противъ Рогожскаго Кладбища, т.-е. къ тому, что и здѣсь было поспѣшно, даже нѣсколько ранѣе, чѣмъ на Рогожскомъ, «доброе сѣмя» Единовѣрія, не говори о замѣтномъ ослабленіи безнравственности среди самихъ раскольниковъ²⁾.

Въ царствованіе императора Николая послѣдовало открытіе дотогѣ остававшейся неизвѣстной секты Сопелковской,

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв., 3 т., 107—109 стр.

²⁾ Какъ при изложеніи исторіи противораскольнической дѣятельности митрополита Филарета въ отношеніи къ Рогожскому Кладбищу, такъ равно и здѣсь, мы не доводимъ ее до самаго конца царствованія императора Николая, къ виду того, что за этотъ періодъ времени, особенно съ поступленіемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикова и съ учрежденіемъ особаго временнаго управленія для производствъ дѣлъ о раскольникахъ, — она стоятъ въ тѣсной, неразрывной связи съ исторіей дѣятельности относительно Единовѣрія, о которой будетъ рѣчь далѣе.

или Страннической¹⁾. При сужденіи объ этой сектѣ и способахъ противодѣйствія ей правительство не обошлось безъ помощи митрополита Филарета, и его авторитетный голосъ въ этомъ дѣлѣ имѣлъ рѣшающее значеніе. По опредѣленію Святейшаго Синода отъ 2-го марта 1853 года, къ нему препровождены были «на предварительное разсмотрѣніе и заключеніе» добытыя Комиссіей министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія о Странникахъ, а также показанія сектаторовъ и журнальныя постановленія о нихъ ярославскаго секретнаго совѣщательнаго комитета, присланныя въ Синодъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. На основаніи этихъ, въ сущности довольно отрывочныхъ и разрозненныхъ, извѣстій, митрополитъ Филаретъ представилъ стройное, ясное и доказательное изложеніе «происхожденія секты, ея ученія и духа, дознанныхъ дѣлъ сектаторовъ и наиболѣе необходимыхъ мѣропріятій противъ открывшагося зла»²⁾.

1) Болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ смотр. въ Историч. Вѣстникѣ 1886 г. март. 622—625 стр., июль 47—56 стр.; ср. также Собр. пост. по ч. раскола 1858 г. 578—582 стр. и Варадиновъ 529—537 стр.

2) Насколько извѣстія о Страннической сектѣ, присланныя митрополиту Филарету, были дѣйствительно отрывочны и разрознены и насколько выполненный имъ трудъ систематизаціи былъ дѣломъ далеко не легкимъ, объ этомъ можно судить уже изъ одного перечня бумагъ, къ нему препровожденныхъ. Онъ получилъ: 1) копій съ трехъ, состоявшихся въ ярославскомъ секретномъ совѣщательномъ комитетѣ, журнальныхъ постановленій по дѣлу о сектѣ Странниковъ; 2) копій съ отношеній члена слѣдственно-судной комиссіи д. с. с. Алябьева, съ свѣдѣніями о Страннической сектѣ, извлеченными изъ слѣдствія, произведеннаго графомъ Стевбокомъ (см. у Кельсіева, вып. 2, 41—75 стр.), съ приложеніемъ а) выписокъ изъ 21 показанія странниковъ и другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу людей (часть ихъ см. тамъ же 4 вып. 287—290 стр.), б) постановленія слѣдователя о показаніи странника Меводія (тамъ же 286 стр.), в) копій съ исповѣданія наставника Александра Васильева Лубенцова (279—284; 290 стр.) и г) переписки съ начальникомъ Владимірской губерніи объ основателѣ секты Евѳиміи. 3) Копіи съ доставленныхъ изъ слѣдственно судной комиссіи: разглагольствія старца Евѳимія, писаннаго въ 1784 году (4 вып. 248—252 стр.), съ его посланія, писаннаго 1787 году (252—258 стр.),

Въ исторіи происхожденія Страннической секты особеннаго вниманія заслуживала, по мнѣнію митрополита Филарета, ея тѣсная связь съ безпоповщинскими сектами — филипповцевъ, ѳедосѣевцевъ и поморцевъ, отчего она вполне справедливо можетъ быть названа «дочерью безпоповщинской секты». Эта связь странничества съ безпоповщиной открывается, по его словамъ, изъ самыхъ походовъ основателя странническаго ученія, Евѳимія. Онъ, послѣ побѣга своего изъ Переяславля¹⁾, по указанію наставника Мокея, нашель пріютъ въ Москвѣ, у старцевъ филипповскаго согласія, въ вѣру которыхъ и крестился; затѣмъ пойманный и отданный въ солдаты, снова бѣжалъ и, повидимому, скрывался на Преображенскомъ Кладбищѣ, гдѣ постригся и былъ опредѣленъ старцами въ поморскій скитъ. Отсюда, послѣ ссоры съ настоятелемъ Адрианомъ, опять отправился въ Москву, но не найдя у старцевъ защиты, переселился въ Ярославль, гдѣ и сдѣлался основателемъ секты, разорвавъ связь съ безпоповщиной. Но и отдѣлившись отъ безпоповщины, Евѳимій однако въ общемъ удержалъ ея ученіе, что служитъ другимъ доказательствомъ тѣсной связи между обѣими сектами. По показанію Странницы Аполлиаріи, Странники, переходящіе въ филипповскій и ѳедосѣевскій толки, не переkreщиваются, а это значитъ, что и по отдѣленіи Евѳимія филипповцы и ѳедосѣевцы «почитаютъ Странниковъ одной съ собой вѣры, хотя не во всемъ однѣхъ мнѣній». «По показанію Странницы Ирины, наставники Страннической секты требуютъ соблюденія устава Соловецкаго монастыря, то-есть, раскольниковъ, бунтовавшихъ

и съ сочиненія наставника Никиты Семенова: Малый образъ ересей раскольнической секты (274—277 стр.), съ переписки съ начальниками тѣхъ губерній, куда проникало странническое ученіе, съ показаній и постановленій о нравственности сектаторовъ и наставниковъ странническаго ученія; съ выписки изъ дополнительнаго показанія наставника Дмитрія Егорова и копій съ отношенія начальника Олонецкой губерніи о страннической сектѣ. Собр. мнѣн. и отв. дополи. т. 378—379 стр.

1) Евѳимій происходилъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ Переяславскаго уѣзда.

въ Соловецкомъ монастырѣ. Слѣдственно секта Странниковъ руководствуется въ богослуженіи уставомъ безпоповщинской секты». Равнымъ образомъ и въ исповѣданіи Странника Александра Васильева есть ученіе, тождественное съ ученіемъ безпоповщинскаго толка. «Сочинитель неоднократно ссылается на Поморскіе Отвѣты, какъ на доказательство его ученія. И въ ученіи объ антихристѣ, пространно изложенномъ, сочинитель не разнится съ филипповцами и еедосѣвцами». Наконецъ, «по показанію наставника Мокея, московскою паствою (то-есть сектою Странниковъ въ Москвѣ) управлялъ Иванъ Юдичъ и проживалъ въ Москвѣ у купцовъ Гучковыхъ (первенствовавшего въ Москвѣ раскольническаго дома на такъ называемомъ Преображенскомъ Кладбищѣ): значительный призванъ, что секта Странниковъ, и образовавшись въ отдѣльности, не чужда была раскольникамъ Преображенскаго Кладбища». «Ближайшее изъ сего заключеніе, — продолжаетъ митрополитъ Филаретъ, изложивъ исторію возникновенія странническаго ученія, — то, что если бы вредной безпоповщинской сектѣ не было попущено той свободы дѣйствовать и распространяться, какую она имѣла частію по избыточествующему снисхожденію правительства и еще болѣе по причинѣ потворства мѣстныхъ начальствъ, то не родилась бы вреднѣйшая секта Странниковъ. Если бы Евѣимій, бѣглый въ Москвѣ, потомъ военный дезертиръ въ Москвѣ, дезертиръ въ Поморскомъ скитѣ, опять въ Москвѣ, потомъ въ Ярославлѣ и тамошнихъ деревняхъ, хотя однажды взятъ былъ въ руки правосудія и въ нихъ удержанъ, то не существовала бы зловредная секта Странниковъ». Но этого мало; благодаря той же невнимательности и намеренному потворству мѣстныхъ должностныхъ лицъ, къ сожалѣнію, не исключая и духовныхъ, зловредная секта, — прибавляетъ онъ, — нашла возможность не только появиться, но и, подобно безпоповщину, дѣйствовать и распространяться «въ нѣсколькихъ губерніяхъ». «Въ одномъ Ярославскомъ уѣздѣ, по показанію странника Аполлинарія, секта находится въ 18-ти деревняхъ, и въ нихъ 83 пристанодержателя бѣглыхъ. По ея же пока-

занію, странническимъ ученіемъ заражено все село Сопелки, и въ немъ болѣе ста Странниковъ открыто проживали, такъ что существованіе секты въ селѣ Сопелкахъ представляется не тайнымъ, а славнымъ и знаменитымъ, — отъ села она даже получила наименованіе «Сопелковскій согласъ». Отсюда «невнимательность должностныхъ лицъ, обязанныхъ противодействовать злу», по мнѣнію митрополита Филарета, не можетъ подлежать сомнѣнію. «Трудно представить, говорить онъ, чтобы все сіе происходило только при невѣдѣніи, а не вслѣдствіе попущенія ближайшихъ мѣстныхъ начальствъ. Правда, для Странниковъ пристанодержатели устроили въ домахъ потаенныя помѣщенія; но что сіе не уничтожало возможности находить бѣглыхъ, то можно видѣть изъ примѣровъ другихъ мѣстъ, гдѣ Странники, будучи не въ такомъ большомъ числѣ, были открываемы и предаваемы въ руки правосудія». Что же касается потворства зловредной сектѣ со стороны духовенства, то виновность ихъ, подтверждается и прямыми свидѣтельствами сектантовъ. «Странница Васса говоритъ, что священникамъ сектанты платятъ, чтобы показывали ихъ бывшими у исповѣди; также дорого платятъ за похороны. Странница Аполлинарія говоритъ, что Костромской губерніи, въ селѣ Вичугѣ, или въ деревнѣ Коробовѣ, священникъ засталъ Странниковъ въ моленной и взялъ съ нихъ 150 рублей за то, чтобы не оглашать сего». Точно также «показаніе крестьянина Ѳедора Андреева открываетъ виновнаго въ потворствѣ сектантамъ въ нынѣшнемъ священникѣ села Сопелокъ, а въ двухъ предшественникахъ его, кажется, жертвы вѣрности своему долгу. Онъ говоритъ: «прежде нынѣшняго священника, съ которымъ раскольники живутъ дружно, два священника умерли будто бы не своею смертію». Наконецъ, благочинный села Никольскаго, въ двухъ деревняхъ котораго, по свидѣтельству странника Аполлинарія, Сопелковскій согласъ существуетъ, написалъ «почти доносъ на самого себя», ибо представивъ комиссіи выписку изъ исповѣдныхъ книгъ о четырехъ деревняхъ (въ томъ числѣ и о двухъ упомянутыхъ) и сдѣлавъ въ ней вычисленіе, что по средней сложности въ сихъ

деревняхъ ежегодно было исповѣдавшихся и причастившихся 15 раскольниковъ, исповѣдавшихся и не причастившихся 50, а не бывшихъ у исповѣди 680, въ то же время заявилъ въ заключеніе, что «сильнаго расположенія къ расколу въ жителяхъ имъ не замѣчено, и о Странническомъ согласіи ему не извѣстно». — Въ виду такихъ обстоятельствъ, а также въ виду крайне-возмутительныхъ и дерзкихъ политическихъ и нравственныхъ, или, точнѣе, безнравственныхъ воззрѣній «вреднѣйшей» секты Странниковъ, митрополитъ Филаретъ полагалъ съ своей стороны, что для ослабленія ея необходимы мѣры скорыя, строгія и рѣшительныя, подобно тому, какъ и противъ болѣзни, сильно распространяющейся заразою, употребляются сильныя предохранительныя средства, — мысль о нецѣлесообразности и вредѣ преслѣдованія Странниковъ за мнѣнія о вѣрѣ и опасеніе усиленія фанатизма сектаторовъ подъ вліяніемъ ихъ, выраженныхъ ярославскимъ совѣщательнымъ комитетомъ, онъ находилъ напрасными. «Зло велико, — писалъ онъ, — распространители зла многочисленны и дѣятельны. Благодаря тщательно произведенному дознанію и изслѣдованію, они въ виду. Въ сихъ обстоятельствахъ надобно спѣшить, чтобы каждаго распространителя зла остановить на его пути и лишить возможности продолжать распространеніе зла». «Добрая мысль кроткаго правительства — никакого не преслѣдовать за мнѣнія о вѣрѣ; но трудно приложить ее къ сектѣ Странниковъ. Что царь есть антихристъ, что властей, законовъ, уплаты податей, военной службѣ должно убѣгать, какъ принадлежностей антихриста, — это все мнѣнія Страннической секты, принадлежація къ ихъ вѣрѣ. Не преслѣдовать сихъ мнѣній — значить не останавливать дѣйствія злыхъ силъ, которыя стремятся разрушить государство». Относительно же опасенія усилить фанатизмъ въ расколѣ мѣрами строгости, онъ замѣтилъ: «какой еще фанатизмъ можетъ быть злѣе и вреднѣе того, который уже есть въ сектантахъ? — Но будучи строги и рѣшительны, правительственныя мѣропріятія противъ Страннической секты, по взгляду митрополита Филарета, въ то же время должны

быть чужды и всего того, что могло бы оказать волнуемое дѣйствіе на народъ, особенно не причастный сектѣ, должны быть чужды всякаго рода излишества и несправедливости. Поэтому, предположенную тѣмъ же ярославскимъ комитетомъ мѣру — подвергать взысканію общества, или вотчины, среди которыхъ обнаружится пристанодержательство Странниковъ-бродягъ, наложеніемъ денежнаго штрафа, — онъ находилъ «несправедливою и несоотвѣтственною цѣли». Такая мѣра, привлекая къ отвѣтственности стороннихъ лицъ и налагая на нихъ трудно выполнимую обязанность — ходить по домамъ всей деревни и досматривать, нѣтъ ли тайника, или бѣглаго, «вмѣсто правосудія надъ однимъ, или надъ немногими виновными, — говоритъ онъ, — отягощала бы и волновала цѣлую вотчину». Вообще всѣ выработанныя ярославскимъ совѣщательнымъ комитетомъ соображенія относительно ослабленія зла, по его мнѣнію «не давали готоваго разрѣшенія труднаго вопроса» вслѣдствіе того, что «комитетъ, занявшись общими мѣрами противъ преступниковъ, не довольно приблизилъ свои сужденія къ преступникамъ, которые находятся на лицо и извѣстны по именамъ и дѣламъ». Съ своей стороны, онъ находилъ наиболѣе сообразнымъ дѣйствительному положенію дѣла и необходимымъ слѣдующее: начавши судъ отъ дома Божія, подвергнуть прежде всего строгой отвѣтственности духовныхъ лицъ, не оказавшихъ себя дѣятельными къ открытію и вразумленію заблудшихъ. Поэтому священниковъ, во главѣ съ сопелковскимъ, какъ виновныхъ въ потворствѣ сектантамъ, удалить отъ мѣстъ, съ низведеніемъ въ причетническую должность, а подозрительныхъ отвести на другія мѣста, замѣнивъ ихъ ревностными. Наравнѣ съ священниками судъ долженъ коснуться и благочинныхъ, въ вѣдомствѣ которыхъ распространилась секта, и невнимательныхъ изъ нихъ также замѣнить бдительными, а завѣдомо потворствовавшихъ — сверхъ того подвергнуть должному взысканію. Въ предупрежденіе же отговорокъ и преступленій, а также для усиленія наблюденій за злоредной сектой со стороны духовенства на будущее время — дать обстоятельное свѣ-

дѣвие о ея ученіи и направленіи всеѣмъ епархіальнымъ архиереямъ, а они должны предписать подвѣдомымъ священнослужителямъ, чтобы старались узнавать образъ мыслей людей, являющихся въ видѣ странниковъ, и въ случаѣ открытія сектантовъ, доносили о нихъ епархіальному архіерею. Вслѣдъ за духовными лицами строгой карѣ должны быть подвергнуты и сектанторы. Все наставники, въ родѣ Ѳедора Криваго, бѣглаго кантовиста, и Никиты Семенова, какъ имѣющіе преимущественное вліяніе на секту и какъ бѣглецы, а нѣкоторые притомъ и какъ бѣглецы солдаты, должны быть удалены отъ общества, которому они такъ вредны, и заключены въ Соловецкій монастырь, или подобное мѣсто, подъ строгій надзоръ и вмѣстѣ для попеченія о ихъ вразумленіи и обращеніи на путь истинный. Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ поступать и съ тѣми изъ Странниковъ, которые съ особенною наглостью и ожесточеніемъ выставляютъ себя презрительными власти, или явнѣе прочихъ занятны развратомъ; а всеѣхъ прочихъ предать обыкновенному суду за неисполненіе общественныхъ обязанностей и приставодержательство, гдѣ оно было замѣчено. Но наиболѣе сильныя мѣры должны быть приняты къ очищенію главнаго гнѣзда секты, села Сапеловъ: для этого все тайники и моленныя здѣсь уничтожить, а чтобы предупредить ихъ появленіе и на будущее время, — поставить мѣстному губернскому начальству въ обязанность обозрѣвать дома сопелкинскихъ обывателей по нѣскольку разъ въ годъ чрезъ непредвидѣнно назначаемыхъ и посылаемыхъ чиновниковъ, и сію мѣру продолжать до трехъ лѣтъ, когда не окажется ни одного тайника и ни одного бѣглаго. Наконецъ, для ослабленія зловредной секты митрополитъ Филаретъ признавалъ необходимымъ общее усиленіе законовъ о бродягахъ. «Стыдно смотрѣть, — писалъ онъ, — какъ бродяги незаконно смѣется надъ законною властію, ненаказанно называя себя не помнящимъ родства, когда все увѣрены, что это ложь, или называетъ своею родиною попеременно нѣсколько городовъ, дабы, между тѣмъ какъ по сему продолжается бесполезная переписка, спокойно жить въ тюрьмѣ,

гдѣ хорошо кормятъ, и высматривать случай къ побѣгу, или беззаботно ждать путешествія въ Сибирь, которое для него не хуже бродяжничества, добровольно имъ избраннаго». «Если Святѣйшій Синодъ найдетъ, что коснувшись гражданскихъ мѣръ, я преступилъ границы требуемаго отъ меня, — писалъ архипастырь въ заключеніе своего мнѣнія о Странникахъ, — желаніе посылать сношеній съ преодолѣнію зла да будетъ извиненіемъ дѣлу»¹⁾. Благоразумные совѣты Московскаго святителя были приняты и Синодомъ и министерствомъ²⁾. Можно полагать, что, будучи проведены до конца, они достигли бы своей цѣли, т.-е. если не полного, то, по крайней мѣрѣ, весьма значительнаго ослабленія зловредной секты; но вскорѣ послѣдовавшая переменѣна въ отношеніяхъ правительства къ расколу дала ей возможность снова окрѣпнуть и раскинуть свои сѣти даже за предѣлами европейской Россіи — во многихъ мѣстахъ Сибири³⁾.

¹⁾ Собран. мнѣн. и отв. дополи. т. 377—389 стр.

²⁾ Тамъ же дополи. т. 389—490 стр.; срвн. Собран. постан. по ч. раскола 1858 г. 632—633 стр.

³⁾ Новое время 1876 г. № 224.

Далеко не такъ, конечно, думаютъ объ этомъ либеральные защитники раскола, которымъ приведенные совѣты митрополита Филарета представляются „варварскими“. По мнѣнію одного изъ такихъ, якобы безкорыстныхъ, радѣтелей раскольниковъ, считающаго ихъ „умнѣйшей частью русскаго народонаселенія“ и все ихъ безобразія извиняющаго „правительственнымъ гнетомъ“ подъ вліяніемъ „неразумныхъ защитниковъ православія“ и подъ вліяніемъ духовенства, постоянно „играющаго роль подстрекателя“, — даже „революціонная“ секта Странниковъ своимъ ростомъ и фанатизмомъ отличалась будто бы лишь въ царствованіе Николая, когда на раскольниковъ „сыпались преслѣдованія“, въ послѣднее же время, благодаря совершившимся реформамъ по пути улучшенія экономическихъ и юридическихъ условій народной жизни, прежній фанатизмъ ея, если не теоретическій, то фактический будто бы почти исчезъ, а равно не стало замѣтно и ея усиленія. Сей радѣтель раскола полагаетъ, что, поэтому, для дальнѣйшаго еще большаго ослабленія революціоннаго духа Странничества необходимы отнюдь не „полицейскія мѣры, которыя мало помогли при искорененіи его“, а наоборотъ дальнѣйшій ходъ во

Здѣсь мы кончаемъ изложеніе, такъ сказать, правительственной противораскольнической дѣятельности митрополита Филарета въ царствованіе императора Николая, и представленный нами очеркъ этой его дѣятельности достаточно подтверждаетъ сдѣланное нами въ самомъ началѣ замѣчаніе, что самого правительства въ отношеніи къ расколу съ 1826 года была преимущественно дѣломъ его рукъ и что вообще величавая личность святителя Филарета въ этомъ отношеніи занимаетъ первое мѣсто послѣ величественнаго императора Николая.

Одновременно съ заботой о прекращеніи противозаконныхъ раскольническихъ своеволій внѣшними ограничительными средствами митрополитъ Филаретъ, какъ мы выше замѣтили, всегда, а равно и въ разсматриваемый періодъ времени, предлагалъ заботу о способахъ мирнаго вразумленія и просвѣщенія блуждающихъ въ расколѣ. Съ твердостью и убѣжденіемъ провозгласилъ онъ въ 1835 году, что «вразумленіе въ истинномъ ученіи вѣры со стороны православнаго духовенства есть самое свойственное орудіе для обращенія заблуждающихъ всякаго рода», что пастыри церкви сами должны пастырить овецъ убѣгающихъ¹⁾, — и голосъ его былъ съ великимъ вниманіемъ выслушанъ и церковію и государствомъ, такъ что всѣ

пути улучшенія народной жизни и „дарованіе свободы вѣроисповѣданія“ (Русск. Мысль 1882 года № 5, 203—217 стр. Политическій возвратъ старовѣрія. 1. Юзова). — Подвергать разбору либеральный вздоръ разныхъ Юзовыхъ, конечно, не стоитъ; мы указали на статью „Русской Мысли“ только для того, чтобы показать, какой именно вздоръ, и вредный вздоръ, пишутъ о расколѣ изслѣдователи, имѣющіе своимъ органомъ „Русскую Мысль“ и другіе того же управленія журналы, стремящіеся чрезъ усиленіе раскола ослабить силу и значеніе православной церкви, а чрезъ это поколебать главнѣйшую опору, процвѣтанія силы и могущества самодержавнаго русскаго государства. Революцiонныя стремленія у насъ шли всегда объ руку съ расколомъ, и расколъ всегда шелъ (и идетъ) объ руку съ такими стремленіями.

Ред.

¹⁾ Собр. мѣтв. и отв. 2 т., 364 стр. срви. Собр. пост. по ч. раскола 1838 г. 248—249 стр.

ранѣе изданныя правительствомъ Александра I-го фальшиво-гуманныя постановленія относительно избѣжанія духовенствомъ встрѣчь съ раскольниками и споровъ съ ними о вѣрѣ были отмѣнены, какъ неразумныя и нецѣлесообразныя, а взаимнѣе ихъ раздался усиленный призывъ къ энергической духовной борьбѣ со зломъ¹⁾. Памятникомъ дѣятельности московскаго архиепископа въ указанномъ направленіи за время царствованія императора Николая служатъ его заботы о противораскольническихъ миссіяхъ и школахъ.

Первая пробная, а потому временная, миссія открыта была Святѣйшимъ Синодомъ, по предложенію митрополита Филарета, еще въ 1827 году, въ Пермской епархіи. Здѣсь, при изобиліи раскольниковъ-бѣглопоповцевъ, возникли съ ихъ стороны, въ виду предстоящаго оскудѣнія бѣглопоповства, усиленные ходатайства о дарованіи законно-дозволенныхъ бѣглыхъ поповъ, равно какъ вообще состояніе раскола въ томъ краю требовало особенныхъ способовъ для противодѣйствія ему. Учрежденіе здѣсь противораскольнической миссіи поэтому справедливо признавалось способомъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. Весьма примѣчательны самыя правила, опредѣлявшія задачу и организацию миссіи. Они выработаны были именно митрополитомъ Филаретомъ и безъ всякаго измѣненія утверждены Синодомъ. Изложимъ ихъ содержаніе.

«Не подлежитъ никакому прекословію, — писалъ митрополитъ Филаретъ, объясняя побужденія къ учрежденію миссіи, — что какъ для каждаго по человеколюбію, такъ особенно для церкви, по ея матернему сердоболію, болѣзненно видѣть раскольниковъ, оставляющихъ дѣтей своихъ безъ крещенія по недостатку бѣглыхъ поповъ, хотя, впрочемъ, затрудненіе сіе представляется въ увеличенномъ видѣ, поелику, по опытамъ нѣкоторыхъ мѣстъ, извѣстно, что раскольники, по недостатку бѣглыхъ поповъ, и отъ православныхъ священниковъ необходимыя требы принимаютъ. Но въ опредѣленіи и дѣйствительномъ употребленіи спосо-

¹⁾ Чт. въ Общ. истор. и древн. 1875 г. 3 кв. 133 стр.

бовъ удовлетворить раскольниковъ въ исправленіи церковныхъ требъ представляются затрудненія, едва ли преодолимые. Предположеніе отпустить желающихъ священниковъ къ нимъ опредѣляться встрѣчаетъ препятствія какъ со стороны правилъ церковныхъ, такъ и, напротивъ, со стороны правилъ, принятыхъ раскольниками (исправа), почему не можетъ быть приведено въ исполненіе иначе, какъ развѣ на правилахъ, такъ называемыхъ единовѣрческихъ церквей... Впрочемъ «при благотворномъ нынѣ попеченіи правительства о уврачеваніи кроткими средствами заразы раскола и о всевозможномъ облегченіи послѣдствій упорства и ожесточенія, въ которомъ начальники расколическихъ обществъ стараются удержать души, поработенныя имъ простотою и невѣжествомъ, дабы не оставить неиспытаннымъ средства сколько-нибудь не безнадежнаго, можетъ быть сдѣланъ для пермскихъ раскольниковъ опытъ слѣдующаго временнаго распоряженія: 1) Избрать изъ той, или ближайшихъ епархій, трехъ священниковъ честнаго и благоговѣйнаго житія, съ основательными свѣдѣніями какъ въ ученіи вѣры вообще, такъ особенно въ ученіи о истинной древности и правильности обрядовъ православныя церкви и о ложности клеветъ, возводимыхъ на нее раскольниками. 2) Сихъ священниковъ на иждивеніи правительства отправить къ раскольникамъ Пермской епархій, въ качествѣ миссіонеровъ, для перваго опыта на три, или четыре мѣсяца, и скорѣе прочихъ къ тѣмъ, которые, не имѣя бѣглыхъ священниковъ, затрудняются въ исправленіи требъ церковныхъ. 3) Симъ священникамъ на время сего порученія разрѣшить совершеніе богослуженія и требъ церковныхъ по старопечатнымъ книгамъ на правилахъ единовѣрческихъ церквей, если то окажется нужнымъ¹⁾. 4) Для сего и для помощи въ увѣщаніи предоставить имъ на волю, буде найдутъ нужнымъ, избрать себѣ по одному сотруднику изъ достойныхъ діаконовъ, или причетниковъ.

¹⁾ Т.-е. Святѣйшій Синодъ дозволилъ и православному священнику, въ извѣстныхъ случаяхъ, отправлять богослуженіе и требъ церковныхъ по старопечатнымъ книгамъ.

5) По гражданскому вѣдомству сдѣлать распоряженіе, чтобы въ каждомъ мѣстѣ, куда прибудетъ одинъ изъ сихъ священниковъ, объявлено было раскольникамъ о его прибытіи и назначеніи. 6) Въ то же время со стороны гражданского начальства нужно будетъ внимательное и дѣятельное наблюденіе за тѣмъ, чтобы отъ сильныхъ и упорныхъ раскольниковъ не было прочимъ поставляемо преградъ къ вступленію въ сношеніе съ православнымъ священникомъ. 7) Крещеніе расколическихъ младенцевъ совершать дозволить, по желанію родителей, съ запискою въ метрическую тетрадь, которая должна быть дана миссіонеру отъ мѣстной консисторіи, безъ всякихъ другихъ разбирательствъ, поелику младенецъ до крещенія такъ же не принадлежитъ къ расколу, какъ и къ церкви. 8) Къ прочимъ таинствамъ изъ раскольниковъ принимать не иначе, какъ по убѣжденію желающихъ къ соединенію съ церковью или безусловно, или на правилахъ единовѣрія. 9) Дабы располагать раскольниковъ къ сему общенію, священникъ-миссіонеръ войдетъ съ ними въ собесѣдованія о вѣрѣ и чиноположеніяхъ на основаніи слова Божія и истиннаго преданія церковнаго. 10) Для сего полезно предварительно снабдить миссіонеровъ книгами, написанными въ обличеніе раскола, и, поколику возможно, нѣкоторыми старопечатными и старописанными книгами... 11) О дѣйствіяхъ своихъ, или же и о встрѣчаемыхъ затрудненіяхъ миссіонеры должны доносить епархіальному архіерею еженедѣльно, а сей — Св. Синоду ежемѣсячно, или поспѣшнѣе, когда особенный случай потребуетъ особеннаго разрѣшенія. 12) Смотри по тому, что покажетъ дѣйствительный опытъ сего распоряженія, Св. Синодъ не оставитъ дать миссіямъ дальнѣйшее потребное руководство¹⁾. Бѣльшаго христіанскаго снисхожденія къ за-

¹⁾ Срви. Собр. мѣн. и отз., доволн. т., 235—238 стр. и Собр. пост. по ч. раскола 1860 г. 212—214 стр. — Въ собр. мѣн. и отз. м. Филарета настоящее мѣніе его помѣщено почему-то подъ 1848 годомъ, непосредственно за его мѣніями, представленными въ засѣданіе московскаго совѣщательнаго комитета отъ 29 марта; но это, очевидно, ошибка.

блудшимъ и большаго попеченія о ихъ обращеніи, чѣмъ какое выразилось въ приведенныхъ правилахъ, православная церковь, очевидно, проявить не могла, и если многие изъ болѣе благоразумныхъ раскольниковъ за оскуднѣніемъ священства стали сближаться съ православною церковью, то тѣмъ болѣе они должны были дѣлать это теперь, когда миссіонерамъ разрѣшено было въ случаяхъ нужды (напр. при неимѣніи по близости единобѣрческаго священника) «совершеніе богослуженія и требъ церковныхъ по старопечатнымъ книгамъ на правилахъ единобѣрческихъ церквей» и когда одновременно съ нимъ шло назиданіе и вразумленіе заблудшихъ¹⁾. И дѣйствительно, доброе дѣло принесло богатые, добрые плоды. Несмотря на множество препятствій, поставленныхъ миссіи мѣстными раскольниками, а также раскольниками Иргизскихъ монастырей²⁾, каковыя препятствія, нужно замѣтить, также не ускользали отъ зоркаго вниманія митрополита Филарета и по мѣрѣ возможности были устранены имъ³⁾, — она изъ временной обратилась въ постоянную, и особенно со времени назначенія на пермскую кафедру неутомимаго и талантливаго борца противъ раскола, преосвященнаго Аркадія (1832—1851 г.), приобрѣла обильные плоды для святой церкви. «Все это время, — говоритъ обозрѣватель пермскаго раскола, — было золотымъ вѣкомъ пермской миссіи. Въ это именно время пермскій расколъ былъ потрясенъ въ своихъ основаніяхъ, низложены столпы, его поддерживавшіе, и обращено множество заблудшихъ въ нѣдра святой

¹⁾ Такого разрѣшенія, не смотря на сознаніе его крайней необходимости и несомнѣнной благотворности лучшими знатоками раскола, кажется, нѣтъ въ настоящее время, и въ этомъ отношеніи примѣръ 1828 г., конечно, весьма поучителенъ. См. Брат. Слово 1889 г., 2 к., 256 стр. Примѣч.

²⁾ Обозрѣніе пермскаго раскола 59—72 стр. Срвн. Варадиновъ 264—285 стр.

³⁾ Имѣемъ въ виду жалобу пермскихъ раскольниковъ на суровое будто-бы обращеніе старшаго члена миссіи, протоіерея Авраамія Оглоблина, за фиктивной подписью 40,000 человекъ, относительно которой митр. Филаретъ писалъ А. Н. Муравьеву отъ 30 янв. 1834 года.

православной церкви»¹⁾. Въ виду такихъ успѣховъ пермской миссіи, учрежденной мудрою предусмотрительностью и заботливостью московскаго архипастыря, миссіи дѣлаются орудіемъ борьбы противъ раскола и въ другихъ его центрахъ, какъ, напр., Стародубьѣ, Саратовѣ, оказывая и здѣсь свое благотворное вліяніе; отсюда возникла и общая мысль «объ образованіи особеннаго класса миссіонеровъ»²⁾.

Общій взглядъ митрополита Филарета на народныя мужскія и женскія школы, какъ другое духовное орудіе борьбы съ расколомъ, и на характеръ обученія въ нихъ примѣнительно къ этой цѣли, выраженный имъ также въ 1835 году, мы уже указали выше. Имъ же, надобно думать, судя по основательности и способу слововыраженія, была составлена и самая программа первоначальнаго обученія поселенскихъ православныхъ и раскольническихъ дѣтей, первоначально имѣвшая примѣненіе лишь къ Олонекской епархіи, а затѣмъ опредѣленіемъ Синода отъ 29 октября 1836 года распространенная и на прочія епархіи, — программа, которою опредѣлялся составъ духовныхъ лицъ, завѣдующихъ обученіемъ, составъ учащихся, время обученія и кругъ его³⁾. Немногосложна и непритязательна была эта программа по своимъ требованіямъ въ послѣднемъ отношеніи, какъ и во всѣхъ прочихъ: обученіе чтенію, церковной и гражданской печати, а по желанію и письму, изученіе на память молитвы Господней, Символа вѣры, Десяти Заповѣдей, стиха: «Богородице Дѣво, радуйся» съ присовокупленіемъ краткаго и самопростѣйшаго изъясненія оныхъ изъ Катихизиса и главнѣйшихъ сказаній изъ Священ-

что она, по болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, имѣющимся у него, есть въ дѣйствительности дѣло только 20 человекъ, и притомъ въ ней Оглоблину приписываются лишь слова, которыя всегда можно выдумать, вѣроятнѣйшая же истинная причина ненависти къ нему расколводителей — его успѣшные труды по обращенію раскольниковъ. (Печ. м. Фил. къ Муравьеву. Кіевъ 1869 г. 45 стр.).

¹⁾ Обозрѣніе пермскаго раскола, 79 стр.

²⁾ Чт. въ Общ. истор. и древн. 1875 г. 3 кн. 133 стр.

³⁾ Собр. пост. поч. раскола 1858 г. 222—223 стр. Ср. собр. мн. и отв. 3 т., 361—362 стр.

ной Исторіи, — безъ школьной принужденности и буквального вытверживанія ихъ на память, — вотъ весь незатѣйливый кругъ первоначальнаго обученія, опредѣлявшійся этою программой. Но при всей простотѣ и краткости своей программы, впрочемъ хорошо приспособленной къ уровню развитія учителей и къ характеру народнаго духа, школы эти, по свидѣтельству митрополита Филарета, оказывали замѣтное духовно-нравственное вліяніе на народъ. «Успѣхъ обученія поселянскихъ дѣтей, по правиламъ 1836 года, — говоритъ онъ, — былъ не скоръ и не обширенъ, но благонадеженъ и безопасенъ. Обучаемыя духовенствомъ дѣти охотно читали и пѣли въ церкви, вносили въ семейства чтеніе священныхъ книгъ, Священной Исторіи, житій святыхъ и подобныхъ назидательныхъ книгъ. Отъ сего должно было происходить доброе нравственное и религіозное дѣйствіе на народъ; но не возбуждалось излишняго любопытства, или охоты къ чтенію суетному и производящему броженіе мыслей»¹⁾. Въ виду этой несомнѣнной пользы такихъ училищъ, митр. Филаретъ старался всѣчески устранять разнаго рода притязанія и незаконныя вмѣшательства министерствъ народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ въ дѣло обученія народа духовенствомъ²⁾. «Представить отъ меня Синоду съ мнѣніемъ, — писалъ онъ, напр., при одномъ изъ такихъ случаевъ, — что право первоначальнаго обученія сохранить духовенству полезно и нужно для того, чтобы имѣть способъ утверждать воспитавшихся въ правилахъ вѣры и охранять отъ внушеній раскольническихъ», тѣмъ болѣе, что «всякій священникъ», «по силѣ іерейской грамоты, обязанъ люди учить благовѣрью, заповѣдемъ Божиимъ и всѣмъ христіанскимъ добродѣтелямъ», «наставленіе же дѣтей не можетъ совершаться посредствомъ общихъ церковныхъ поученій, и потому духовенству должны быть открыты случаи къ домашнему наставленію дѣтей въ христіанскомъ благочестіи», «а наиболѣе удобный случай»

¹⁾ Собр. мн. и отв. 3 т., 363 стр.

²⁾ Тамъ же, доволн. т., 598—600; 3 т., 358—369 стр.

къ сему «особенно въ отношеніи къ низшимъ народнымъ состояніямъ» и «есть домашнее первоначальное обученіе дѣтей»¹⁾.

Однако не одиѣ школы первоначальнаго обученія поселянскихъ дѣтей были предметомъ заботъ митрополита Филарета въ разсматриваемый періодъ времени и въ разсматриваемомъ отношеніи, но также и училища духовныя, состоявшія въ его вѣдѣніи — академія и двѣ семинаріи. Не смотря на вышеуказанное распоряженіе Коммиссіи духовныхъ училищъ, по коему въ Московской академіи должны были прекратиться начавшіяся уроки по расколу, онъ и теперь ставилъ въ обязанность «ректоромъ академіи и семинарій, чтобы, при окончаніи курсовъ, они внушали воспитанникамъ важность обращенія раскольниковъ, какъ необходимый и существенный долгъ священнослужителей, и преподавали имъ наставленія, какъ обращаться съ раскольниками»²⁾. Предложенная же митрополитомъ Филаретомъ, кромѣ ранѣ указанныхъ, мѣра противъ страннической секты — «дать о ней обстоятельное свѣдѣніе академіямъ и семинаріямъ для соображенія при преподаваніи ученія противъ раскола и ересей»³⁾, ясно свидѣтельствуетъ, какъ онъ попрежнему высоко цѣнилъ и всеобщее научное изученіе раскола будущими пастырями церкви въ видахъ борьбы съ нимъ, а это, въ свою очередь, даетъ нѣкоторое право заключать, что и довольно многочисленныя распоряженія Синода первой половины 50-хъ годовъ въ указанномъ направленіи совершались, если не по его инициативѣ, то, по крайней мѣрѣ, не безъ его участія, хотя о такомъ его участіи, къ сожалѣнію, въ доселѣ изданныхъ матеріалахъ не имѣется какихъ-либо положительныхъ свѣдѣній.

Такимъ образомъ и просвѣтительная общественная противораскольническая дѣятельность митрополита Филарета была не менѣе значительной и благотворной, какъ и дѣятельность административная. Что же касается, наконецъ, противораскольнической его дѣятельности, въ качествѣ епархіальнаго

¹⁾ „Дух. Чт.“ 1879 г. 2 кн., 127 стр.; Собр. мнѣн. и отв., дополн. т., 599 стр.

²⁾ Чт. въ Общ. истор. и древн. 1875 г. 3 т., 141 стр.

³⁾ Собр. мнѣн. и отв., дополн. т., 387 стр.

архіерея за время царствованія императора Николая, то о степени ея энергіи и силы можно судить уже по изложенной нами общественной его дѣятельности, ибо, зорко слѣдя за расколомъ вообще, онъ, разумѣется, тѣмъ болѣе внимательно наблюдалъ за расколомъ въ своей епархіи, что и подтверждаетъ его усиленная забота объ ослабленіи вреднаго вліянія двухъ московскихъ центровъ раскола — Рогожскаго и Преображенскаго Кладбищъ, главнымъ образомъ имѣвшая, несомнѣнно, общероссійское значеніе, а ближайшимъ — и мѣстное, епархіальное. Но не ограничиваясь центрами, ревностный архипастырь съ одинаковымъ вниманіемъ слѣдилъ за цѣлостностью паствы отъ раскольническихъ оболещеній и въ другихъ мѣстахъ своей немалочисленной по количеству раскольниковъ епархіи, служа въ этомъ отношеніи въ полномъ смыслѣ образцомъ для подвѣдомаго ему духовенства. Его резолюціи, отношенія и донесенія по дѣламъ раскола за это время, весьма многочисленныя и разнообразныя, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ болѣе или менѣе выдающіяся по своему значенію явленія въ расколѣ, какъ напр. случаи оказательствъ¹⁾, совращеній²⁾, а равно и дѣйствія духовенства въ борьбѣ съ расколомъ — способность или неспособность³⁾, дѣятельность или бездѣятельность⁴⁾ — были своевременно извѣстны ему и немедленно вызывали съ его стороны соотвѣтствующія мѣропріятія къ устраненію возникшихъ соблазновъ и недостатковъ. Наконецъ, несмотря на постоянный недостатокъ времени отъ множества дѣлъ, онъ и самъ иногда «мирно бесѣдовалъ» съ посѣщившими его старообрядцами, кротко и терпѣливо увѣщевая ихъ войти въ спасительную ограду православной церкви⁵⁾.

¹⁾ Псм. м. Фил. Антонію 3 т. 133 стр.; Душ. Чт. 1890 г. 1 кв. 356 стр.
²⁾ Русск. Стар. 51 т. 290—291; 291—292; Душ. Чт. 1877 г. 3 т. 252—253 стр.
³⁾ Душ. Чт. 1872 г. 1, 233; 1875 г. 3, 378; 1885 г. 3, 128; 1886 г. 1, 388—389 стр.
⁴⁾ Душ. Чт. 1872 г. 1, 233—234; Юбил. Сбвр. 1 т. 265 стр.
⁵⁾ Псм. м. Филарета Гавріилу 53 стр. Душ. Чт. 1877 г. 3, 524 стр. срвн. также Брат. Слово 1891 г. № 16, 447 стр.

3) Противораскольническая дѣятельность митрополита Филарета въ царствованіе императора Александра II-го.

(1855—1867 г.).

«Съ расколомъ трудно», писалъ митрополитъ Филаретъ намѣстнику архимандриту Антонію 26 декабря 1855 года, т.-е. не болѣе, какъ черезъ десять мѣсяцевъ послѣ восшествія на престолъ императора Александра II-го. Подъ благодѣяніемъ, чтобы не беспокоить людей, сильные расположили и нѣкоторыхъ изъ нашихъ такъ, чтобы не препятствовали тѣмъ покровительствовать расколу; а отъ заботящихся о благѣ церкви держится въ тайнѣ то, что дѣлается. Господи, вразуми и спаси всѣхъ!»¹⁾ «Отъ разныхъ вѣстей изъ Петербурга по дѣлу раскола, — жаловался онъ также А. Н. Муравьеву, — можетъ голова закружиться: и потому иногда не знаешь, что о семъ говорить, и удерживаешь волны мыслей, которыя тяжело ударяютъ въ голову»²⁾.

Таковы были новыя впечатлѣнія истиннаго ревнителя православной церкви и многоопытнаго противораскольническаго дѣятеля по поводу новыхъ отношеній новаго правительства къ раскольниковъ. И дѣйствительно, иными они быть не могли: по смерти «прозорливаго» императора Николая, съ великимъ трудомъ созданная имъ, при ближайшемъ участіи московскаго святителя, стройная, крѣпкая, стойкая, хотя и худо приводимая въ исполненіе продажными чиновниками, противораскольническая правительственная система фактически рушилась, такъ какъ съ первыхъ же дней новаго царствованія стали рѣзко раздаваться и «сильные», какъ наприм. отъ министра внутреннихъ дѣлъ — Ланскаго³⁾ и графа Закревскаго⁴⁾, и жалкіе, какъ наприм. отъ смотрителя Рогож-

¹⁾ Псм. м. Филарета къ архим. Антонію 3 т. 372 стр.
²⁾ Псм. м. Филарета къ Муравьеву 532 стр.
³⁾ См. его всеподданнѣйшій докладъ отъ 20 апр. 1856 года; Брат. Слово 1891 г. № 18, 640—646 стр.
⁴⁾ См. его Записку отъ 20 марта 1855 г. «О настоящихъ дѣйствіяхъ»

скаго Кладбища — Лонгинова¹⁾, — голоса съ одной стороны къ порицанію «крутости и несправедливости» только что сошедшаго со сцены правительства, съ другой — «въ пользу раскольниковъ». А «произволу и проискамъ» самихъ раскольниковъ не стало теперь «преградъ», ревнителямъ же церкви волею неволею приходилось «мало дѣлать, меньше успѣвать и много терпѣть»²⁾. Правда, при этомъ были голоса и за сохраненіе прежней системы дѣйствій въ отношеніи къ раскольниковамъ, — за нее былъ голосъ и самого императора Александра II-го, который на первомъ же засѣданіи секретнаго совѣщательнаго комитета въ апрѣлѣ 1855 года, заявивъ объ «уваженіи къ искреннимъ убѣжденіямъ и терпимости», въ то же время призналъ мѣры бывшаго министра Бибикова, утвержденныя его родителемъ, необходимыми³⁾, и вообще не видѣлъ надобности въ измѣненіи дѣйствующей системы, такъ какъ и самъ признавалъ, что неуспѣшность ея зависитъ не отъ нея самой, а объясняется «неточнымъ и неправильнымъ исполненіемъ оной, происходящимъ или отъ неблагонамѣренности исполнителей въ низшихъ инстанціяхъ, или можетъ быть и отъ неумышленности, по недостаточному знанію многочисленныхъ и разнообразныхъ узаконеній насчетъ раскола, въ различное время и по разнымъ вѣдомствамъ изданныхъ»⁴⁾; во все же однако, новое либеральное вѣяніе въ окружавшихъ императора лицахъ, а особенно «въ такъ называемыхъ руководителяхъ такъ называемаго общественнаго мнѣнія»⁵⁾, отразилось на отношеніяхъ правительства къ расколу вреднымъ для церкви послабленіемъ и потворствомъ расколу.

Правительства относительно раскольниковъ вообще" (Русск. Вѣст. 1881 г. № 12, 672—677 стр.) и письмо Лавскому отъ 1 марта 1856 г. (Брат. Слово 1891 г. № 18, 630—633 стр.).

¹⁾ Имѣемъ въ виду его рапортъ генераль-губернатору Закревскому отъ 18 февр. 1856 г. Брат. Слово. 1891 г. № 18, 617—630 стр.

²⁾ Псм. м. Филарета къ архим. Антонію 4 т. 87, 264 стр.

³⁾ Кельсievъ. Вып. 2, 189—190 стр.

⁴⁾ Собр. мнѣн. и отз. 5 т. 599—600 стр.; Собр. пост. по ч. раскола 1860 г. 830—835 стр.

⁵⁾ Брат. Слово 1891 г. № 16, 460 стр.

При такомъ новомъ положеніи дѣла противораскольническая дѣятельность митрополита Филарета по своему характеру, естественно, опять становится противодѣйствующей по отношенію къ дѣйствіямъ правительства. По его собственнымъ словамъ, ему приходилось теперь бороться и «за великое и за малое». «Раскольники, — прибавлялъ онъ, — преувеличиваютъ свои требованія; а отъ насъ требуютъ все уступокъ»¹⁾.

О сильной, энергической борьбѣ митрополита Филарета въ царствованіе Александра II-го съ «такъ называемыми руководителями такъ называемаго общественнаго мнѣнія», которые, въ порывѣ увлеченія новыми либеральными вѣяніями и недоуванія на прежнія якобы насилія и жестокости къ раскольниковамъ, требовали для нихъ полной свободы вѣроисповѣданія, — мы уже говорили, и, позволительно думать, что неопровержимые доводы великаго архипастыря въ пользу прежней правительственной системы дѣйствіи противъ раскола, изложенные имъ въ запискахъ: о значеніи раскола въ русскомъ государствѣ (1857 г.)²⁾, о послѣдствіяхъ стѣсненія сектъ и снисхожденія къ нимъ (1858 г.)³⁾ и о постановленіяхъ церкви по предмету содѣйствія ей христіанскихъ правительствъ противъ ересей (1860 г.)⁴⁾, — не мало способствовали тому, что великій шумъ, поднятый либералами, не оказалъ соотвѣтственнаго дѣйствія, и благовидный на словахъ, но неблаговидный на дѣлѣ вопросъ о полной свободѣ вѣроисповѣданія, не смотря на множество сторонниковъ, все-таки формально былъ отвергнутъ правительствомъ. Такое значеніе слѣдуетъ усвоить и сдѣланной митрополитомъ Филаретомъ окончательной редакціи извѣстнаго «наставленія для руководства при исполнительныхъ дѣйствіяхъ и совѣщаніяхъ по дѣламъ, до раскола относящимся»⁵⁾. Но особенно важнымъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать то, что, благодаря его

¹⁾ Псм. м. Филарета къ Антонію 4 т. 426 стр.

²⁾ Собр. мнѣн. и отз., 4 т., 297—303 стр.

³⁾ Тамъ же, дополн. т., 462—466 стр.

⁴⁾ Тамъ же 4 т., 462—470 стр.

⁵⁾ Собр. пост. по ч. раскола 1860 г., 830—835 стр.

авторитетному голосу, много потерялъ въ своемъ значеніи и не имѣлъ тѣхъ выгодныхъ для раскола послѣдствій, какихъ надѣялись достигнуть чрезъ него, предпринятый правительствомъ въ 1864 году «пересмотръ существующихъ постановлений о раскольникахъ».

6-го февраля этого года учрежденъ былъ «особый комитетъ», которымъ планъ «предполагаемыхъ измѣненій» въ новомъ либеральномъ направленіи былъ намѣченъ довольно широкой и рѣшительный, такъ какъ имъ возбуждены были и предрѣшены въ болѣе или менѣе благоприятномъ для раскольниковъ смыслѣ важные вопросы: о необходимости дарованія раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ, о признаніи дѣйствительности ихъ браковъ, о дозволеніи раскольникамъ менѣе вредныхъ сектъ заводить училища, о необходимости умноженія часовенъ и молельнъ раскольниковъ, о непреслѣдованіи лицъ, исправляющихъ требы у раскольниковъ, и т. д.¹⁾ Составленная въ комитетѣ записка объ этихъ «предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о раскольникахъ» прислана была 1-го іюля того же 1864 года графомъ Панинымъ къ митрополиту Филарету на разсмотрѣніе, по Высочайшему повелѣнію, «въ довѣрїи къ его просвѣщенію, многолѣтней опытности и постоянной пастырской ревности къ пользамъ церкви и государства». Въ отвѣтномъ письмѣ графу Панину владыка писалъ: «я чувствовалъ себя въ затрудненіи, когда воззрѣнія мои на разные предметы оказывались не одинаковыми съ воззрѣніями комитета; но въ то же время еще сильнѣе чувствовалъ я непреложную обязанность, по долгу вѣрности предъ Богомъ и церковью Его, и предъ благочестивѣйшимъ Государемъ Императоромъ, съ полною искренностью открыть мои убѣжденія, составившіяся при тщательномъ изслѣдованіи предметовъ, по моему посильному разумѣнію»²⁾. И дѣйствительно, въ своемъ обширномъ разборѣ доставленной ему по Высочайшему повелѣнію записки

¹⁾ Собр. мѣн. и отв., 5 т., 572, 578—596 стр.

²⁾ Собр. мѣн. и отв., 5 т., 579 стр.

маститый архипастырь, несмотря на свои старческія немощи, особенно сильно одолевавшіи его въ это время¹⁾, и несмотря на несомѣнно глубокую скорбь о томъ, что враждующіе противъ церкви успѣваютъ, а преданные церкви встрѣчаютъ затрудненія и ослабѣваютъ въ служеніи ей, — послѣдовательно, шагъ за шагомъ, выяснилъ всю нецѣлесообразность и неадекватность предполагавшихся измѣненій въ постановленіяхъ о расколѣ, ясно указавъ болѣе удобные и умѣренные выходы изъ затрудненій и совѣтовалъ съ своей стороны лучше обратить вниманіе на уничтоженіе истинныхъ причинъ живучести раскола и на усиленіе духовно-правственного и просвѣтительнаго дѣйствованія на него со стороны духовенства.

«Расколъ жилъ фанатизмомъ, — писалъ онъ, — и фанатизмъ, съ теченіемъ времени, ослабѣвалъ. Но расколъ поднялся и возросъ деньгами и покровительствомъ, которымъ парализуемо и дѣйствіе законовъ и дѣйствованіе православнаго духовенства. Да устранить сіи причины зла провицательная мудрость правящихъ и вѣрность исполнителей!» «Впрочемъ, надобно признать, что и духовенство частію несвободно отъ упрека въ недостаточно напряженной ревности. Благопотребно, чтобы Святѣйшій Синодъ наставленіемъ и убѣжденіемъ поощрилъ его съ кроткою, но усиленною ревностію и самоотверженіемъ дѣйствовать къ охраненію православныхъ и къ вразумленію заблуждающихъ».

Всякаго же рода коренныя измѣненія въ постановленіяхъ о раскольникахъ, а тѣмъ болѣе настойчивыя домогательства нѣкоторыхъ «объ изданіи новаго полнаго закона для руководства раскольниковъ, какъ подданныхъ», митрополитъ Филаретъ, признавалъ странными, неумѣтными и нецѣлесообразными, — находилъ, что приведеніе ихъ въ исполненіе не въ состояніи уврачевать язвы раскола и было бы несообразно съ идеей благоустроеннаго государства. «Если находятъ настоящее положеніе раскола аномальнымъ, — писалъ онъ, — то предполагаемымъ закономъ не готовятъ ли новое аномальное положеніе?»

¹⁾ Тамъ же 572—576 стр.

²⁾ Собр. мѣн. и отв., 5 т., 579 стр.

Для чего новый законъ для раскольниковъ, «какъ подданныхъ?» Существуетъ законъ для всѣхъ подданныхъ: развѣ какъ подданнымъ, нуженъ иной законъ, несходный съ закономъ для всѣхъ подданныхъ? Развѣ для подданныхъ въ государствѣ должны быть два различные закона, — одинъ для подданныхъ пераскольниковъ, а другой для подданныхъ раскольниковъ? Предполагаемое новое законодательство о раскольникахъ не поведетъ ли къ тому, что почитавшееся вчера незаконнымъ сегодня будетъ названо законнымъ, и что люди, которыхъ вчера церковь и государство почитали лжесвященниками, сегодня, въ глазахъ государства, будутъ законными священниками, между тѣмъ какъ въ глазахъ церкви будутъ оставаться лжесвященниками? Будетъ ли это послѣдовательно, стройно, сообразно съ чистыми началами нравственными и съ достоинствомъ правительства? И есть ли необходимость доходить до сего?.. Сколько въ разныхъ государствахъ разныхъ ересей, расколовъ, самочинныхъ сборищъ, сектъ? Пншутъ ли для каждой изъ нихъ полный законъ?» «Сии размышленія, — заключалъ онъ, — призываютъ вниманіе къ слѣдующимъ вопросамъ: нужно ли писать для раскола новый полный законъ? Если нужно оказать расколу болѣе снисхожденія, нежели оказываемо было до нынѣ, то не довольно ли только вычеркнуть нѣкоторыя строки изъ законовъ, постановленныхъ для укрощенія раскола, съ осторожностью, чтобы это не было вредно для православія?»¹⁾ Между тѣмъ предложенныя комитетомъ измѣненія въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о раскольникахъ съ точки зрѣнія этого вполнѣ справедливаго и необходимаго требованія митрополитъ Филаретъ не признавалъ удовлетворительными. Это ясно открывается, — писалъ онъ, — уже изъ того, что исходнымъ пунктомъ, началомъ всѣхъ своихъ разсужденій комитетъ несправедливо и «неточно поставилъ вопросъ о опредѣленіи правъ раскольниковъ», тогда какъ «права въ православномъ государствѣ

принадлежать» лишь «православному христіанину и вѣрно-подданному»; «выступающій» же «изъ послушанія православной церкви, подобно какъ отступающій отъ обязанностей вѣрно-подданства, болѣе или менѣе теряетъ права, или подвергаетъ себя ограниченію правъ, а не пріобрѣтаетъ какихъ-либо правъ въ своемъ незаконномъ положеніи». «Посему вопросъ долженъ предлежать не о правахъ раскольниковъ, а о возможномъ уменьшеніи тѣхъ въ общихъ правахъ ограниченій, которымъ раскольники подвергли себя и подвергнуты закономъ, выступивъ изъ законныхъ отношеній къ православной церкви» и дѣло должно идти «не о томъ, чего раскольники могутъ требовать по праву, а о томъ, что государственная власть можетъ дать имъ по своему духу терпимости и свободолубія»¹⁾. Неточно и нецѣлесообразно съ точки зрѣнія осторожности поставленный комитетомъ начальный вопросъ привелъ его, по замѣчанію митрополита Филарета, къ нѣкоторымъ неточнымъ и неосторожнымъ заключеніямъ и въ рѣшеніи частныхъ вопросовъ, и прежде всего въ рѣшеніи вопроса о необходимости признанія гражданскою властью супружескихъ раскольническихъ союзовъ, «не освященныхъ вѣнчаніемъ въ православной, или единовѣрческой церкви», въ видахъ ослабленія ничѣмъ не сдерживаемаго «разгула страстей» и уменьшенія «порчи нравовъ» среди раскольниковъ. Нецѣлесообразность рѣшенія комитетомъ этого вопроса явствуетъ изъ того, что между указанною цѣлю и предложеннымъ отъ комитета средствомъ — записью брака въ обывательскую полицейскую книгу, нельзя найти никакой органической связи, такъ какъ «твердость брака, поставляющая преграду разгулу страстей, зависитъ отъ религіознаго убѣжденія въ святости брака, а не отъ записи его». Отсюда и бываетъ то, что «бракъ раскольника, пріемлющаго священство, совершенный священникомъ, обязываетъ его совѣсть силою закона Божія и тѣмъ поставляетъ преграду разгулу страстей и охраняетъ нравы, несмотря на то, признается, или не признается онъ гражданскою властью,

¹⁾ Собр. мѣтв. и отв., 5 т., 604—605 стр.

¹⁾ Собр. мѣтв. и отв., 5 т., 579—580 стр.

а «бракъ безпоповцевъ, связанный только волею родителей, или непосвященнаго большака, не имѣть такого охранительнаго дѣйствія на совѣсть», хотя и лучше «совершеннаго признанія брака по ученію секты». Такимъ образомъ новая власть нецѣлесообразна потому, что не въ состояніи «перемѣнить духа сектъ». При этомъ недостаточно точная формулировка и нѣкоторыя существенныя неудобства какъ для интересовъ православной церкви, такъ равно и для нравственныхъ воззрѣній самихъ раскольниковъ, составляютъ также, по суду митрополита Филарета, не подлежащіе сомнѣнію недостатки предлагаемаго новаго закона. Предположеніе комитета — супружескіе союзы, записанные въ полицейскихъ книгахъ, «признавать не подлежащими оспариванію» — не можетъ быть признано точнымъ уже потому, что предъ судомъ церковнымъ въ извѣстныхъ случаяхъ они могутъ быть оспариваемы, а въ тѣхъ случаяхъ, когда браки заключены или въ близкой степени родства, или при живой женѣ и пр., они и должны быть оспариваемы, хотя бы и были записаны въ полицейскихъ книгахъ, такъ что точнѣе слѣдовало бы сказать, что раскольническіе браки, не освященные въ церкви, но записанные должны быть названы «не вполне правильными, однако имѣющими силу для пользованія правами гражданскими». Другое же предположеніе комитета — расторгать раскольническіе браки въ случаѣ дознанія ихъ незаконности силою палаты гражданскаго суда — неудобно въ томъ отношеніи, что мысль о прекращеніи дѣйствія таинства, благодати и благословенія, одною гражданскою властью должна будетъ поражать и оскорблять религіозное чувство раскольниковъ-поповцевъ, видящихъ въ бракѣ таинство, и вмѣстѣ можетъ быть соблазнительно для православныхъ, которые, видя уничтоженіе брака одною гражданскою властью, могутъ придти къ сопоставленію его со всякимъ другимъ гражданскимъ актомъ; а примѣненіе необходимыхъ въ бракоразводныхъ дѣлахъ церковныхъ правилъ и совсѣмъ несовмѣстимо съ вѣдѣніемъ гражданскихъ палатъ. Въ виду всѣхъ этихъ неудобствъ предположеннаго

комитетомъ измѣненія въ постановленіяхъ о раскольническихъ бракахъ, митрополитъ Филаретъ, «дабы, хотя отчасти, устранить ихъ», предложилъ комитету сдѣлать такое существенное и цѣлесообразное добавленіе: «Если въ дѣлахъ о преступленіяхъ раскольниковъ противъ твердости и чистоты супружескихъ союзовъ встрѣтятся случаи, требующіе примѣненія церковныхъ законовъ, то палата сносится съ православнымъ духовнымъ начальствомъ, какой церковный законъ долженъ быть примѣненъ къ представившемуся въ дѣлѣ случаю», и «если духовное начальство объявитъ, что представившійся случай ведетъ къ расторженію брака, то палата объявляетъ бракъ уничтоженнымъ»¹⁾.

Далѣе, наряду съ записью въ полицейскія книги раскольническихъ браковъ, комитетъ предполагалъ исключительно здѣсь же производить запись рожденій и смерти раскольниковъ менѣе вредныхъ сектъ, съ тѣмъ, чтобы объявленіе сихъ событій было насколько возможно точно, съ указаніемъ часа ихъ совершенія, и дѣлалось заявителемъ съ двумя свидѣтелями, которые предварительно должны взять удостовѣреніе о своей личности отъ сельскаго управленія. Но одно раздвоеніе такого важнаго въ государственномъ отношеніи дѣла, какъ запись рожденій, по мнѣнію митрополита Филарета, неизбежно должно было представлять очень важное неудобство для правительства. «Запись православныхъ въ церкви, запись раскольниковъ въ полиціи, — такъ ли это двойство удобно для народа и для правительства, какъ если бы это было въ однихъ рукахъ?» — спрашивалъ онъ. Затѣмъ, представляя разныя частныя неудобства и затрудненія, какъ, напр., далекія хожденія раскольниковъ къ становаму приставу, «нерѣдко за 20-ть и болѣе верстъ», и притомъ нерѣдко, за продолжительнымъ отсутствіемъ становаго, безуспѣшныя и напрасныя, а также странное выдѣленіе и неопредѣленное обозначеніе мѣста записи рожденій и смерти раскольниковъ вредныхъ сектъ, неизбежное увеличеніе казенныхъ издержекъ на «увеличеніе канцелярій полицейскихъ

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв., 5. т., 580—582 стр.

управлений и становых приставов», мало вѣроятная и трудно достижимая точность полицейскихъ записей и т. п. — недостатками этого разсматриваемаго предположенія комитета, и потому находилъ болѣе цѣлесообразнымъ и удобнымъ представить запись всѣхъ вообще раскольниковъ, наравнѣ съ православными, православному духовенству, что, по его мнѣнію, не только само собой уничтожило бы перечисленныя неудобства, но и давало бы постоянные случаи пастырскихъ церкви «соприкасаться къ раскольникамъ, чтобы дружельбымъ и доброжелательнымъ обращеніемъ съ раскольниками пріобрѣтать ихъ благорасположеніе и открывать путь къ религиозному съ ними собесѣдованію», тогда какъ обычно раскольники, «по наущенію своихъ наставниковъ, не принимаютъ священниковъ въ свои дома, и священники не находятъ случаевъ войти съ ними въ сношеніе»¹⁾.

Слѣдующее затѣмъ предположеніе особаго комитета состояло въ томъ, чтобы отмѣнить изданное правительствомъ императора Николая отъ 5-го января 1845 года запрещеніе допускать раскольниковъ въ иконописные цехи²⁾. Какіе побужденія къ такому измѣненію имѣлъ въ виду комитетъ, сказать довольно трудно, особенно если принять во вниманіе небольшое количество раскольниковъ-иконописцевъ сравнительно съ общею численностью раскола. Между тѣмъ малозначащее и не особенно серьезное на первый взглядъ измѣненіе это, по мнѣнію митрополита Филарета, было вовсе не таково. Въ немъ онъ усматривалъ вредъ и для православной церкви и для самаго искусства иконописнаго: ибо раскольники, занимающіеся иконописаніемъ, не учатся ему «по правиламъ, но пишутъ иконы со старыхъ очерковъ и производятъ изображенія неправильныя, верѣдно безобразныя, основанныя на ложныхъ преданіяхъ». При этомъ, несмотря на существующее запрещеніе, они въ то же

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв., 5 т., 583—585; срвн. 2 т., 452—454; 3 т., 215—218 стр.

²⁾ Собр. постанов. по ч. раскола 1858 г. 445 стр.

время «стремится распространять свои произведенія, вредныя для православія и для искусства», не только между своими, но и между православными, напр., при написаніи, или поновленіи иконъ въ православныхъ церквахъ, особенно при благопріятствіи нѣкоторыхъ прихожанъ, стараясь изображать двуперстіе крестнаго знаменія. Такимъ образомъ «при усиленіи раскольническихъ иконописцевъ», — заключалъ митрополитъ Филаретъ, — которое съ приведеніемъ въ исполненіе нашего предположенія сдѣлается еще болѣе значительнымъ, «дѣло можетъ дойти до того, что въ нѣкоторыхъ церквахъ всѣ иконы получатъ раскольническій видъ и сдѣлаются нагляднымъ доказательствомъ въ пользу раскола, къ возвращенію православныхъ», и потому существующее запрещеніе онъ считалъ нужнымъ, какъ «охранительную мѣру въ пользу православія и въ пользу самаго искусства», тѣмъ болѣе, что оно не можетъ составлять «большой тягости» и для самихъ раскольниковъ¹⁾.

Наконецъ, дальнѣйшія и, можно сказать, важнѣйшія предположенія особаго комитета состояли въ слѣдующемъ: а) разрѣшить раскольникамъ менѣе вредныхъ сектъ учрежденіе собственныхъ школъ и дозволить имъ посѣщеніе общихъ учебныхъ заведеній, не дѣлая для нихъ обязательнымъ обученіе закону Божію; б) допустить исправленіе раскольническихъ часовенъ и молитвенныхъ зданій, распечатаніе закрытыхъ и, гдѣ нужно, обращеніе въ молельни жилыхъ зданій; в) не подвергать преслѣдованію исполняющихъ духовныя требы у раскольниковъ менѣе вредныхъ сектъ, кромѣ случаевъ, когда они навлекутъ на себя дѣйствіе общихъ уголовныхъ законовъ.

Крайній вредъ всѣхъ означенныхъ предположеній для интересовъ православной церкви и явное намѣреніе со стороны комитета приведеніемъ ихъ въ исполненіе предоставить расколу свободное существованіе наравнѣ со всѣми другими православными вѣроисповѣданіями были очевидны, и потому ревностный защитникъ православной церкви, митрополитъ Филаретъ, возсталъ противъ нихъ со всею силою, чтобы предот-

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв., 5 т., 585—586 стр.

вратить неминуемо-пагубныя послѣдствія крайне-либеральнаго увлеченія составителей проекта.

а) Предположеніе комитета — дозволить раскольникамъ учреждать школы, по словамъ митрополита Филарета, «со-мнительно со многихъ сторонъ» и прежде всего съ той, что послужить признакомъ сословности раскольниковъ и такимъ образомъ должно будетъ вести «къ усилению ихъ сепаратизма», «тогда какъ для государства полезнѣе, чтобы сепаратизмъ ихъ уменьшался и не производилъ трещины въ общественномъ единствѣ». Мысль объ учрежденіи особыхъ раскольническихъ школъ, по его мнѣнію, имѣла бы мѣсто развѣ въ томъ случаѣ, если бы правительство изыскивало средства не для ослабленія, а для усиленія раскола; но такъ какъ правительство этого не желаетъ, то и средство обратнаго свойства должно быть признано ненадежнымъ. Выставлявшееся многими въ то время возраженіе (которое, нужно думать, и побудило комитетъ къ разсматриваемому предположенію), что «при недостаткѣ училищъ для раскольниковъ, они все равно учатъ же дѣтей чрезъ старцевъ и старицъ въ духѣ раскола», — московскій святитель не находилъ «сильнымъ». «Сіе обученіе, не уполномоченное правительствомъ, — писалъ онъ, — не распространяется широко. Старцы и старицы учатъ дѣтей читать Азбуку, Часословъ и Псалтырь, и производятъ невѣжды невѣждъ. Но въ предполагаемыхъ раскольническихъ училищахъ будутъ учителя болѣе или менѣе образованные и подѣйствуютъ на развитіе умственныхъ способностей раскольническихъ дѣтей, что можетъ произвести образованныхъ учителей раскола и противоборцевъ православію съ сильнымъ вліяніемъ на массы раскольниковъ. Если же училищное образованіе поколеблетъ въ дѣтяхъ увѣренность въ расколѣ безъ правильнаго обученія Закону Божию, то произойдутъ люди безъ религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій, вредные для себя, для раскола и для государства». Между тѣмъ «способъ доставить раскольникамъ образованіе болѣе благонадежнымъ путемъ» митрополитъ Филаретъ находилъ, — и именно въ народныхъ школахъ, заводимыхъ духовен-

ствомъ, которыя, судя по примѣру нѣкоторыхъ школъ въ Московской епархіи, напр., Гуслицкой, стали постепенно привлекать къ себѣ раскольническихъ дѣтей, при чемъ родители сами изъявляли желаніе, чтобы ихъ дѣти «учились не только читать и писать, но и понимать и объяснять прочитанное», и «съ удовольствіемъ присутствовали на испытаніи своихъ дѣтей». «Естественно ожидать, — прибавлялъ онъ, — что изъ такихъ училищъ дѣти раскольниковъ выйдутъ со здоровыми первоначальными понятіями о вѣрѣ и не съ враждебнымъ, а съ мирнымъ расположеніемъ къ духовенству и къ церкви. Если такое ученіе распространится, то ненужны будутъ особыя раскольническія училища; напротивъ того, если сіи учредятся, то нельзя не опасаться, что расколоводители похитятъ раскольническихъ дѣтей изъ церковныхъ училищъ и увлекутъ въ свои, враждебныя церкви». Въ заключеніе своего мнѣнія о раскольническихъ училищахъ московскій архиепископъ указывалъ комитету, что не онъ одинъ, «но и свѣтскіе ученые московскаго округа» учрежденіе училищъ раскольниковъ «признавали неумѣстнымъ и вреднымъ», и согласно со всѣми «изложенными соображеніями» полагалъ — или совсѣмъ оставить предположеніе, или, «по крайней мѣрѣ, отстрочить сію мѣру до усмотрѣнія, не сообщать ли раскольникамъ церковныя и гражданскія училища желаемаго образованія, не ознаменованнаго характеромъ сепаратизма». — Что же касается другого предположенія комитета, чтобы дозволить раскольникамъ посѣщать общія учебныя заведенія безъ обязательнаго обученія Закону Божию, то неудобные плоды и такого порядка, по мнѣнію митрополита Филарета, также могли быть видимы напередъ. «Если раскольническій сынъ въ училищѣ совсѣмъ не будетъ думать о Законѣ Божіемъ, — замѣчаетъ онъ, — а въ родительскомъ домѣ находитъ будетъ только невѣжество и, можетъ быть, недобрый примѣръ, — то что будетъ съ его религіею?» А между тѣмъ «для раскола не было бы оскорбительно, а для дѣтей раскольниковъ было бы душеполезно», «если бы, безъ обязательства слушать уроки Закона Божія», они изучали «символь вѣры,

молитву Господню и десять заповѣдей, употребляя, если хотять, старопечатныя книги»¹⁾.

б) Предполагавшееся умноженіе раскольническихъ молитвенныхъ домовъ и часовенъ особый комитетъ считалъ необходимымъ въ виду ихъ крайняго недостатка, — «далекаго несоотвѣтствія существующихъ молельнъ даже самой крайней потребности», а также подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что «раскольническая служба въ публичныхъ молельняхъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ сходствующая съ богослуженіемъ церкви православной, должна, конечно, благотвѣтельнѣе дѣйствовать на нравственное настроеніе заблуждающихся, чѣмъ тайное богомоленіе въ избахъ, которое, какъ показываетъ опытъ, всегда гораздо болѣе удаляется отъ обрядовъ истинной церкви, а иногда утрачиваетъ и всякій религіозный характеръ». Но первое «основаніе» Митрополитъ Филаретъ находилъ весьма сомнительнымъ, а второе — «не основаннымъ на опытѣ и на вѣрномъ дознаніи предмета».

Судить о крайней необходимости раскольническихъ молитвенныхъ домовъ «въ отношеніи ко всему государству», не имѣя «положительныхъ доказательствъ», тѣмъ болѣе невозможно, — писалъ онъ, — что мѣстныя наблюденія, напр., въ московской епархіи, показываютъ нѣсколько иное, — а именно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея замѣчается даже избытокъ раскольническихъ часовенъ, такъ что въ приходѣ одной церкви находится ихъ нѣсколько, недостатокъ же замѣчается лишь въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ расколъ распространился вновь, или малочисленъ. Такъ, по списку 1826 года признанныхъ и терпимыхъ молельнъ въ Богородскомъ уѣздѣ показано 50, къ которымъ присоединилось съ того времени не мало самовольно построенныхъ; между тѣмъ по епархіальнымъ свѣдѣніямъ за 1863-й годъ православныхъ приходскихъ церквей въ Богородскѣ и уѣздѣ показано 59, при чемъ православныхъ прихожанъ — 99,284 души обоего пола, а раскольниковъ 59,824; и такимъ образомъ «въ общей сложности одна приходская церковь приходится на 1682 души право-

¹⁾ Собр. мѣт. и отзыв., 5 т., 586—588 стр.

славныхъ, а одна часовня на 1196 душъ раскольниковъ», откуда явствуетъ, что раскольники въ Богородскомъ уѣздѣ въ общемъ «щедрѣе надѣлены часовнями, нежели православные — церквами». «Итакъ, — заключалъ митрополитъ Филаретъ, — если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть у раскольниковъ недостатокъ общемолитвенныхъ мѣстъ, то въ другихъ есть избытокъ; а чѣмъ ихъ болѣе, тѣмъ болѣе соблазна и вреда для православія».

Второе основаніе, или, точнѣе, «разсужденіе» комитета для оправданія необходимости умноженія раскольническихъ часовенъ московскій архиепископъ находилъ не основаннымъ на опытѣ и на вѣрномъ дознаніи предмета потому, что не принять во вниманіе обычный способъ совершенія домашняго раскольническаго богослуженія, напр., жесвященниками, которые дѣлаютъ это такимъ образомъ: въ просторной избѣ ставятъ шелковый алтарь походной церкви съ царскими вратами и небольшими иконами, внутри его ставятъ престолъ, полагаютъ на немъ антипинсъ, Крестъ и Евангеліе и совершаютъ службу по тому же Служебнику, по какому она совершается въ церкви, черезъ что, естественно, не происходитъ никакого удаленія отъ обрядовъ богослуженія совершаемаго въ большой публичной молельной и никакой утраты религіознаго характера въ домашнемъ богослуженіи. Равнымъ образомъ, несогласною съ существомъ дѣла митрополитъ Филаретъ находилъ и ту мысль въ разсужденіи комитета, будто раскольническая служба въ публичныхъ молельняхъ должна благотвѣтельнѣе дѣйствовать на нравственное настроеніе заблуждающихся, чѣмъ богомоленіе въ избахъ; напротивъ, онъ находилъ, что «по одинаковости службы, одно должно быть и нравственное дѣйствіе», и что «служба въ хорошо устроенной публичной молельнѣ, удовлетворяя чувственному вкусу раскольника, будетъ крѣпче привязывать его къ расколу, нежели служба въ избѣ. И на прельщеніе православнаго, — прибавлялъ онъ, — раскольническая пропаганда сильнѣе можетъ дѣйствовать черезъ службу въ публичной часовнѣ, устроенной благолѣпно, снабженной множествомъ древнихъ иконъ, нежели черезъ службу въ избѣ». Утрата же

молитву Господню и десять заповѣдей, употребляя, если хотять, старопечатныя книги»¹⁾.

б) Предполагавшееся умноженіе раскольническихъ молитвенныхъ домовъ и часовенъ особый комитетъ считалъ необходимымъ въ виду ихъ крайняго недостатка, — «далекаго несоответствія существующихъ молеленъ даже самой крайней потребности», а также подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что «раскольническая служба въ публичныхъ молельняхъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ сходствующая съ богослуженіемъ церкви православной, должна, конечно, благотвельнѣе дѣйствовать на нравственное настроеніе заблуждающихся, чѣмъ тайное богомоленіе въ избахъ, которое, какъ показываетъ опытъ, всегда гораздо болѣе удаляется отъ обрядовъ истинной церкви, а иногда утрачиваетъ и всякій религіозный характеръ». Но первое «основаніе» Митрополитъ Филаретъ находилъ весьма сомнительнымъ, а второе — «не основаннымъ на опытѣ и на вѣрномъ дознаніи предмета».

Судить о крайней необходимости раскольническихъ молитвенныхъ домовъ «въ отношеніи ко всему государству», не имѣя «положительныхъ доказательствъ», тѣмъ болѣе невозможно, — писалъ онъ, — что мѣстныя наблюденія, напр., въ московской епархіи, показываютъ нѣсколько иное, — а именно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея замѣчается даже избытокъ раскольническихъ часовенъ, такъ что въ приходѣ одной церкви находится ихъ нѣсколько, недостатокъ же замѣчается лишь въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ расколъ распространился вновь, или малочисленъ. Такъ, по списку 1826 года признанныхъ и терпимыхъ молеленъ въ Богородскомъ уѣздѣ показано 50, къ которымъ присоединилось съ того времени не мало самовольно построенныхъ; между тѣмъ по епархіальнымъ свѣдѣніямъ за 1863-й годъ православныхъ приходскихъ церквей въ Богородскѣ и уѣздѣ показано 59, при чемъ православныхъ прихожанъ — 99,284 души обоего пола, а раскольниковъ 59,824; и такимъ образомъ «въ общей сложности одна приходская церковь приходится на 1682 души право-

¹⁾ Собр. мѣст. и отзыв., 5 т., 586—588 стр.

славныхъ, а одна часовня на 1196 душъ раскольниковъ», откуда явствуетъ, что раскольники въ Богородскомъ уѣздѣ въ общемъ «щедрѣе надѣлены часовнями, нежели православные — церквами». «Итакъ, — заключалъ митрополитъ Филаретъ, — если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть у раскольниковъ недостатокъ общемолитвенныхъ мѣстъ, то въ другихъ есть избытокъ; а чѣмъ ихъ болѣе, тѣмъ болѣе соблазна и вреда для православія».

Второе основаніе, или, точнѣе, «разсужденіе» комитета для оправданія необходимости умноженія раскольническихъ часовенъ московскій архипастырь находилъ не основаннымъ на опытѣ и на вѣрномъ дознаніи предмета потому, что не принять во вниманіе обычныя способы совершенія домашняго раскольническаго богослуженія, напр., лжесвященниками, которые дѣлаютъ это такимъ образомъ: въ просторной избѣ ставятъ шелковый алтарь походной церкви съ царскими вратами и небольшими иконами, внутри его ставятъ престолъ, полагаютъ на немъ антиминсъ, Крестъ и Евангеліе и совершаютъ службу по тому же Служебнику, по какому она совершается въ церкви, черезъ что, естественно, не происходитъ никакого удаленія отъ обрядовъ богослуженія совершаемаго въ большой публичной молельной и никакой утраты религіознаго характера въ домашнемъ богослуженіи. Равнымъ образомъ, несогласною съ существомъ дѣла митрополитъ Филаретъ находилъ и ту мысль въ разсужденіи комитета, будто раскольническая служба въ публичныхъ молельняхъ должна благотвельнѣе дѣйствовать на нравственное настроеніе заблуждающихся, чѣмъ богомоленіе въ избахъ; напротивъ, онъ находилъ, что «по одинаковости службы, одно должно быть и нравственное дѣйствіе», и что «служба въ хорошо устроенной публичной молельнѣ, удовлетворяя чувственному вкусу раскольника, будетъ крѣпче привязывать его къ расколу, нежели служба въ избѣ. И на прельщеніе православнаго, — прибавлялъ онъ, — раскольническая пропаганда сильнѣе можетъ дѣйствовать черезъ службу въ публичной часовнѣ, устроенной благолѣпно, снабженной множествомъ древнихъ иконъ, нежели черезъ службу въ избѣ». Утрата же

всякаго религіознаго и, пожалуй, нравственнаго характера службы у нѣкоторыхъ сектантовъ — скопцовъ, хлыстовъ и пр. произошла, по его словамъ, не отъ избы, а отъ нехлѣбнаго ученія, такъ что и «въ великолѣпной палатѣ» она будетъ все равно такъ же «нелѣпа, какъ и въ избѣ». Не оставилъ безъ разбора осторожный святитель и самаго выраженія комитета: «публичныя молебни». «Это выраженіе новое», — говоритъ онъ; — «раскольники, не сознавая своего права на публичность, строили свои молебни негласно, не на виду, не на площадяхъ, но на дворахъ, на кладбищахъ. Только молебни Рогожскаго и Преображенскаго кладбищъ подняли свои верхи такъ высоко, что далеко видны чрезъ ограды кладбищъ»... Но «если законъ не признаетъ у раскольниковъ іерархіи, не допускаетъ публичныхъ процессій, то были ли бы сообразно съ симъ узаконить молебни въ качествѣ публичныхъ?»

Указавъ неосновательность приведенныхъ комитетомъ доводовъ въ пользу необходимости умноженія раскольническихъ молитвенныхъ зданій, митрополитъ Филаретъ совѣтовалъ напротивъ обратить вниманіе на постоянныя, дерзкія, «явно-пренебрежительныя» нарушенія раскольниками существующаго закона о молебняхъ и подумать о тѣхъ неизмѣримо-вредныхъ для православной церкви послѣдствіяхъ, которыя неизбѣжно явятся вслѣдъ за дозволеніемъ имъ «умножать и выставлять» и безъ того многочисленныя свои часовни. «Высочайшимъ повелѣніемъ 19 августа 1826 года и Высочайше утвержденнымъ 5 іюля 1827 года постановленіемъ комитета г.л. министровъ, — писалъ онъ, — запрещено строить новыя молебни и починивать старыя. Но вотъ, напримѣръ, Богородскаго уѣзда, въ деревнѣ Цаплиной, вмѣсто сгорѣвшей въ прошедшемъ году часовни нынѣ выстроена новая великолѣпнѣе прежней; и это не по нуждѣ, потому что тутъ же существуетъ другая, теплая. Вотъ того же уѣзда въ деревнѣ Селиванихѣ выстроена даже каменная часовня съ царскими вратами и престоломъ, въ которой и служитъ жесвященникъ австрійскаго рукоположенія. Вотъ въ Рогожскомъ, по выра-

женію правительства, богадѣленномъ домѣ, а по выраженію раскольниковъ, на Рогожскомъ Кладбищѣ огромная часовня, на которую отовсюду смотрять раскольники, какъ на маякъ своей безопасности, возобновляется съ перемѣною кровли; и это дѣлается многочисленнымъ, съ поспѣшностью, вѣроятно, по опасенію, чтобы не пришелъ законъ и не остановилъ дѣла. При такомъ направленіи раскольниковъ, чего надлежитъ ожидать, если законъ провозгласитъ право имѣть и умножать публичныя раскольническія часовни и молебни? Нельзя не опасаться, что многія губерніи покроются раскольническими часовнями и молебнями, неподвижными и походными, такъ густо, что православные, принадлежащіе къ простонародію, особенно живущіе вдали отъ церквей, на пути къ церкви будутъ наткаться на часовни и влѣдствіе того упадать въ расколъ»¹⁾. Слѣдовательно, «въ настоящихъ обстоятельствахъ для православнаго правительства нѣтъ ни нравственной, ни политической обязанности пещись о умноженіи раскольническихъ молебенъ; а существуетъ религіозная, нравственная и политическая обязанность употребить попеченіе объ охраненіи православнаго населенія отъ усиливающагося соблазна и возрастающей опасности совращенія по причинѣ чрезмѣрнаго своевольнаго умноженія раскольническихъ молебенъ и походныхъ церквей, повсюду носимыхъ жесвященниками». Впрочемъ и въ настоящемъ случаѣ, какъ и ранѣе, святитель Филаретъ не отказался дать мнѣніе, которое было бы не стѣснительно для раскола, не противорѣчиво для правительства и въ то же время охранительно для православія, — а именно онъ предложилъ со своей стороны: всѣ раскольническія часовни и молебни, признанныя терпимыми въ 1826 году, признать таковыми и на будущее время, «съ дозволеніемъ возобновлять ихъ ветхость, но безъ допущенія вышнихъ церковныхъ принадлежностей: куполовъ, главъ, крестовъ, колоколенъ и колоколовъ»; въ мѣстностяхъ же съ многочисленнымъ раскольническимъ населеніемъ открыты для общаго употребленія, съ разрѣшенія министерства

¹⁾ Увы, это были пророческія слова! Ред.

внутренних дѣлъ и съ наблюденіемъ «настоятельной нужды» домашнія молебни; при этомъ всѣ часовни и молебни, построенныя самовольно, или обращенныя изъ жилыхъ строеній, закрывать, а виновныхъ подвергать законной отвѣтственности; точно также не признавать терпимыми и раскольническія походныя церкви.

в) Излишнимъ и не безвреднымъ находилъ митрополитъ Филаретъ и послѣднее предположеніе комитета — не подвергать преслѣдованію исполняющихъ духовныя требы у раскольниковъ менѣе вредныхъ сектъ, кромѣ случаевъ, когда они навлекутъ на себя дѣйствіе общихъ уголовныхъ законовъ. И это предположеніе онъ призналъ не основаннымъ на опытѣ и вѣрномъ дознаніи предмета: ибо въ дѣйствительности исправляющіе требы у раскольниковъ, особенно же сильно размножившіяся лжеархіереи и лжепопы австрійской лжеіерархіи, не только не нуждаются въ какой-либо защитѣ со стороны правительства, а требуютъ, напротивъ, болѣе строгихъ ограниченій за постоянныя наглія нарушенія закона, воспреещающаго оказательство раскола. Такъ «они составляютъ свои лжесоборы то въ Москвѣ, то за границею, и дѣйствія и акты сихъ лжесоборовъ входятъ въ общую отвѣтственность чрезъ «Русскій Вѣстникъ», хотя и не къ похвалѣ ихъ¹⁾. Это «такой просторъ дѣйствованія, какого не имѣетъ законная іерархія», и онъ не остается «безъ сильнаго вліянія на массы необразованнаго народа», такъ что въ одномъ Богородскомъ уѣздѣ, «въ послѣдніе три года число раскольниковъ увеличилось 18.508 душами обоюго пола». «Предоставить раскольнической лжеіерархіи неограниченную свободу дѣйствованія значитъ предоставить волкамъ свободу похищать овецъ». Притомъ же «лѣсной волкъ, похитивъ одну овцу, насытится и, хотя на время, оставитъ стадо въ покоѣ; волкъ же духовный и сотнями похищенныхъ овецъ не насытится, но будетъ похищать днемъ и ночью». «Итакъ, — писалъ въ заключеніе святитель, — не требуетъ ли справедливость и

¹⁾ Имѣются въ виду печатавшіяся тогда въ „Рус. Вѣст.“ статьи: „Современныя движенія въ расколѣ“.

предосторожность, чтобы поставлены были хотя нѣкоторые предѣлы раскольнической лжеіерархіи?» — Съ своей стороны, не отрицая «терпимости», онъ предлагалъ комитету такъ обозначить ея предѣлы: исполняющихъ богослуженіе и духовныя требы у раскольниковъ менѣе вредныхъ сектъ не подвергать преслѣдованію, если они не дѣлаютъ оказательства раскола и не нарушаютъ законовъ и правилъ, постановленныхъ для охраненія православія; но если кто изъ нихъ позволитъ себѣ оказательство раскола, на примѣръ, начальствованіемъ и служеніемъ въ публичной процессіи, таковой подлежитъ отвѣтственности тѣмъ болѣе строгой, что своимъ служебнымъ дѣйствіемъ вовлекаетъ въ оказательство многихъ другихъ. Точно также если открытъ будетъ актъ, которымъ кто-либо изъ нихъ даетъ кому-либо церковное званіе, на примѣръ, священническая грамота, то и тотъ и другой подвергаются отвѣтственности за принятіе на себя званія законно имъ не принадлежащаго, — первый за составленіе, а другой за принятіе незаконнаго акта¹⁾.

Таковъ былъ внимательный, правдивый, именно основанный на долготѣмъ опытѣ и вѣрномъ дознаніи предмета, разборъ предположенныхъ либеральными законодателями «измѣненій въ дѣйствующихъ постановленіяхъ» относительно раскола, — разборъ по Высочайшей волѣ произведенный митрополитомъ Филаретомъ. И горькая правда, не прикровенно, но рѣзко обнаженная великимъ святителемъ, оказала такое дѣйствіе на правительство императора Александра II-го, что только уже спустя 10 лѣтъ послѣ сего и 7 лѣтъ по смерти самого владыки Филарета, снова поднятъ былъ вопросъ «о гражданскихъ правахъ раскольниковъ» и изданы «правила о метрической записи браковъ, рожденій и смерти раскольниковъ», т.-е. изъ всѣхъ проектированныхъ прежде и не одобренныхъ митрополитомъ Филаретомъ измѣненій въ законахъ о расколѣ приняты только два первыхъ²⁾. Но немногочисленныи опытъ показалъ, что выраженные присновѣчными

¹⁾ Собр. мѣн. и отр. 5 т. 594—596 стр.

²⁾ Разумѣемъ Высочайше утвержденныя постановленія о расколѣ.

архипастыремъ опасенія относительно неудобства и этихъ двухъ измѣненій, были вполне справедливы, какъ то засвидѣтельствовали оба московскіе миссіонерскіе съѣзда²⁾. Дальнѣйшее же поступательное, хотя опять таки далеко не рѣшительное, движеніе по пути проектированнымъ комитетомъ 1864 года измѣненій въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о раскольникахъ было сдѣлано уже въ 1883 году, когда явились извѣстные майскіе законы, влияние которыхъ оказалось также весьма стѣснительныхъ для успѣшнаго дѣйствованія церкви въ борьбѣ съ расколомъ. Такимъ образомъ конечнымъ результатомъ энергической борьбы митрополита Филарета съ сильнымъ либеральнымъ движеніемъ, начавшимся съ первыхъ же дней царствованія Александра II-го, было то, что правительствомъ не только отвергнуты были многочисленныя заявленія крайнихъ защитниковъ раскола о необходимости дарованія ему полной свободы вѣроисповѣданія, но и до конца жизни московскаго святителя сохранены были почти все главныя законоположенія относительно раскольниковъ, изданныя при его участіи въ предшествовавшее царствованіе. Правда, правительственное слово значительно расходилось съ дѣломъ, и прежнія юридическія строгости, остававшіяся неприкосновенными, на дѣлѣ не препятствовали правительственнымъ лицамъ смотрѣть на расколъ «сквозь пальцы», и дѣлать даже попытки открытаго покровительства расколу; но ревностный блюститель интересовъ православной церкви, митрополитъ Филаретъ, съ энергіей отстаивая «и великое и малое» въ установленіяхъ императора Николая относительно раскола, боролся противъ всѣхъ таковыхъ, дѣлавшихся ему извѣстными, послабленій расколу со стороны и безкорыстныхъ и корыстолюбивыхъ его защитниковъ. Силою своего горячаго и правдиваго слова онъ заставлялъ ихъ дѣлать должное и законное по отношенію къ раскольникамъ, и поповщинскаго и безпоповщинскаго толка, о чемъ и слѣдуетъ сказать теперь.

нивахъ отъ 19 апр. 1874 г. — См. сборникъ законовъ о расколѣ А. Богословскаго. Москва 1881 г. Стр. 2—3; 11—15; 16—17.
²⁾ Московск. Вѣдомости¹ 1891 г. № 188; „Бр. Слово“ 1887 г., 2 т., 59 стр.

Очень быстро раскольники-поповцы, и прежде всего, конечно, рогожскіе, почувствовали «зарю новаго царствованія» и «съ бѣльшею прежняго смѣлостью и надеждою на себя» начали дѣйствовать по смерти того, «кого имени они прежде трепетали». Такія новыя, дерзко-вызывающія отношенія рогожскихъ раскольниковъ къ новому правительству начались съ первыхъ же дней восшествія на престолъ императора Александра II-го и обнаружались самымъ нагляднымъ образомъ въ упомянутомъ уже упорномъ двухдневномъ уклоненіи ихъ отъ установленнаго закономъ принесенія присяги въ православной церкви, предъ православнымъ священникомъ, на вѣрноподданство новому государю, которая въ концѣ концовъ состоялась лишь послѣ кроткаго вразумленія ихъ главныхъ вожаковъ (двухъ попечителей и трехъ вліятельныхъ прихожанъ Кладбища) митрополитомъ Филаретомъ, пригласившимъ послѣднихъ съ этою цѣлью къ себѣ на домъ, и притомъ все-таки въ одной изъ рогожскихъ часовенъ, а не въ церкви. Чтò собственно хотѣли раскольники выразить этимъ противленіемъ законнымъ требованіямъ власти, — опредѣлить довольно трудно, хотя и несомнѣнно, что «здѣсь дѣйствовало», — по справедливому замѣчанію митрополита Филарета, — «не столько религиозное убѣжденіе, сколько желаніе поступить по своей волѣ» и вмѣстѣ желаніе «показать простому народу свою силу и чрезъ то удержать его въ своей зависимости». Нѣсколько ранѣе этого, незадолго до смерти императора Николая, они пытались, по свидѣтельству митрополита Филарета, сдѣлать то же самое, т.-е. поддержать въ народѣ бодрость и преданность расколу другимъ способомъ — сообщеніемъ ложныхъ слуховъ объ изданныхъ будто бы въ ихъ пользу новыхъ узаконеніяхъ. Онъ писалъ объ этомъ исправлявшему должность оберъ-прокурора Св. Синода Карасевскому: «До нынѣшняго года рогожскіе расколоводители, хотя старались удерживать раскольнической народъ отъ присоединенія къ единовѣрью, но не было примѣтно особенныхъ оказательствъ. Въ нынѣшнемъ году начались оказательства. 25 января было необыкновенно большое собраніе раскольниковъ

въ часовні, и употребленъ былъ обрядъ, употребленный въ уставу только въ Пасху, — поставленіе среди храма большой курильницы съ ладаномъ. Изъ развѣдыванія смотрителя Рогожскаго Кладбища¹⁾ видно, что собраніе сіе созвано было чрезъ нарочныхъ для слушанія будто бы въ пользу раскольниковъ указа. Слухи привнесываютъ сіе дѣло расколоводителю кунцу Свѣшникову и попочителю Зеленкову». Хорошо понимая, какъ опасны для православія подобныя продѣлки рогожскихъ раскольниковъ, митрополитъ Филаретъ не могъ остаться равнодушнымъ и бездѣтельнымъ ихъ зрителемъ. «Въ сихъ обстоятельствахъ, — писалъ онъ тому же Карачаровскому, — особенно много значить сохраненіе правилъ, данныхъ въ Бозѣ почившимъ благочестивѣйшимъ государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ отношеніи къ расколу. При неизмѣнномъ сохраненіи сихъ правилъ открывшіяся охватительства раскола лишатся своего значенія и останутся безъ послѣдствій. Но если бы расколоводители достигли, въ видѣ снисхожденія, нѣкотораго изъятія изъ оныхъ въ свою пользу, то они не преминули-бы выставить сіе предъ простонародьемъ, какъ свое преимущество; уселили бы свое стремленіе къ тому, чтобы образоваться въ сомкнутую отдѣльность отъ общаго государственнаго устройства, а также и кроющаяся въ вѣраxъ лжеіерархія могла бы получить болѣе смѣлости продолжать свои вредныя дѣйствія». «Сія наблюденія надъ нѣкимъ состояніемъ рогожскихъ раскольниковъ, — писалъ онъ въ заключеніе, — во моему посылному разумѣнію, такъ не маловажны, что я побуждаюсь предложить на разсужденіе ваше превосходительства, не нужно ли довести оныя до Высочайшаго свѣдѣнія²⁾».

Было, или не было исполнено предложеніе митрополита Филарета, — въ точности неизвѣстно; но его протестъ остался въ этотъ разъ безъ видныхъ послѣдствій, и дерзкій расчетъ раскольниковъ, что «новый императоръ, при первомъ своемъ

вступленіи на престолъ, не захочетъ ссориться съ ними³⁾, оказался вѣрнымъ. Зато, дальнѣйшія событія въ точности оправдали тревожнаго опасенія митрополита Филарета относительно вредныхъ послѣдствій снисходительности къ расколовикамъ. Съ болѣею противъ прежняго силой и настойчивостью возобновившіяся домогательства рогожцевъ — получить независимыхъ отъ церкви священниковъ, затѣмъ не менѣе настойчивыя ходатайства о дозволеніи открыто совершать богослуженія въ рогожскихъ часовняхъ лжеархіереямъ и лжевопамъ австрійскаго поставленія, немовѣрно быстрое размноженіе бѣлокриницкой лжеіерархіи со всѣми вредными отъ того послѣдствіями — вотъ три крупныя явленія, характеризующія дальнѣйшее состояніе поповщинскаго раскола въ періодъ царствованія Александра II-го, съ которыми правительству, а еще болѣе московскому святителю, приходилось имѣть дѣло. На сей разъ мы ограничимся только изложеньемъ его трудовъ по окончательному рѣшенію вопроса о дарованіи расколовикамъ независимыхъ отъ православнаго архіереяства священниковъ.

Попытку добить себѣ отъ православной церкви священника для исправленія требъ рогожскіе раскольники сдѣлали немедленно послѣ указаннаго уклоненія ихъ отъ присяги. Согласившись принять ее отъ Карачаровскаго священника, они и думали именно его «спреклонить къ себѣ деньгами» и «испросить на томъ положеніи, какъ были у нихъ бѣглецы священники». Но «разсудительный, честный, дѣятельный по должности и кроткій въ обращеніи» священникъ этотъ не прельстился деньгами раскольниковъ, и даже, «для предохраненія себя отъ нареканія — о распространяемомъ между расколовиками слухѣ», донесъ обо всемъ митрополиту Филарету⁴⁾, отчего попытка, естественно, не удалась. Спусти немного времени раскольники рогожскіе дѣлаютъ новую, болѣе смѣлую попытку въ томъ же родѣ. Не далѣе, какъ въ апрѣлѣ

¹⁾ Русск. Вѣсти. 1881 г., 12 кн., 671 стр.

²⁾ Мѣст. и отв., 4 т., 9 стр.

³⁾ Монаховъ.

⁴⁾ Собр. вѣст. и отв., 4 т., 7—11; 11—15 стр.

того же (1855) года, примѣчая благоприятное для себя новое вѣяніе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, московскіе вожаки, а по ихъ подстрекательству¹⁾ и богородскіе, подали просьбу за многочисленными подписями о дозволеніи имъ избирать священниковъ для отправления требъ «изъ заштатныхъ, или многостатныхъ приходовъ и изъ находящихся на покоѣ». Просьба подана была на Высочайшее имя, при чемъ просители не постѣснились снабдить ее завѣдомо фальшивыми жалобами на несправедливое будто-бы отобраніе у нихъ «молитвенныхъ храмовъ», иконъ, облачений и утвари. Дерзкій тонъ и ложь этихъ прошеній были такъ велики, что митрополитъ Филаретъ, которому онѣ были препровождены министромъ внутреннихъ дѣлъ Библиковымъ для «сообщенія по онымъ соображенія и заключенія», видимо «смущенный измѣняющимися правительственными отношеніями къ расколу», сверхъ обыкновенія медлилъ отвѣтомъ, и только по новой просьбѣ уже новаго министра, Ланского, 22 сентября представилъ о нихъ свой отзывъ, въ которомъ предварительно замѣтилъ, что требованіе отъ него мнѣній «представляется нѣсколько необыкновеннымъ» для него.

Въ своемъ прошеніи московскіе раскольники писали, что будто бы «молитвенные храмы ихъ, воздвигнутые на отведенномъ мѣстѣ за Рогожской въ Москвѣ заставой, кромѣ двухъ часовенъ, отобраны». Возражая противъ этого, митрополитъ Филаретъ указалъ сначала на весьма сомнительную законность самаго существованія указанныхъ раскольниками храмовъ, а затѣмъ ясно разоблачилъ неосновательность и наглую ложь самой ихъ жалобы. «Если просители, — писалъ онъ въ своемъ отвѣтѣ министру, — хотять утверждаться на первоначальномъ распоряженіи правительства, то всѣ ихъ часовни и прочія построенія должно у нихъ отобрать, или уничтожить, потому что мѣсто отведено правительствомъ для больницы и кладбища пораженныхъ чумою, а не для раскольническихъ заведеній. Можно подумать, что уже много у нихъ и отнято,

когда они пишутъ, что отняты молитвенные ихъ храмы, кромѣ двухъ часовенъ. Храмъ больше нежели часовни. Итакъ, слова ихъ представляютъ такой смыслъ, что у нихъ отняты многіе важнѣйшіе храмы, а только оставлены имъ менѣ важныя двѣ часовни. Но то ли на самомъ дѣлѣ? Двѣ огромныя часовни, великолѣпно украшенныя, остаются у нихъ неприкосновенными, а взята одна малая часовня и обращена въ единовѣрческую церковь», на что опять жаловаться нельзя, потому что «общество рогожскихъ единовѣрцевъ было прежде въ составѣ общества рогожскихъ раскольниковъ, участвовало во вкладахъ въ часовни и имѣло право съ прочими пользоваться ими», каковое право съ отдѣленіемъ единовѣрцевъ отъ раскольниковъ, т.-е. съ переходомъ ихъ «изъ незаконнаго въ законное положеніе», естественно, не только не уничтожилось, но напротивъ увеличилось, такъ что «въ уваженіе своей законности» единовѣрцы могли бы требовать даже лучшей изъ часовенъ, и если испросили меньшую, то поступили скромно... Итакъ, безъ преувеличенія можно сказать, что вышеозначенная статья прошенія раскольниковъ написана не только ложно, но и безсовѣстно». — Одинаковой степени достоинства, по суду митрополита Филарета, была и вторая статья прошенія, т.-е. жалоба раскольниковъ на отобраніе иконъ, облачений и утвари. «Двѣ огромныя часовни, — писалъ онъ, — оставлены у раскольниковъ неприкосновенными, со всѣмъ ихъ украшеніемъ», единовѣрцами же взято изъ облачений опять таки менѣ того, чѣмъ они могли бы по праву требовать. — Далѣе, раскольники въ прошеніи жаловались, что у нихъ некому совершать требы. «Но кто въ сѣмъ виноватъ, кромѣ ихъ самихъ? — спрашивалъ митрополитъ Филаретъ. Последній ихъ священникъ присоединился къ единовѣрческой церкви: можно ли было отказать ему въ сѣмъ, когда онъ сего пожелалъ и просилъ? Кто не велѣлъ имъ последовать за нимъ?» — Обращаясь же, наконецъ, къ заключительной просьбѣ московскихъ раскольниковъ о дозволеніи имъ выбора священниковъ изъ заштатныхъ, или многостатныхъ приходовъ, митрополитъ Филаретъ замѣтилъ, что она, какъ уже разсмотрѣвалъ въ мо-

¹⁾ Собр. мнѣн. и отв. 4 т. 13 стр.

сковскомъ совѣщательномъ комитетѣ и отвергнутая въ Бюро починивши государемъ императоромъ, не можетъ возбуждать и сомнѣнія въ своей негодобовольности.

Прошение богородскихъ раскольниковъ по своему содержанию не отличалось ничѣмъ особеннымъ отъ прошенія московскихъ раскольниковъ, кромѣ сравнительно многочисленнаго количества подписей, въ которыхъ упоминались «селенія въ нѣсколькихъ приходахъ, не мало отдаленныхъ отъ г. Богородска». На это митрополитъ Филаретъ главнымъ образомъ и желалъ обратить вниманіе правительства. «Чтобы собрать сія подписи, — говоритъ онъ, — надобно было или съѣздить въ одно мѣсто, изъ города и уѣзда, большое скопище раскольниковъ, или послать агентовъ по селеніямъ, чтобы высказывать раскольниковъ къ подписанію. Полагаю, что и оставлено будетъ безъ разсмотрѣнія, допускаетъ ли такое дѣйствіе, и возпущеніе сего не можетъ ли сопрягаться неблагопріятными послѣдствіями. Не хороша бы открытая мимамъ раскольническій; но и подобное дѣяніе, сокрытое отъ правительства, менѣе ли худо?»¹⁾

Столь основательное разоблаченіе лживости и наглости раскольническую лживость, представленное митрополитомъ Филаретомъ, достигло своей ближайшей цѣли, — прошенія раскольниковъ были оставлены безъ послѣдствій, но и томительность изъ въ намѣшеніи лжи и клеветъ на православную церковь, благодаря болѣе и болѣе усиливавшемуся въ томъ направленіи правительству въ отношеніяхъ къ раскольникамъ, осталась безнаказанной, — и это самое вызвало раскольниковъ на воюка, еще болѣе настойчиваго домогательства съ ихъ стороны. Состоявшееся въ августѣ 1855 года увольненіе отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанта Бабикова, бывшаго «ревностнымъ исполнителемъ предъначертаній императора Николая», и назначеніе на его мѣсто Далекаго, бывшаго «ислѣдникомъ изъ наиболѣе ядныхъ профессоровъ» нигирироваго въ Россію масонства, и, конечно,

не чуждаго господствовавшихъ въ масонствѣ религіозныхъ и социальныхъ ученій», а также почти одновременная, по настоянію графа Закревскаго, зачѣна честнаго, энергическаго и искуснаго въ исполненіи своихъ обязанностей смотрителя Рогожскаго кладбища — Москалова, либеральными защитниками раскола Донгиновичъ, — были для московскихъ раскольниковъ какъ нельзя болѣе желательны и благопріятны¹⁾. Поэтому еще болѣе, чѣмъ прежде, увѣренны въ безнаказанности, рогожцы, съ своими попочетельниками Зеленковичъ и Винокуровичъ во главѣ, въ апрѣлѣ 1856 г. возобновили свою просьбу о дарованіи имъ независимыхъ отъ архіереевъ Велико-россійской церкви священниковъ. Просьба подана была опять на Высочайшее имя, и для болѣе убѣдительности подписана не только московскими, но еще рязвскими и киврскими раскольниками. Однако на этомъ разѣ расчетъ московскихъ раскольниковъ на послабленія имъ, сверхъ ихъ ожиданія, оказался далеко не вѣрнымъ: изложенныя митрополитомъ Филаретомъ сужденія по сему предмету очевидно не утратили своей силы въ глазахъ правительства. Императоръ Александръ предпринималъ прошеніе въ секретный комитетъ съ слѣдующей собственноручной подписью: «Сообщить къ свѣдѣнію (секретнаго комитета), объявить, что я на это рѣшительно не согласенъ». И секретный комитетъ, въ исполненіе Высочайшей воли, объявленной ему чрезъ статсъ-секретаря князя Голицына, въ своемъ засѣданіи отъ 16 мая 1856 года постановилъ: «поручить преосвященному митрополиту московскому обще съ московскими военнымъ генералъ-губернаторомъ, приказать къ себѣ старшинъ Рогожскаго Кладбища, рѣшительно объявить имъ, а чрезъ нихъ всѣмъ рогожскимъ раскольникамъ, что желаніе ихъ имѣть священниковъ, независимыхъ отъ архіереевъ, никогда не будетъ принято правительствомъ, какъ противное законамъ церкви и государства, и что имъ остается присоединиться къ св. церкви или безу-

¹⁾ См. житіе и оца ч. 1. 45—47 стр.

¹⁾ Врат. Слово 1851 г. № 10, 452, 454, 463 стр.

196
словно, или на правилахъ единобѣрія, для освященія рож-
денныхъ часовенъ и для правильнаго въ оныхъ богослуженія»¹⁾.
Казалось бы, послѣ столь рѣшительнаго Высочайше утвер-
жденнаго постановленія комитета, рогожскіе раскольники
должны были оставить всякую мысль о приобрѣтеніи и
полученіи священниковъ, независимыхъ отъ православной
церкви. И однакоже, они продолжали упорствовать въ этой
мысли. «Зная, что калля пробиваетъ камень, и думая, что
догучивостію и нѣкоторыми измеканными представленіями,
какъ, наиримѣрь, указаніемъ на свое число, ими преувели-
ченное, можно поколебать твердость правительства и дости-
нуть цѣли своего усиленія», они упорно отказывались по-
явиться даже только въ слушаніи рѣшительнаго отказа на
ихъ просьбу, когда, согласно постановленію комитета, были при-
глашены для сего въ домъ генераль-губернатора, гдѣ нахо-
дился и митрополитъ Филаретъ. Не знаемъ, какъ дѣйстви-
тельно при этомъ гр. Закревскій, — по всей вѣроятности и
теперь, какъ всегда, держалъ сторону раскольниковъ: митрополитъ
Филаретъ употреблялъ всѣ старанія — склонить
ихъ къ покорности. Вотъ что самъ онъ рассказываетъ объ
этомъ. «Для исполненія постановленія комитета призваны были
въ домъ московскаго военнаго генераль-губернатора два по-
чтеннаго Рогожскаго Кладбища и четыре человека изъ прочихъ
значительныхъ раскольниковъ. По прочтеніи имъ Высочайше
утвержденнаго мнѣнія, митрополитъ (т.-е. самъ Филаретъ)
изъяснилъ имъ, что раздѣленіе церковное не угодно Богу,
что они сами признаютъ необходимость въ архіереяхъ, коимъ
просить священниковъ, рукоположенныхъ архіереями; что
отъ начала христіанской церкви святые соборы и святые
отцы никогда не позволяли священникамъ выходить изъ за-
висимости отъ своего церковнаго начальства, а отчужде-
вшихся отъ него подвергали осужденію; что единобѣрческія
правила слѣдовательно и достаточно удовлетворяютъ тѣмъ

¹⁾ Русск. Вѣсти, 1881 г. Дек. 687—688 стр. Ср. Сбор. мв. 4 т. 273 стр.

— 197 —
которые привязаны къ старопечатнымъ книгамъ; и, наконецъ,
приглашалъ ихъ къ дальнѣйшему совѣщанію для разрѣше-
нія сомнѣній и для достиженія примиренія. Одинъ изъ нихъ
изъявилъ расположеніе присоединиться къ церкви на прави-
лахъ единобѣрія; прочіе молчали, и когда потребовано, чтобы
они подписались только въ слушаніи Высочайше утвержденного
мнѣнія, они на сіе не соглашались, и согласились только послѣ
продолжительнаго вразумленія. Послѣ частнымъ образомъ до-
звано было предварительное соизмышленіе ни на что не согла-
шаться, и худо понявшіе оное не соглашались и на простую
подписку въ слушаніи. Изъявившій расположеніе къ едино-
бѣрью, почетный гражданинъ Богдановъ, вскорѣ послѣ того
дозволилъ своей дочери присоединиться къ единобѣрью и
въѣзжаться въ единобѣрческую церковь; но самъ не устоявъ
передъ силою раскола и не присоединился къ церкви... «Вотъ
наиримѣрь предъ глазами начальства, — заключалъ свой рассказъ
митрополитъ Филаретъ, — какъ сила расколическаго скопища
подавляетъ разумное убѣжденіе въ пользу церкви»¹⁾.

Столь неохотно данная раскольниками россійска въ слуша-
ніи Высочайше утвержденного постановленія комитета, какъ и
слѣдовало ожидать, вовсе не служила залогомъ ихъ готовно-
сти подчиниться этому постановленію; напротивъ, въ декабрѣ
того же 1856 года они подають новую всеподданнѣйшую
просьбу о дозволеніи имѣть священниковъ отъ гражданскаго
начальства, независимыхъ отъ архіерейства Гевороссійской
церкви. Просьба ихъ оставлена была безъ послѣдствій, хотя
и не видно, чтобы вызвала со стороны правительства какія-
либо строгія внушенія раскольникамъ, какъ того слѣдовало бы
ожидать послѣ недавняго, столь рѣшительнаго постановленія
комитета, утвержденного Высочайшею властію. Рогожскіе
раскольники, конечно, боялись даже изъ этого, что новое пра-
вительство благосклонно къ нимъ расположено, а графъ За-
кревскій несомнѣнно поддерживалъ ихъ въ этой убѣренности

¹⁾ Мнѣніе митр. Филарета по дѣлу о домогательствахъ раскольниковъ
имѣть священниковъ отъ гражданскаго начальства — отъ 27 окт. 1857
года. — Сбор. мв. 4 т., 275—276 стр.

и, конечно, по соглашенію съ ними самъ выступилъ оныя въ защиту ихъ дѣла. Въ началѣ 1857 г. онъ представилъ на Высочайшее возрѣніе новую всеподданнѣйшую записку о необходимости разрѣшенія раскольникамъ имѣть священниковъ отъ гражданскаго начальства. Въ числѣ странныхъ, чтобы не сказать невѣжественныхъ, доказательствъ этой необходимости онъ поставилъ и слѣдующее: «До тѣхъ поръ, пока раскольники просили о дачѣ имъ поповъ, подчиненныхъ гражданскому начальству, не выражая ни своего на это права, ни того, что обряды и таинства ихъ не оскорбляютъ православной церкви, правительство могло еще оставлять означенныя просьбы ихъ безъ уваженія, подъ предлогомъ огражденія правъ православной церкви. Но коль скоро раскольники увидѣли, что въ ихъ митрополитѣ самъ митрополитъ дѣлаетъ все то, что имъ воспрещаютъ и называютъ оскорбленіемъ православія¹⁾, они получили убѣжденіе, что запрещеніе имъ богослуженія и недача поповъ, подчиненныхъ гражданскому начальству, равно лишеніе ихъ гражданскихъ правъ, есть несправедливое преслѣдованіе со стороны православнаго духовенства и что слѣдовательно правительство не можетъ уже оставить просьбу ихъ, подобно прежнимъ, безъ всякаго уваженія, въ чемъ ихъ обнадеживаетъ слово вашего императорскаго величества, выраженное во всеимпериальнѣйшемъ манифестѣ 19-го марта 1856 года: «Каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ покровительствующихъ, да наслаждается плодомъ трудовъ своихъ». Въ видѣ доказательства Захаревскій также опять ссылался на многочисленность раскольниковъ, на вынужденное недостаткомъ поповъ учрежденіе въ митрополіяхъ въ австрійскихъ и турецкихъ владѣніяхъ, на непрекращающійся ростъ раскола, и пр. Въ заключеніе всего онъ выражалъ убѣренность, что правительство поступитъ совершенно предусмотрительно, если дастъ поповцамъ раскольникамъ священниковъ, подчиненныхъ гражданскому начальству».

¹⁾ Голубятинъ то, что въ единствѣнственной церкви, открытой въ Рогожскомъ Кладбищѣ, митр. Филаретъ служилъ по старопечатнымъ книгамъ, соблюдалъ старые обряды.

чальству», ибо признавалъ несомнѣннымъ, что тогда «политическая самобытность раскольниковъ исчезнетъ, находящіеся въ Россіи же архіереи и попы заграничнаго постановленія сдѣлаются ненужными, уничтожится враждебное чувство раскольниковъ къ правительству, устранятся поводы къ переселенію ихъ за границу и къ переводу туда капиталовъ на поддержаніе чужеземныхъ митрополій»¹⁾.

Всеподданнѣйшая записка графа Закревскаго вызвала слѣдующую тревожную Высочайшую резолюцію: «Дѣло это внести неотлагательно на разсмотрѣніе секретнаго комитета, при чемъ обращаю вниманіе гг. членовъ на важность сего государственнаго и, можно сказать, жизненнаго для насъ вопроса, и ожидаю полнаго и откровеннаго ихъ мнѣнія, для успокоенія колеблющейся моей совѣсти въ этомъ важномъ дѣлѣ, т.-е. какъ согласовать выгоды нашей церкви съ государственными выгодами, ибо дѣло идетъ о успокоеніи умовъ пяти милліоновъ людей»²⁾. Въ комитетѣ предсѣдательствовалъ великій князь Константинъ, для котораго Мельниковъ составилъ тогда свою извѣстную записку, наполненную ложными сказаніями о раскольникахъ и вымыслами о православномъ духовенствѣ. И предсѣдатель и, вслѣдъ за нимъ, всѣ другіе свѣтскіе члены комитета настойчиво потребовали разрѣшенія вопроса въ положительномъ смыслѣ, т.-е. въ пользу раскольниковъ. Это дѣлало крайне затруднительнымъ положеніе духовныхъ членовъ комитета, во главѣ которыхъ стоялъ тогда великій ревнитель интересовъ православной церкви митрополитъ Григорій: требовалась вся непреклонность его преданности православію, чтобы защитить права церкви противъ такихъ сильныхъ противниковъ, — и на помощь ему въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ выступилъ его другъ и учитель митрополитъ Филаретъ. И не могъ онъ не возвыситься

¹⁾ Русск. Вѣсти. 1881 г. Декабрь, 693—697 стр.

²⁾ Тамъ же 697—698 стр. Такимъ образомъ либеральные защитники успѣли внушить даже самому императору неправильную мысль, будто число раскольниковъ одного поповщинскаго толка (такъ какъ обличить собственно идетъ рѣчь) достигаетъ 5.000,000.

теперь своего голоса, когда съ такимъ великимъ трудомъ созданной имъ и съ такимъ постоянствомъ защищаемой правительственной системѣ дѣйствования въ отношеніи къ бывшему поповству угрожала самая серьезная опасность.

Митрополитъ Филаретъ составилъ новую обширную записку о независимыхъ отъ церкви священникахъ и, отъ 27 октября 1857 года, препроводилъ ее къ с.-петербургскому митрополиту Григорію. Записка эта заключала въ себѣ не только подробный историческій очеркъ всѣхъ прежде бывшихъ бесплодныхъ домогательствъ екатеринбургскихъ и московскихъ раскольниковъ о приобрѣтеніи дозволенныхъ правительствомъ поповъ, съ изложеніемъ причинъ, по которымъ домогательства эти оставались правительствомъ безъ исполненія, — не только новое основательное указаніе церковныхъ и гражданскихъ затрудненій, несообразностей и неблагоприятныхъ послѣдствій, которыя должны были бы открыться неизбежно съ удовлетвореніемъ подобныхъ раскольническихъ искательствъ, но также заключала въ себѣ и обстоятельный разборъ новой записки Закревскаго, содержаніе которой сдѣлалось ему извѣстно неофициальнымъ путемъ. Можно полагать, что теперь хотѣли рѣшить дѣло въ пользу раскольниковъ, не обращая уже за совѣтомъ къ московскому митрополиту, мнѣніе котораго по данному вопросу было достаточно извѣстно, — и заслуга приснопамятнаго архиепископа является тѣмъ выше и важнѣе, что онъ выступилъ теперь въ защиту церкви побуждаемый единственно сознаниемъ своего пастырскаго долга — защищать ее. Мы знакомимъ читателей съ содержаніемъ его новой записки.

«Нѣтъ тайно, еще не открытося, — писалъ онъ митрополиту Григорію. — Раскольники нерѣдко искусно и смело проникаютъ даже въ секретныя дѣйствія начальствъ и самого правительства. Отъ нихъ сіи свѣдѣнія переходятъ иногда къ единовѣрцамъ, стоящимъ на границѣ раскола, а потомъ и къ православнымъ. Есть свѣдѣніе, что нѣкоторымъ должностнымъ лицомъ, или лицами¹⁾ въ Москвѣ составлены

¹⁾ Митр. Филаретъ хорошо зналъ, что для Закревскаго, человѣка не очень грамотнаго, писали записки въ защиту раскольниковъ известныя читателямъ либеральные чиновники, литераторы.

писки, благоприятныя домогательству раскольниковъ, и представлены на разсмотрѣніе правительства⁴⁾. — Затѣмъ противъ приведеннаго Закревскимъ доказательства, что несправедливо стѣснять раскольниковъ въ исполненіи старинныхъ обрядовъ, когда самъ митрополитъ употреблялъ ихъ при своемъ служеніи въ единовѣрческой церкви, онъ замѣчаетъ: «Изъ сего выводиться заключеніе, что раскольники имѣютъ право просить поповъ, значило бы дѣлать заключеніе совершенно неправильное и ложное. Архіерей служилъ, по благословенію Святѣйшаго Синода, со священниками, служащими по сему чину также по благословенію Святѣйшаго Синода; а раскольники просятъ поповъ, независимыхъ отъ Св. Синода, а зависящихъ отъ свѣтскаго начальства. Притомъ служеніе по чину старопечатныхъ книгъ не нынѣ началось, а существуетъ 55 лѣтъ»; «но нынѣ ни раскольники, ни кто-либо другой не выводили изъ сего никакого права въ пользу раскольниковъ: слѣдственно и выставленное нынѣ заключеніе о правѣ раскольниковъ просить себѣ независимыхъ отъ духовнаго начальства поповъ есть только раскольническое усиліе — ложнымъ умствованіемъ дать себѣ видъ справедливости, и потому какъ прежде правительство оставляло такія просьбы безъ уваженія, такъ прилично поступать ему и нынѣ, чтобы дѣйствовать послѣдовательно, и притомъ не подъ предлогомъ огражденія правъ православной церкви, но по сей истинной причинѣ».

Далѣе митрополитъ Филаретъ замѣчаетъ, что намѣренно-несправедливо смѣшавъ единовѣрческое служеніе со старообрядческимъ, графъ Закревскій еще болѣе несправедливо отождествляетъ и самыя понятія старообрядчества и единовѣрія, чтобы изыскать жестокой укоръ православному духовенству, тогда какъ и сами раскольники, несмотря на свои заявленія, отлично понимаютъ различіе между ними. «При сношеніи непосредственно съ раскольниками, и при дознаніи мнѣній ихъ чрезъ единовѣрцевъ, не слышано, чтобы они признавали тождество раскола съ единовѣріемъ и жаловались на сокрытие сего духовенствомъ отъ правительства. И вотъ доказательство: если бы раскольники признавали тождество

раскола съ единовѣріемъ, то не было бы для нихъ причина не присоединяться къ единовѣрію». Что же касается приведенной Загребскіяи выдержки изъ всемилостивѣйшаго манифеста, то она сдѣлана, — замѣчаетъ митрополитъ Филаретъ, «не по истинному ея разуму, а по превратному толкованію», ибо «манифестъ обнадеживаетъ равнымъ для всѣхъ покровительствомъ законовъ плоды невинныхъ трудовъ, а не вредные для государственнаго единства секты и расколы». Своимъ обличаетъ митрополитъ Филаретъ несправедливость и того мѣста, что будто у московскихъ раскольниковъ насильственно отняты молитвенные храмы для обращенія ихъ въ единовѣрческіе, и что они, лишь будучи вынуждены необходимостью, послѣ присоединенія къ единовѣрію послѣдняго покинули митрополию въ чужихъ владѣніяхъ. Молитвенные дома раскольниковъ, — говоритъ онъ, — взяты не насильственно, а по праву и притомъ такъ, что на Рогожскомъ владѣніи изъ трехъ одинъ, а на Преображенскомъ изъ одиннадцати — три; чужеземная же митрополія заведена рогожскими раскольниками не по безвыходному положенію, «когда они еще жили въ Владѣніи болѣе одного пона», а для того, чтобы «закрепить себя, усилить и упрочить», что имъ и удалось, когда «провскіи расколководители и распространяемые отъ нихъ слухами было остановлено начавшееся успѣшное обращеніе раскольниковъ къ единовѣрію. Столь же неосновательнымъ признавалъ онъ и чиненіе тѣхъ благотворныхъ послѣдствій отъ дарованія раскольникамъ желаемыхъ ими поповъ, которыя записаны въ запискѣ Загребскаго, какъ не подлежащая сомнѣнію. Трудно надѣяться, — говоритъ онъ, — чтобы признаніемъ у раскольниковъ независимыхъ священниковъ политическая самостоятельность ихъ исчезла; напротивъ, если основанія опасаться, что она еще «болѣе укреплена», ибо сдѣланнныя раскольниками помы, по обязанности, будутъ входить подъ власть сильныхъ раскольниковъ — повелителей часовень; притомъ они «связаны будутъ между собой взаимными вліяніемъ старшихъ на младшихъ, вѣдомствами же разныхъ часовень и разныхъ городовъ и

селеній останутся связанными взаимно духомъ секты и вліяніемъ богатыхъ рогожскихъ раскольниковъ, и такимъ образомъ ихъ общество еще сильнѣе организуется въ характерѣ демократическомъ». Равнымъ образомъ трудно ожидать, чтобы съ удовлетвореніемъ раскольническихъ домогательствъ съ попомъ заграничные лжеархіереи и лжепопы сдѣлались ненужными, ибо, потративъ на приобрѣтеніе ихъ большіе капиталы, раскольники «не захотятъ бросить то, что дорого купили». Если же при этомъ «разсудительнѣйшіе» изъ нихъ и усомнятся въ ихъ достоинствѣ, то «простой раскольническій народъ», уже отчасти успѣвшій привыкнуть къ лжеархіеріи, естественно не легко оставитъ ее. Въ виду этого, «лжеархіерія можетъ быть низринута только однимъ способомъ, — именно правосудіемъ надъ нею и особенно надъ лжеархіереями», преклоненіе которыхъ въ Россію само собой устранило и послѣднее опасеніе московскаго защитника раскольниковъ, — опасеніе относительно переселенія раскольниковъ за границу и перевода туда ихъ капиталовъ на поддержаніе чужеземной митрополіи, ибо при имѣніи лжеархіереевъ и лжепоповъ у себя дома, для раскольниковъ нѣтъ повода ни къ тому, ни къ другому».

«Изъ всего здѣсь изложеннаго, — писалъ митрополитъ Филаретъ, — нельзя вывести иного заключенія, какъ то, что не домогательство раскольниковъ получить отъ гражданскаго начальства независимыхъ отъ архіереевъ священниковъ отъказа, неоднократно сдѣланный въ Богѣ почившимъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, есть дѣло царской правды и прерогативы, дѣло непоколебимой твердости священнаго церковнаго слова, дѣло по истинѣ благомысливѣйшаго защитника и покровителя православной церкви».)

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ энергическій протестъ великаго московскаго архиепископа противъ записки раздѣльных раскольниковъ — московскаго генералъ-губернатора, съ явнымъ поддержаніемъ митрополита Григорія въ царской барѣ, съ собою

членами комитета и дать ему возможность въ концѣ концовъ отстоять въ неприкосновенности интересы православной церкви. Въ засѣданіе комитета 31 марта 1858 года внесъ онъ, составленную согласно съ замѣчаніями митрополита Филарета, записку «о томъ, какой системы держаться въ отношеніи къ расколу», и энергически отстаивалъ изложенныя въ ней опроверженія всѣхъ доводовъ графа Закревскаго, такъ что, наконецъ, и свѣтскіе члены комитета признали нужнымъ и справедливымъ, «въ просьбѣ раскольниковъ поповщинской секты о дарованіи имъ священниковъ отказать», а 24 апрѣля того же года это постановленіе получило и Высочайшее утвержденіе, послѣ котораго просьбы раскольниковъ о дарованіи имъ поповъ, не зависящихъ отъ православной церкви, болѣе не повторялись¹⁾. И это былъ плодъ многолѣтнихъ, неутомимыхъ, достопамятныхъ трудовъ великаго московскаго святителя.

Здѣсь мы оканчиваемъ на сей разъ наше изслѣдованіе о дѣятельности митрополита Филарета въ борьбѣ съ расколомъ, не оставляя намѣренія современемъ довести его до конца. Утѣшаемся надеждою, что и нашъ неоконченный трудъ, представляющій только слабую попытку изобразить великіе и неутомимые труды приснопамятнаго московскаго святителя въ той области его служенія, которой справедливо усвоили особенно важное значеніе, можетъ, хотя въ нѣкоторой степени, возстановить предъ духовнымъ взоромъ читателей величавый образъ этого архипастыря, неутомимо бдѣвшаго на стражѣ православной церкви, ограждавшаго и защищавшаго ее отъ притѣсненій раскола, отъ козней и нападеній расколоводителей и ихъ пособниковъ, а чрезъ то самое оставившаго въ своемъ лицѣ высокій образецъ для подражанія всѣмъ архипастырямъ российской церкви, доселѣ, въ прискорбю, борямой расколомъ.

¹⁾ Русск. Вѣст., 1881 г. декабрь, 702—705 стр.

